

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986
2025, том 19, № 1 (69)

научно - практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический журнал
«Пенитенциарная наука»
издается с 2007 года, до августа 2019 года выпускался под названием «Вестник института: преступление, наказание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных:
DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), научная электронная библиотека «КиберЛенинка», электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армения, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
394086, г. Воронеж,
ул. Любы Швецовы,
д. 34

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
31.03.2025

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминологии Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4
ЕПИФАНОВ А. Е. Организация и деятельность разведывательно-поисковых групп войск НКВД СССР по охране тыла в годы Великой Отечественной войны	4
ЕЛЬЧАНИНОВА О. Ю. Специфика подготовки женского персонала тюремных учреждений Российской империи (историко-правовой аспект)	13
КОРСАКОВ К. В. Развитие института уголовного наказания в России от времени правления Петра I до уголовных кодексов сталинской эпохи	21
ГОЛУБОВСКИЙ В. Ю. Ресоциализация лиц, совершивших преступление при рецидиве	32
УСТИНОВ А. А. Предупреждение повторной преступности среди осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ	39
БАБАЯН С. Л. Актуальные проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных по ст. 80.2 УК РФ	48
КОБЕЦ П. Н. Формирование законодательного регулирования исполнения уголовных наказаний в отношении лиц женского пола в России в XVI–XIX вв.	57
АВДЮХИН С. А. Институт принудительного питания: зарождение и развитие	65
ЗУБКОВА В. И., НАГОРНЫХ Р. В. Организационно-правовые аспекты исполнения лишения свободы пожизненно и на сверхдлительные сроки	74
ГОСУДАРЕВ Т. Л. Правовые механизмы противодействия дезинформированию в рамках борьбы с пропагандой криминального образа жизни как отдельной субкультуры	82
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	91
КАЗБЕРОВ П. Н. Актуальность исследования проблемного вопроса покамерного размещения и содержания осужденных	91
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	98
КУЗНЕЦОВА Е. В., КОЧАНОВА В. С. Содействие общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы	98
КОВТУНЕНКО Л. В., КОВТУНЕНКО А. Б. Цифровая трансформация ведомственного профессионального образования: проблемы и перспективы развития	108

Научная статья

УДК 343.101

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.001

Организация и деятельность разведывательно-поисковых групп войск НКВД СССР по охране тыла в годы Великой Отечественной войны

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Реферат

Введение: в статье анализируются проблемы, связанные с организацией и деятельностью разведывательно-поисковых групп войск НКВД СССР по охране тыла в 1941–1945 гг. Хронологические рамки исследования охватывают период Великой Отечественной войны, на который пришлось активная фаза оперативно-служебной деятельности советских войск НКВД СССР по охране фронтовых тылов действующей Красной армии. *Цель:* на основе обобщения опыта организации и деятельности разведывательно-поисковых групп войск НКВД СССР по охране тыла в изучаемый период дополнить и скорректировать представления, сложившиеся относительно истории органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. *Методы:* статья подготовлена с использованием общенаучных и исторических методов исследования. Широко применялись методы материалистической диалектики, хронологический, сравнительный, системного анализа, статистический и др. В ходе исследования были использованы материалы Российского государственного военного архива (РГВА), в которых обобщен опыт организации и деятельности разведывательно-поисковых групп войск НКВД СССР. Многие из них введены в научный оборот впервые. *Результаты:* анализ регламентации и практики использования разведывательно-поисковых групп войск НКВД СССР показал, что в изучаемый период имело место дальнейшее совершенствование организации и деятельности этих подразделений. Это позволило решить важнейшие задачи, связанные с обеспечением охраны тыла действующей Красной армии. Важное значение имели мероприятия разведывательно-поисковых групп, направленные на обеспечение победы над врагом, охрану общественного порядка и борьбу с преступностью в прифронтовой полосе. *Выводы:* имея своим назначением обеспечение охраны войскового тыла, разведывательно-поисковые группы в изучаемый период совмещали разведывательные и оперативно-розыскные функции. Тем самым они позволяли частям и соединениям РККА эффективно и бесперебойно вести военные действия. Первоочередными задачами разведывательно-поисковых групп стали обнаружение, задержание либо уничтожение в случае сопротивления шпионов, диверсантов, парашютистов и иной вражеской агентуры, а также разного рода преступного элемента.

Ключевые слова: разведывательно-поисковая группа; войска НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии; Великая Отечественная война.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Организация и деятельность разведывательно-поисковых групп войск НКВД СССР по охране тыла в годы Великой Отечественной войны // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 4–12. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.001.

Organization and Activity of Surveillance and Reconnaissance Groups of the NKVD Rear Protection Troops of the USSR during the Great Patriotic War

ALEKSANDR E. EPIFANOV

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Abstract

Introduction: the article analyzes problems related to the organization and activities of surveillance and reconnaissance groups of the NKVD rear protection troops of the USSR in 1941–1945. The chronological framework of the study covers the period of the Great Patriotic War, which marks an active phase of tactical activities of the NKVD troops of the USSR to protect front lines of the Red Army. *Purpose:* by generalizing the experience of organizing surveillance and reconnaissance groups of the NKVD rear protection troops of the USSR during the period under study, to supplement and correct ideas about the history of internal affairs agencies during the Great Patriotic War. *Methods:* general scientific and historical research methods, as well as methods of materialistic dialectics, chronological, comparative, system analysis, statistical, etc. The author uses materials from the Russian State Military Archive (RGVA) to summarize the experience of organizing surveillance and reconnaissance groups of the NKVD rear protection troops of the USSR, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. *Results:* the analysis of the regulation of surveillance and reconnaissance groups of the NKVD rear protection troops of the USSR shows improvements in the activities of these units in the period under study. In turn, this ensured the fulfilment of the most important tasks of protecting the rear of the Red Army. The activities of surveillance and reconnaissance groups aimed at ensuring victory over the enemy, public order and the fight against crime in the immediate battle area were of great importance. *Conclusion:* focused on the protection of the military rear, surveillance and reconnaissance groups in the period under study combined intelligence and operational search activities. Thus, they ensured the effective and uninterrupted conduct of military operations by units and formations of the Red Army. The primary tasks of surveillance and reconnaissance groups were to detect, detain, or destroy spies, saboteurs, paratroopers, and other enemy agents, as well as various criminals, in case of resistance.

Keywords: surveillance and reconnaissance groups; NKVD rear protection troops of the USSR of the active Red Army; Great Patriotic War.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Epifanov A.E. Organization and activity of surveillance and reconnaissance groups of the NKVD rear protection troops of the USSR during the Great Patriotic War. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 4–12. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.001.

Введение

Несмотря на все многообразие литературы, связанной с историей и правовым положением отечественных войск НКВД/МВД/МГБ СССР, проблематика по теме исследования затрагивалась в ней лишь фрагментарно. В работах Г. С. Белобородова, Е. И. Белова, В. В. Князева, Н. С. Наконечного, В. Ф. Некрасова [1–5] вопросы, касающиеся организационных и правовых основ деятельности разведывательно-поисковых групп в изучаемый период, нашли отражение лишь частично, систематического и комплексного исследования они не получили. Между тем именно разведывательно-поисковые группы внесли существенный вклад в выполнение поставленных оперативно-боевых задач перед войсками НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии (ДКА) [6, с. 19].

28 апреля 1942 г. за подписью заместителя наркома обороны СССР маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова и заместителя наркома внутренних дел СССР генерал-майора А. Н. Аполлонова вышло Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной армии (Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 12. Л. 6–8), согласно которому охрана тыла фронтов возлагалась на специально выделенные для этой цели части войск НКВД СССР. В мае 1942 г., согласно приказу НКВД СССР от 28.04.1942 № 00852, войска НКВД по охране тыла ДКА были переформированы и включены в состав внутренних войск НКВД, в рядах которых они находились вплоть до мая 1943 г. (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 251). Общая штатная численность войск НКВД по охране тыла достигала 65 978 единиц, списочная численность – 50 758 бой-

цов и командиров (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 251). Тылом армии в изучаемый период признавалась территория, на которой располагались органы снабжения (склады и пр.), обслуживающие учреждения (медико-санитарные, ветеринарные, мастерские и т. п.), а также пути подвоза и эвакуации (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 40).

Основным видом служебного наряда охраняющих тыл ДКА войск НКВД, особенно на больших пространствах, в лесисто-болотистой местности с ограниченным количеством дорог, явились разведывательно-поисковые группы (РПГ). Именно они оптимально совместили в своем лице агентурную разведку и активный войсковой поиск. Практика показала, что правильно организованная служба таких групп, а также четкое и бдительное несение службы их личным составом позволили эффективно выявлять и ликвидировать враждебный элемент [7, с. 87].

Между тем опыт службы по охране тыла фронтов Красной армии показал, что в вопросе применения такого вида служебного наряда, как РПГ, отсутствовало четкое понимание не только у командиров и личного состава таковых, но и у отдающих распоряжения об их непосредственном применении старших воинских начальников. РПГ признавались продолжателями дела пограничных войск НКВД, унаследовавшими все их лучшие качества. Наиболее предпочтительным при этом считалось умение неустанно и неотступно искать, обнаруживать, выявлять, преследовать, уничтожать или обезвреживать вражеских лазутчиков и агентуру. Значимость и важность разведывательно-поисковых групп заключалась в том, что они были способны самостоятельно выполнять задачи, которые были не под силу другим видам служебных нарядов внутренних войск. Их служба была наиболее трудной, так как требовала большого морального и физического напряжения сил. Каждый боец должен был обладать находчивостью, мужеством и отвагой в сочетании с осторожностью.

Произведенные в частях внутренних войск по охране тыла проверки (например, на Центральном фронте в апреле 1943 г.), а также анализ соответствующей отчетности показали, что служба разведывательно-поисковых групп не нашла должного и правильного применения. В некоторых частях, в силу непонимания, а подчас и игнорирования отдельными представителями начсостава требований «Инструкции войскам НКВД, охраняющим тыл Действующей Красной Армии», а также ряда иных директивных указаний, результаты службы РПГ оказались настолько низки, что они просто дискредитировали этот важнейший и основной вид служебного наряда внутренних войск (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 23). Подобное положение сложилось, в частности, на Центральном фронте. Там, в течение февраля 1943 г. во 2-м пограничном полку из 1635 задержанных на долю РПГ пришлось всего 247, или 15,1 % от их общего числа. В 98-м пограничном полку эти показатели

составляли соответственно 1057, 94 и 8,9 % задержанных. В общей сложности РПГ обоих полков за этот период задержали лишь 13 % враждебного элемента (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 23).

Основные причины неудовлетворительной службы заключались в целом ряде обстоятельств. Так, районы и направления действий групп с точки зрения целесообразности применения со всей тщательностью не изучались. По количественному и качественному составу они зачастую были слабы, из-за чего их действия отличались ограниченностью и отсутствием инициативы. Начальники групп к служебно-боевой работе предварительно не готовились, тщательно продуманных планов действий не имели. Со стороны высылающих группы начальников требовательность и контроль к ним находились на низком уровне, практическая деятельность и результаты работы РПГ не учитывались. Командиры-разведчики в состав групп включались редко.

Для устранения отмеченных недостатков, а также повышения роли разведывательно-поисковых групп в общей системе службы начальником войск НКВД по охране тыла Центрального фронта полковником Серебряковым 9 апреля 1943 г. был издан приказ, согласно которому организация РПГ была признана одной из главных задач командиров частей, подразделений и штабов. На овладение прочными знаниями порядка организации и практического несения службы данных групп было направлено проведение специальных занятий с начальствующим составом и бойцами войск по охране тыла. Служба РПГ была поставлена под особый контроль штабами полков и батальонов. Данный вид служебного наряда подлежал систематическому анализу с целью своевременного выявления и устранения недочетов (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 23 об.).

9 апреля 1943 г. начальник штаба войск НКВД по охране тыла Центрального фронта полковник Малый утвердил план-конспект проведения занятий по служебной подготовке с командно-начальствующим составом по организации и службе РПГ. Названный курс преследовал цель обучения комсостава в полном соответствии с «Инструкцией войскам НКВД, охраняющим тыл Действующей Красной Армии», а также иными приказами и директивами по этому вопросу (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 24).

11 мая 1943 г. начальник войск НКВД по охране тыла Волховского фронта генерал-майор Великанов выдвинул инициативу по изданию специальной памятки старшему РПГ в качестве документального пособия, к которому каждый командир внутренних войск, не всегда достаточно опытный, мог бы повседневно обращаться и им руководствоваться (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 52). Пособие было призвано на конкретных примерах схематично предоставить не шаблонные, но типичные установки о задачах РПГ, составе, вооружении, снаряжении, сроке службы, средствах связи, передвижениях, тактике и технике рабо-

ты. После того как соответствующее решение было принято начальником ГУВ НКВД ОТ ДКА комиссаром госбезопасности Леонтьевым, необходимые наставления были разработаны, утверждены начальниками соединений внутренних войск по охране тыла и изданы по всем фронтам. «Памятка старшего разведывательно-поисковой группы (РПГ) в условиях охраны тыла Действующей Красной Армии» в известной мере отразила накопившийся к тому времени опыт их работы (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 9).

Как один из видов служебного наряда по охране тыла фронта разведывательно-поисковая группа располагала всеми средствами для розыска, выявления, задержания или уничтожения врага. Первоочередной задачей были признаны розыск, обнаружение и задержание шпионов, диверсантов, парашютистов, сигнальщиков и прочей перебрасываемой врагом в советский тыл агентуры. Так, в сентябре 1942 г. разведывательно-поисковой группой 1 стрелкового батальона 90-го погранполка в дер. Красное Усманского района Воронежской области был задержан без документов военнослужащий Казенков. В процессе фильтрации было установлено, что в ноябре 1941 г. он сдался немцам, был завербован их разведкой и переброшен в советский тыл со шпионскими заданиями. Всего в этом месяце были задержаны 8 агентов противника из числа местных жителей (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 584. Л. 37).

Большое внимание уделялось розыску и задержанию дезертиров и прочих враждебных элементов, укрывающихся во фронтовом тылу. Зачастую данный контингент, а также их родные и близкие прибегали к всевозможным ухищрениям, чтобы избежать разоблачения и задержания. Например, 14 декабря 1942 г. начальник РПГ от 10 заставы 92-го погранполка получил от местных жителей сведения о том, что в с. Медвежье Меловатского района Воронежской области скрываются дезертиры. В результате обыска под полом одного из домов была обнаружена яма, в которой скрывался дезертир. Он дышал через ульи, сложенные под кроватью над ямой. Другой дезертир также был извлечен из оборудованного под кроватью убежища. Жена его при этом всячески препятствовала пограничникам, крича, что муж проливает кровь в Красной Армии, а те в это время истязают его семью (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 490. Л. 26). 3 ноября 1942 г. РПГ от 5-го стрелкового батальона 90-го погранполка благодаря умелым и энергичным действиям бойцов, проявленной смекалке в искусно оборудованных в домах схронах были задержаны 6 дезертиров, скрывавшихся несколько месяцев.

К компетенции РПГ были отнесены борьба с мародерством и расхищениями социалистической и колхозной собственности; поддержание установленного режима в 25-километровой прифронтовой полосе и выдворение всех незаконно находящихся там лиц; прочесывание в названных целях лесов, болот и прочих участков местности; выявление оторвавшихся от

своих частей и незаконно остающихся в тылу мелких воинских команд, подразделений и учреждений; установление и задержание виновников порчи связи; проверка населенных пунктов в прифронтовой полосе, откуда было отселено местное население (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 13–13 об.).

От бойцов и командиров РПГ требовалось быть всегда готовыми к розыску, задержанию или уничтожению скрывающегося в соответствующем районе шпиона, сигнальщика или разведчика противника (либо их групп); действующей вражеской радиостанции; выброшенных противником с самолета парашютистов; членов экипажа приземлившегося вражеского самолета; оказавшихся во фронтовом тылу неприятельских военнослужащих.

Кроме того, на личный состав РПГ возлагались обнаружение и обозначение оставленных противником складов, вооружения, снаряжения, заминированных участков и пр. Также в их задачу входило выявление и изъятие при освобождении от оккупантов ставленников и пособников врага из числа местного населения; розыск, преследование и уничтожение прорвавшихся во фронтовой тыл мелких групп разведчиков и автоматчиков противника, одиночек и групп бандитов; проческа лесов, болот, оврагов, покосов и огородов, осмотр населенных пунктов на предмет обнаружения и задержания скрывающихся дезертиров и нарушителей прифронтового режима; розыск, сбор и уничтожение сброшенных авиацией противника антисоветских листовок и прочей «контрреволюционной» литературы, обнаружение и задержание их хранителей и распространителей; периодическая разведка и изучение местности, а также обстановки на участке подразделения; поиск совершившего посадку своего самолета и выбросившегося с парашютом летчика, а также оказание им помощи; выполнение иных, вытекающих из обстановки задач по охране тыла фронта. Так, например, за март 1943 г. РПГ 92-го погранполка войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта были задержаны 3 бургомистра, помощник немецкого коменданта, 6 переводчиков, 4 писаря старост, 14 управляющих хозяйством оккупантов, 12 сожительниц немецких офицеров, 22 добровольца украинского национального формирования, 12 жандармов, 2 адвоката, начальник полиции и прочие ставленники и пособники врага, скрывавшиеся от органов советской власти (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 490. Л. 52).

Как правило, РПГ действовали в определенном направлении, районе или пункте. Основным методом их действия являлся активный поиск в пределах порученного района, маршрута или направления действий диверсионно-разведывательных групп и одиночек противника, шпионов, дезертиров и другого преступного элемента. Для большей эффективности поиска группы использовали всевозможные источники как личной разведки и наблюдения, так и оперативные материалы органов и войск НКВД, органов НКГБ, частей Красной армии, бригад содействия (ис-

требительных батальонов) и данные опроса местных жителей.

Согласно установленному порядку старшим группы назначался средний командир либо в отдельных случаях хорошо подготовленный младший командир, знакомый с методами и ухищрениями агентуры противника и преступного элемента, умеющий свободно и правильно ориентироваться в самой сложной боевой обстановке, владеющий навыками по проверке документов с соблюдением высокой командирской требовательности и вежливости (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 14 об.). Наставлением предусматривалось назначение начальником РПГ двух своих заместителей. Как правило, личный состав группы включал 10–15 чел. При направлении ее на только что освобожденную от противника территорию он мог увеличиваться до 20 чел. (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 24).

Боевую задачу начальнику РПГ мог ставить лишь лично командир соответствующего подразделения внутренних войск. Правом высылать группу на выполнение задания наделялись начальник заставы, командиры батальона или полка в пределах вверенных участков местности, а также штабы полка или соединения внутренних войск в целом в пределах всей полосы охраны тыла фронта. Характерно, что отвлекаться на не относящиеся к полученному заданию и не вызывающиеся изменением обстановки вопросы бойцам и командирам РПГ категорически запрещалось. Однако при получении данных о нахождении в попутном населенном пункте гитлеровских ставленников, шпионов, дезертиров и иного враждебного элемента начальник группы был обязан организовать их задержание или ликвидацию (в случае оказания сопротивления), но только не в ущерб поставленной вышестоящим командованием задаче (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 29). Во всех случаях, если того требовала обстановка, начальник РПГ обязан был незамедлительно оказывать поддержку соседним нарядам (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 30).

Характер выполняемых задач в каждом конкретном случае требовал избирательного отношения к выбору начальника, определению численности (отделение, взвод и пр.) и состава (включение командира-разведчика, санитаря, сапера, связистов, проводника служебно-розыскных собак и пр.), избранию средства передвижения (пешком, на лыжах, подводах, автомашинах и пр.), вооружения и боеприпасов, снаряжения и питания, средств связи, срока службы, способа направления срочных донесений. К РПГ предъявлялось требование быть маневренной и «быстро-подвижной», способной выполнить поставленную задачу в любых условиях, с наименьшей затратой сил и энергии (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 14). По этой причине экипировка зимой и летом была максимально облегченной, не связывающей подвижность наряда.

В зависимости от поставленной задачи РПГ могла нести службу от нескольких часов до нескольких суток. Получив задание, ее командир обязан был отдать необходимые распоряжения по подготовке к его выполнению, получить необходимые карты и схемы местности, на их основе обдумать и составить план действий группы. Характерно, что на карты и схемы обстановка, как правило, не наносилась. Разрешалось делать только отметки в произвольном стиле. На практике начальники старались все запомнить.

Необходимо было учитывать наличие в РПГ бойцов, командиров и специалистов, их личные качества, время суток, условия местности и погоды, установленное для службы время, допустимые к использованию в районе действия группы средства и источники (органы НКВД и милиции, осведомление, бригады содействия, гарнизоны РККА, комсомольско-молодежные формирования и пр.). Кроме того, при подготовке к выходу на задание командир обязан был учесть продолжительность нахождения соответствующей местности в оккупации гитлеровцами и ее последствия. На предмет получения разведывательных данных и возможной помощи в людях, выяснялось наличие прежде партизанских отрядов и местонахождение их бойцов.

При отсутствии в составе группы командира-разведчика надлежало получить у высылающего группу начальника указание о возможностях связаться в районе действия с осведомлением. При наличии незнакомых участков местности следовало выяснить необходимость инженерной разведки. Кроме того, у высылающего РПГ на службу командира требовалось получить условный сигнал (знак) для связи с советскими самолетами, к которым можно было бы обратиться за помощью при выполнении поставленной задачи.

В плане операции в обязательном порядке предусматривалась последовательность «обработки» местных предметов – покосов с сараями, оврагов, болота, хуторов и иных населенных пунктов, перелесков, леса и пр. Если лес был большой, его надлежало разбить на участки в зависимости от наличных сил. Заранее намечалась техника осмотра каждого местного предмета, а именно местоположение постов, дозоров и секретов, порядок прочесывания местности, чтобы исключить любую возможность ухода незамеченным всякому разыскиваемому или просто оказавшемуся в зоне действия группы. Также распределялось время, необходимое на работу, отдых, передвижение от объекта к объекту, а также возвращение в расположение подразделения.

Перед выдвижением на задание начальник обязан был тщательно проверить готовность группы. С этой целью осматривались одежда, обувь, вооружение и снаряжение. Проверялись наличие, укладка и состояние продовольствия. Зимой особое внимание уделялось лыжному хозяйству, а также подготовке оружия (особенно автоматического) к стрельбе.

Одним из основных недочетов боевой деятельности РПГ на начальном этапе был некачественный подбор личного состава. Группы наспех комплектовались из бойцов и командиров, не обладавших необходимой подготовкой. По этой причине поиски велись неумело и, как правило, безрезультатно. В тех случаях, когда такие группы вступали в бой с врагом, они проявляли трусость, растерянность и вместо активных действий переходили к обороне. В ходе преследования противника они действовали медленно и вследствие неумелой организации преследования часто попадали под внезапный огонь из засад, подбивались на минах, несли неоправданные потери (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 267).

В этой связи начальник группы предварительно был обязан лично знакомиться со всеми ее членами, особенно прибывшими из других подразделений. Подбор личного состава, как того требовало наставление, осуществлялся строго индивидуально, с учетом подготовленности к служебно-боевым действиям. Предпочтение при этом отдавалось «партийно-комсомольской прослойке», политически грамотным, устойчивым, физически выносливым и бдительным бойцам, способным распознавать уловки агентуры противника и вражеского элемента (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 15 об.). Как того требовало наставление, при всех служебно-боевых действиях РПГ надлежало следить, чтобы не нарушалась «революционная законность». Замеченные в этом лица подлежали немедленному удалению из состава группы и привлечению к строжайшей ответственности (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 34).

Личный состав, как правило, вооружался автоматическим оружием – ручными пулеметами, автоматами и гранатами, снабжался необходимым количеством боеприпасов, противогазами, химическими и индивидуальными пакетами. Инструктор саперного дела или минер, помимо положенных средств для разграбления или обозначения минных полей, должен был иметь при себе миноискатель и надлежащий инструмент. В зависимости от поставленной задачи и условий работы в особых случаях допускалось переодевание бойцов и командиров РПГ в гражданскую одежду. Их вооружение при этом ограничивалось пистолетами, револьверами и гранатами (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 15 об.).

Перед выходом на задание личному составу командиром группы ставилась общая задача, объявлялись район и сроки службы, отдавались необходимые указания. Больные, ненадежные, с плохим зрением и слухом бойцы подлежали безоговорочному исключению из состава группы и замене другими. Если РПГ приходилось действовать в районах, где была вероятна встреча с противником, у всего личного состава, согласно требованиям ч. 1 ст. 104 Боевого устава пехоты 1942 г., полагалось отбирать документы и сдавать их на хранение начальнику заставы либо лицу, высланному группой.

Служебно-боевая деятельность РПГ осуществлялась строго по плану. В зависимости от обстановки и характера выполняемых задач группе допускалось высылать из своего состава дозоры, выставять посты, секреты, засады, проводить в населенных пунктах, лесах и на хуторах облавы, выделять конвои и т.п. Сообразуясь с обстановкой, начальник в случае необходимости разбивал состав РПГ на группы:

- обеспечения, высланные на вероятные пути отхода врага и действовавшие методом засады;
- прикрытия (так называемая огневая группа);
- активного поиска и захвата противника (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 29 об.).

При движении по неизвестному маршруту, особенно на территории, освобожденной от противника, в головной дозор в обязательном порядке надлежало выделять саперов для разведки в пути и разминирования. До проведения инженерной разведки самовольный выход бойцов в землянки и отдельные пустые строения не допускался. Также до осмотра саперами категорически запрещалось брать в руки любые предметы. В составе головного дозора следовал инструктор или вожатый служебно-розыскной собаки. Последняя при этом находилась на длинном поводке или вообще спускалась с него (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 43).

При выполнении задачи движение кучей не допускалось. В зависимости от обстановки и условий местности личному составу предписывалось двигаться в колонне по одному, по два или в цепь. Местность при выполнении поставленной задачи подлежала тщательному осмотру. Бойцам и командирам всегда надлежало делать так, чтобы все видеть и слышать, оставаясь при этом незамеченными. Во избежание подрыва личного состава на минах или внезапного выхода на засаду противника РПГ избегали перемещаться по дорогам, тропам или просекам. Как правило, они передвигались параллельно им и использовали таковые только в качестве ориентиров.

Если группа выполняла служебно-боевые задачи продолжительное время, ее начальнику надлежало позаботиться об организации отдыха и питания вверенного личного состава. Место для отдыха (ночлега) при этом выбиралось по возможности за пределами населенных пунктов. При остановке на привал или ночлег размещение у местных жителей категорически запрещалось. На отдыхе РПГ обеспечивались надежной охраной путем выставления часовых и наблюдателей. В тех случаях когда была велика вероятность встречи с противником (бандгруппами), на пройденном маршруте (если были хорошо видны оставшиеся после движения группы следы) в 400–500 м от места расположения на отдых ядра РПГ выставлялась засада (прикрытие) из числа автоматчиков. Снимать обувь и обмундирование во время отдыха никому из личного состава не разрешалось.

В каком бы положении не находилась группа (в движении, на отдыхе и пр.), она ни на минуту не мог-

ла прекращать разведывательные действия, в том числе наблюдение за происходящим в окрестностях, опрос местных жителей и прохожих, связи с местными органами власти, гарнизонами РККА и т. д. Если поставленная задача предполагала скрытность (при поиске шпионов, диверсантов, дезертиров и пр.), она подлежала обеспечению всеми мерами. При этом запрещалось открыто выходить на дороги, предписывалось регулярно менять направление движения, населенные пункты проходить, маскируясь под следующие в свою часть или на занятия команды. При наличии в составе РПГ проводников следовало всячески ограждать их от общения с местным населением и держать под постоянным наблюдением начальника группы и его заместителей (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 34).

При осмотре населенного пункта РПГ подходила к нему скрытно, предварительно изучив его конфигурацию и подступы. Все выходы из населенного пункта подлежали перекрытию дозорами и постами. Лишь после этого допускалось войти в населенный пункт. О предстоящей работе следовало объявить председателю колхоза или сельсовета. От них же предписывалось получить оперативные и разведывательные сведения.

В случае необходимости населенный пункт разбивался на несколько участков, по числу выделенных досмотровых групп. В каждую из них назначалось не менее 4–5 бойцов и включался представитель местной власти. Как правило, осмотр начинался на всех участках одновременно. При этом осматривались все постройки, чердаки, чуланы, подвалы, погреба, кучи сена и соломы, большие сундуки, ящики, шкафы и пр. У граждан проверялись документы. При осмотре внутренних помещений снаружи выставлялись посты наблюдения. Задержанные лица на месте подвергались фильтрации. Подлежащие дальнейшей разработке следовали вместе с РПГ либо под конвоем направлялись к месту назначения. Конвой выделялся из состава лучших бойцов в зависимости от количества и важности задержанных, но всегда не менее двух человек. Лица, оказавшие вооруженное сопротивление, пытавшиеся при задержании бежать, а также задержанные парашютисты противника и бандиты конвоировались со связанными руками. Связывание рук периодически проверялось.

При осмотре покоса, поля с сараями, стогами и копнами также обеспечивалось их предварительное скрытное изучение с удобного пункта. На окраинах поля или покоса выставлялись посты и секреты, расположенные таким образом, чтобы никто не имел возможности скрыться в лес. Проческа названных объектов осуществлялась со стороны более закрытого участка к более открытому, а именно от густого леса к болоту, реке или полю. В ходе осмотра личный состав разделялся на группы, каждой из которых выделялась отдельная полоса поиска. При осмотре крупного густого леса он разбивался на участки с

ясно видимыми ориентирами в виде просеки, ручья, поляны, оврага и т. п. По боковым и передней границам участка осмотра высылались дозоры или выставлялись посты, чтобы не допустить ухода разыскиваемых вперед или в стороны незамеченными. В ходе осмотра леса личный состав распределялся на небольшие группы по 3–5 человек во главе со старшими. При движении по лесу им запрещалось поднимать шум, а также подавать сигналы в виде окриков, свистков и пр. Связь между названными группами поддерживалась зрительно и на слух.

Поисковым группам надлежало двигаться не топчась, тщательно осматривая все ямы, шалаши, землянки и заросли. Особое внимание обращалось на следы, свежесломанные или срубленные ветки, деревья, остатки костров, пищи и человеческих испражнений, тропы. Бойцам и командирам РПГ всегда надлежало помнить о том, что противник часто минирует свои следы. При обнаружении вражеских следов нарушать их запрещалось, они подлежали тщательному изучению. Особое внимание при этом уделялось их давности и направлению движения. Двигаться надлежало, как правило, параллельно следу. Для проработки следа использовались служебно-розыскные собаки. Направление движения при следовании РПГ обозначалось пуском осветительных ракет, выстрелами из винтовки трассирующими пулями, засечками на деревьях, заламыванием веток и т.д.

Свои особенности имела работа РПГ в 25-километровой прифронтовой полосе. Обусловливались они в основном полным запретом на пребывание там гражданских лиц, а также необходимостью взаимодействия с военными комендантами населенных пунктов. Все задержанные в названной полосе военнослужащие и гражданские лица без документов подлежали задержанию, аресту и отправке для дальнейшей фильтрации к выславшему РПГ начальнику. Кроме того, личному составу группы вменялось в обязанность обращать внимание на нарушение правил маскировки расположенными в населенных пунктах прифронтовой полосы войсками РККА, в особенности их артиллерией, танками, транспортными средствами, обозами и пр.

Обнаруженный в ходе служебно-боевой деятельности РПГ противник (парашютисты, диверсанты, бандиты и пр.) подлежал окружению и принуждению к сдаче. При встрече с одиночными солдатами противника, малочисленными группами дезертиров и бандитов личному составу группы надлежало внезапно напасть на них и без выстрела захватить. При приближении неизвестного (разыскиваемого) следовало устроить засаду и задержать его. При наличии у задержанного оружия оно подлежало незамедлительному изъятию. Всякий задержанный подлежал обыску, в ходе которого отбирались документы, деньги и иные предметы, которые можно было бы использовать для нападения на состав наряда. При попытке

спастись бегством личный состав РПГ обязан был немедленно пуститься в погоню. Если догнать не удавалось, надлежало «действовать гранатой или пулей», но только в крайнем случае. В обязательном порядке при этом следовало сделать окрик «Стоять» и один предупредительный выстрел. Если задержанный не останавливался, допускалась стрельба на поражение. Как указывалось в наставлении старшему РПГ: «Спокойный, меткий выстрел из винтовки (автомата) всегда догонит врага» (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 479. Л. 7).

Согласно наставлению начальник РПГ обязан был применять оружие в случае явного нападения на ее личный состав, вооруженного сопротивления, при попытке к побегу задерживаемых или конвоируемых (после оклика «Стоять» и предупредительного выстрела), при попытке посторонних освободить последних (также после предупреждения) (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 30). При сопротивлении надлежало действовать быстро и решительно – открывать огонь и переходить в атаку. При захвате кого-либо из вражеской группы следовало оперативно установить, не скрылся ли кто-то из ее членов, и если такое произошло, то в каком направлении. При этом не следовало полагаться только на показания задержанных, а по следам и иным признакам проверять их соответствие действительности.

В случае ухода противника предписывалось незамедлительно организовывать его решительное и неотступное преследование. Наставлением различалось преследование двух видов: непосредственное, когда преступник пытался скрыться на глазах у бойцов, и по оставленным неизвестными следам. В обоих случаях преследование надлежало вести до полного и по возможности быстрого задержания, используя для этого все меры. При всяком преследовании личному составу группы надлежало использовать служебно-розыскную собаку (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 588. Л. 17 об.).

Характерно, что преследование могло осуществляться не только по следам, но и параллельно, специально выделенными группами и дозорами. Начатое преследование не подлежало прекращению ни под какими предлогами. Ни усталость, ни погода, ни ночь, ни численное превосходство противника, ни потери не признавались уважительными причинами для прекращения преследования врага и отхода.

За нерешительность действий, а тем более их прекращение начальники РПГ несли персональную ответственность. Остановившегося или оказавшего сопротивление противника, не давая ему опомниться, надлежало решительно и быстро атаковать, невзирая на его численное превосходство. Боец РПГ обязан был выполнить поставленную задачу в любом случае, даже если он оставался один против численно превосходящего противника. Как это следовало из наставления старшему РПГ, при внезапном столкновении с противником, особенно ночью или в туман

(метель), а также при действиях на сильно пересеченной местности надлежало смело атаковать врага.

Служебно-боевая работа РПГ предполагала непосредственные столкновения с регулярными подразделениями противника, в основном с разведгруппами. Наибольшее распространение они получили в полосе Карельского фронта. В общей сложности в его тылу только за 1942–1943 гг. было зафиксировано появление 17 вражеских разведывательно-диверсионных групп численностью от 25 до 600 человек. В результате боевых столкновений с ними 186 гитлеровцев были убиты, 82 ранены и 31 взят в плен. Потери военнослужащих внутренних войск при этом составили 19 человек убитых, 21 раненый и 1 пропавший без вести (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 262). Например, 26 июня 1944 г. РПГ 4-й заставы 1-го пограничного полка (Карельский фронт) из 7 бойцов под командованием сержанта Кашлева в 9 километрах западнее Олонца вступила в бой с отрядом гитлеровцев. Двое вражеских солдат и офицер были убиты, 12 захвачены в плен. В схватке один из бойцов разведывательно-поисковой группы погиб (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 105).

О произошедшем боестолкновении следовало незамедлительно доносить высланному разведывательно-поисковую группу начальнику. В обязательном порядке донесения направлялись в случае обнаружения или ликвидации противника, ухода его из окружения, получения новых данных о противнике или обстановке. Какую бы задачу РПГ не выполняла, все, что удалось увидеть, выяснить и обнаружить, следовало записать, нанести на карту (схему) и по возвращении в подразделение подробно, ясно и правдиво доложить командованию.

В общей сложности, по данным оперативного отдела Главного управления внутренних войск НКВД СССР, за годы Великой Отечественной войны с участием РПГ внутренние войска НКВД СССР провели 9292 чекистско-войсковые операции по борьбе с бандитизмом, 47 451 бандит убит и 99 732 – захвачены живыми. В результате оперативно-служебной деятельности были задержаны 2578 шпионов и диверсантов, 47 577 изменников родины, 132 695 хулиганов, воров и спекулянтов, 119 648 дезертиров и 227 928 лиц, уклонившихся от службы в Красной армии. Помимо этого, было задержано большое количество пособников врага, бежавших из мест заключения, вышедших из плена и с оккупированной территории, отставших от своих частей, членов фашистских партий, нарушителей установленного режима и т. п. (РГВА. Ф. 32880. Оп. 1. Д. 140. Л. 35–35 об.).

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в изучаемый период разведывательно-поисковые группы войск НКВД СССР охраны тыла внесли существенный вклад в выполнение поставленных оперативно-боевых задач (поиск, захват или уничтожение вражеских диверси-

онных или оставшихся в советском тылу войсковых групп, преступных элементов, а также обеспечение законности и общественного порядка в прифронтовой полосе). Командованием войск НКВД СССР охраны тыла действующей Красной армии уделялось большое внимание организации и деятельности разведывательно-поисковых групп, что проявлялось в разработке соответствующих нормативно-правовых

документов. Опыт оперативно-служебной и боевой деятельности данных групп заслуживает пристального внимания со стороны современных исследователей истории Великой Отечественной войны, а также компетентных специалистов российских вооруженных сил. Как представляется, он может быть использован в аналогичных условиях нынешних вооруженных конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белобородов Г. С. История внутренних войск. Хроника событий (1811–1991 гг.). М., 1995. 155 с.
2. Белов Е. И. Внутренние войска МВД России 1917–2000 гг. Краткая история и боевые традиции. М., 2002. 26 с.
3. Князев В. В. Войска НКВД СССР и правовое обеспечение их применения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Научный портал МВД России. 2020. № 1. С. 21–28.
4. Наконечный Н. С. Служебно-боевая деятельность внутренних войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1989. 153 с.
5. Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД. М., 1983. 368 с.
6. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Институт особого государственно-правового режима в условиях Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Закон и право. 2011. № 10. С. 16–20.
7. Епифанов А. Е., Баев Р. Р., Джумагулов А. С. Федеральное вмешательство как институт федеративного государства (вопросы теории государства и права). Волгоград, 2011. 168 с.

REFERENCES

1. Beloborodov G.S. *Istoriya vnutrennikh voisk. Khronika sobytii (1811–1991 gg.)* [The history of the internal troops. Chronicle of events (1811–1991)]. Moscow, 1995. 155 p.
2. Belov E.I. *Vnutrennie voiska MVD Rossii 1917–2000 gg. Kratkaya istoriya i boevye traditsii* [Internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia 1917–2000. Brief history and military traditions]. Moscow, 2002. 26 p.
3. Knyazev V.V. Internal security troops of the People's Commissariat of Internal Affairs and legal ensuring their employment in Great Patriotic War 1941–1945. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2020, no. 1, pp. 21–28. (In Russ.).
4. Nakonechnyi N.S. *Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' vnutrennikh voisk v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Service and combat activities of the internal troops during the Great Patriotic War]. Moscow, 1989. 153 p.
5. Nekrasov V.F. *Na strazhe interesov Sovetskogo gosudarstva. Istoriya stroitel'stva voisk VChK-OGPU-NKVD-MVD* [Guarding the interests of the Soviet state. The history of the construction of the CHEKA-OGPU-NKVD-MVD troops]. Moscow, 1983. 368 p.
6. Epifanov A.E., Dzhambalaev Ya.R. Institute of special state-legal regime in the Great Patriotic War. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2011, no. 10, pp. 16–20. (In Russ.).
7. Epifanov A.E., Baev R.R., Dzhumagulov A.S. *Federal'noe vmeshatel'stvo kak institut federativnogo gosudarstva (voprosy teorii gosudarstva i prava)* [Federal intervention as an institution of a federal state (issues of theory of state and law)]. Volgograd, 2011. 168 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Статья поступила 14.10.2024

Научная статья

УДК 343.83

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.002

Специфика подготовки женского персонала тюремных учреждений Российской империи (историко-правовой аспект)

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА ЕЛЬЧАНИНОВАНаучно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, olga220169_69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7667-9609>

Реферат

Введение: ретроспективный анализ процессов, связанных с изменениями, происходившими в тюремном управлении в дореволюционный период, сегодня имеет важное теоретическое и практическое значение, позволяя экстраполировать исторический опыт в деятельность современного пенитенциарного ведомства. Изучение заявленной тематики определяется необходимостью восстановления исторически объективной картины деятельности уголовно-исполнительной системы в XIX – начале XX в. Представленная статья дополняет уже имеющийся опыт научного анализа и обобщения деятельности Российского государства по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в исследуемый исторический период. Выбор темы также связан с юбилейной датой – 110-й годовщиной первого выпуска Московской школы для подготовки кандидаток на должности тюремных надзирательниц, которую по праву можно считать первым официальным образовательным учреждением по подготовке женского персонала для российских тюрем. *Целью* исследования является изучение исторического опыта подготовки тюремных служащих женского пола на примере деятельности Московской школы тюремных надзирательниц. *Задачи исследования:* систематизировать эмпирические данные о работе Московской школы тюремных надзирательниц; определить цель ее открытия, источники финансирования; охарактеризовать подходы к отбору кандидаток на обучение; проанализировать содержание образовательных программ и методики обучения. *Методы:* диалектический метод позволил проследить динамику изменений деятельности Российского государства по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в исследуемый исторический период. Логический метод применялся при анализе требований к профессиональной компетентности тюремного персонала, выявлении критериев отбора кандидаток для зачисления в школы надзирательниц, оценке образовательных программ подготовки тюремных служащих женского пола и т. д. Формально-юридический метод позволил провести анализ законодательных и иных нормативных правовых документов по теме; логико-семантический метод был использован для определения сущности и значимости форм и методов обучения слушательниц; структурный метод применялся в выявлении особенностей обучения тюремных служащих женского пола. *Результаты:* материалы научной статьи, посвященные описанию образовательных традиций конца XIX – начала XX в., могут быть использованы в качестве содержательной основы курсов теории и истории подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы с учетом генезиса пенитенциарного образования. *Выводы:* именно в рассматриваемый период были заложены основы подготовки персонала для пенитенциарных учреждений. Показано, что основное внимание уделялось формированию профессиональной компетентности тюремных служащих женского пола через сочетание теоретической и практической подготовки. Расчет был сделан на оптимизацию формы и содержания образовательного процесса служащих тюремного ведомства, на практико-ориентированность учебных курсов. Несмотря на то что описанные в статье попытки создать эффективную систему подготовки персонала не смогли полностью обеспечить решение кадрового вопроса в пенитенциарной сфере, их по праву можно признать положительным опытом.

Ключевые слова: Главное тюремное управление; Московская школа тюремных надзирательниц; тюремный персонал; уголовно-исполнительная система; тюремное образование; законоведение; Московский дамский благотворительно-тюремный комитет; профессиональная компетентность.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Ельчанинова О. Ю. Специфика подготовки женского персонала тюремных учреждений Российской империи (историко-правовой аспект) // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 13–20. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.002.

Specifics of Training Female Prison Staff in the Russian Empire (Historical and Legal Aspect)

OL'GA Yu. YEL'CHANINOVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, olga220169_69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7667-9609>

Abstract

Introduction: a retrospective analysis of the processes related to changes in the prison administration in the pre-revolutionary period is of theoretical and practical significance, as it helps extrapolate historical experience into activities of the modern penitentiary system. The study of the stated topic is determined by the need to restore a historically objective picture of activities of the penal system in the XIX – early XX century. The article describes activities of the Russian state to staff the prison department in the given historical period. The choice of topic is also related to the 110th anniversary of the first graduation from the Moscow School of Prison Wardens, which can rightfully be considered the first official educational institution for training female prison staff. *Purpose:* to study historical experience of training female prison officers using the example of the Moscow School of Prison Wardens. *Tasks:* to systematize empirical data on the work of the Moscow School of Prison Wardens; to determine the purpose of its opening, sources of funding; to characterize approaches to the selection of candidates for training; to analyze the content of educational programs and teaching methods. *Methods:* the dialectical method made it possible to trace the dynamics of changes in activities of the Russian state to staff the prison department during the historical period under study. The logical method was used to analyze requirements for the professional competence of prison staff, identify criteria for selecting candidates for admission to wardens' schools, evaluate educational programs for female prison officers, etc. The formal legal method was applied for the analysis of legislative and other regulatory legal documents on the topic; the logical-semantic method – for the determination of the essence and significance of forms and methods of training female students; the structural method – for the identification of features of training female prison officers. *Results:* the article devoted to the description of educational traditions of the late XIX – early XX century can be used as a substantial basis for courses in theory and history of personnel training for the penal system, taking into account the genesis of penitentiary education. *Conclusion:* the foundations for staff training for penitentiary institutions were laid during the period under review. It is shown that the main attention was paid to the formation of professional competence of female prison officers through a combination of theoretical and practical training. Despite the fact that the attempts described in the article to create an effective staff training system failed to fully address the personnel issue in the penitentiary sector, they can rightfully be recognized as a positive experience.

Keywords: Main Prison Department; Moscow School of Prison Wardens; prison staff; penal system; prison studies; law studies; Moscow Women's Charity and Prison Committee; professional competence.

5.1.4. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Yel'chaninova O.Yu. Specifics of training female prison staff in the Russian Empire (historical and legal aspect). *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 13–20. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.002.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи в результате быстрого промышленного развития резко увеличилась внутренняя миграция крестьян в города, разрушалась патриархально-общинная система отношений. Оторванность от привычного социокультурного пространства нередко приводила многочисленные группы крестьян к маргинализации и девиантному поведению, что негативно сказывалось на криминогенной ситуации и способствовало росту преступности и тюремного населения в целом. При этом места исполнения уголовных наказаний испытывали серьезные трудности с кадровым обе-

спечением. На решение этого вопроса влияли низкий уровень денежного содержания служащих и отсутствие единой для всех учреждений системы правового регулирования. Обучение тюремного персонала осуществлялось, как правило, непосредственно в процессе выполнения служащими должностных обязанностей. Структура персонала и требования к его профессиональной компетентности отражали тогда лишь потребности конкретного тюремного заведения на определенный период времени. В инициативном порядке местные власти открывали полицейские школы, где готовили в том числе и тюремный персо-

нал. При этом обучение ограничивалось практическим освоением основ тюремной службы в местах заключения.

Представленная статья дополняет уже имеющийся опыт научного анализа и обобщения деятельности Российского государства по организации кадрового обеспечения тюремного ведомства в XIX – начале XX в. Отметим работы Д. В. Волошина, в которых поднимаются проблемы профессиональной подготовки персонала в первых школах и на курсах, рассматриваются научно-теоретические, организационно-педагогические и просветительские идеи Н. Ф. Лучинского, Б. С. Утевского, С. В. Познышева и других ученых [1–3]. Определенный вклад в решение рассматриваемой проблемы внесли исследования М. В. Вольского [5], Л. Ю. Забровской [5], которые также посвящены кадровой политике, организационно-управленческим особенностям российского тюремного ведомства в конце XIX – начале XX в. Организационно-педагогические вопросы деятельности первых государственных школ по подготовке пенитенциарного персонала в России получили отражение в публикациях Д. Ю. Степановой [6], П. П. Пирогова [7]. Разным аспектам функционирования Московской школы тюремных надзирательниц посвящена серия статей журнала «Тюремный вестник», включающих материал об учредительных документах, системе финансирования, количественно-качественных характеристиках слушательниц, участии Московского дамского благотворительно-тюремного комитета и др. [8–16].

При подготовке статьи нами изучены и введены в научный оборот документы фонда 625 «Московская женская тюрьма» Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы), содержащие информацию о процедуре отбора соискательниц, форме анкеты для поступающих, требовательной ведомости для преподавателей, журнале успеваемости и др. Интерес вызывает раздел фонда, посвященный распорядку дня слушательниц, регламенту функционирования Совета школы, оплате труда преподавательского состава, в частности есть указание на оплату ставки в объеме 2 руб. в час для всех категорий преподавателей. Кроме того, материалы фонда позволили получить представление о процедуре выбора помещения под школу, содержат информацию о договоре аренды с купцами братьями Прошиными, о размере арендной платы и месте расположения первого здания (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103).

Как было отмечено выше, проблема кадрового обеспечения системы исполнения уголовных наказаний в конце XIX – начале XX в. стояла остро. Вопрос о создании специализированных учебных заведений находился в стадии разработки. Как это ни парадоксально, в дореволюционной России женщины охотно шли работать в тюремное ведомство. В это время система исполнения наказаний была одним из немно-

гих институтов, где женщины могли получить статус государственной служащей. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 15.06.1887 «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» [17] в отдельных учреждениях, исполняющих уголовные наказания в отношении лиц женского пола, были введены должности помощниц начальников тюрем или смотрительниц, а также старших и младших надзирательниц. В их число могли попасть «лица всякого звания, но преимущественно грамотные», они приводились к присяге на верность службе по обрядам своего вероисповедания. Кроме того, с соискательниц этих должностей бралось письменное обязательство службу нести честно. В случае совершения проступка к ним применялись меры дисциплинарного воздействия (замечание, выговор, штраф, наряд вне очереди, увольнение), в случае совершения преступления – передавались суду [17]. В 1892 г. тюремные служащие женского пола получили пенсионные льготы, которые распространялись не только на саму работницу, но также на их несовершеннолетних детей, если они становились круглыми сиротами, потеряв отца и мать [18]. Но в отношении женщин действовали ограничения в праве ношения оружия [19, с. 37–38]. Несмотря на то что служба в тюремном ведомстве для женщины представляла определенные сложности и была сопряжена с высокой ответственностью, она относилась к государственной службе, предполагающей определенные социальные гарантии, в том числе пенсионное обеспечение. Это являлось определенным стимулом для девушек из бедных семей получить финансовую поддержку в старости. Таким образом, наличие целого ряда преференций от государства делали для женщин из податных сословий службу в пенитенциарной сфере вполне приемлемой.

Учитывая потребность в штатных сотрудниках для их замещения, Московским дамским благотворительно-тюремным комитетом в 1899 г. была основана первая школа для подготовки надзирательниц. Следует отметить, что после реорганизации в 1895 г. Московского губернского комитета «Общества попечительного о тюрьмах», который имел широкие полномочия по управлению деятельностью мест заключения в г. Москве, его приемники – Московские губернские дамский и мужской тюремно-благотворительные комитеты – имели весьма ограниченные возможности участия в деятельности исправительных учреждений. Они определялись в основном благотворительной деятельностью и религиозным воспитанием осужденных. По сути, открытие школы по подготовке надзирательниц являлось частной инициативой комитета, который содержал школу за счет собственных средств. Государственное финансирование школы и координация ее деятельности со стороны Главного тюремного управления (ГТУ) отсутствовали.

Цель создания школы определялась как «подготовка умелых и знающих надзирательниц для женских тюрем России и при том таких, которые не только несли бы службу добросовестно, но и могли бы оказывать нравственное влияние на заключенных» (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 96–98).

В школу надзирательниц принимались молодые женщины и одинокие вдовы в возрасте от 21 до 35 лет. При подаче заявления на прием в учебное заведение соискательницы должны были представить медицинскую справку, свидетельство о благонадежности, рекомендации и фотографии (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 25).

В случае необходимости проверки достоверности свидетельств о благонадежности начальник школы мог отправить запросы в сыскную полицию, охранное отделение, градоначальнику о нравственных качествах и благонадежности кандидаток (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 83).

При поступлении в школу предпочтение отдавалось девушкам из семей провинциального духовенства, которые, с одной стороны, воспитывались в строгих христианских традициях, а с другой – в силу отдаленности проживания от образовательных центров России и относительной бедности родителей не имели возможности получить хорошее образование, а следовательно, хорошо устроиться в жизни: бедность не позволяла найти хорошую партию для замужества, отсутствие хорошего образования – найти достойную работу. Вместе с тем, как показывают архивные источники, обучающиеся в школе слушательницы принадлежали к разным социальным группам. Так, среди выпускниц 1906 г. были Т. И. Барановская (дочь дворянина), П. М. Букарева (дочь коллежского асессора), Е. Л. Кузьмина (дочь мещанина), А. М. Михайлова (крестьянка), Е. Ф. Никольская (дочь диакона), Е. С. Орлова (крестьянка), М. С. Скворцова (дочь псаломщика), О. Г. Соловьева (вдова титулярного советника) (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 389).

Срок обучения в школе составлял один год и состоял из двух этапов. На первом этапе в течение шести месяцев проводилось теоретическое обучение по следующим учебным дисциплинам: Закон Божий, русский язык, арифметика, русская история, география России, тюремное дело, законоведение, медицинский уход за больными. Лица, успешно сдавшие экзамены по теоретическому курсу, допускались ко второму, практическому, этапу обучения, который заключался в прохождении службы в московских местах заключения (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 96–98).

При условии добросовестного исполнения обязанностей по службе через шесть месяцев слушательница школы получала свидетельство с печатью Московского дамского благотворительно-тюремного Комитета и жетон установленного образца, подтверждающие ее право замещать должность над-

зирателя. Комитет принимал деятельное участие в распределении выпускниц школы в места заключения не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и провинциальных городов. Лица, окончившие эту школу, могли распределяться не только на должности надзирательниц, но и проходить службу в тюремном ведомстве в качестве сестер при тюремных больницах, заведующих яслями и др.

Значение данной школы существенно возросло с введением в строй в октябре 1907 г. Московской женской тюрьмы на 250 человек, построенной на месте бывших арестантских рот [14], где существовала потребность в комплектовании должностей надзирательниц.

Учитывая положительный опыт данной школы при комплектовании кадрами учреждений, Главное тюремное управление стало предпринимать определенные шаги по созданию ведомственных образовательных учреждений для подготовки тюремного персонала. Первым юридически значимым действием в этом направлении можно считать планы по организации «тюремных курсов и института кандидатов на занятие должностей по тюремному ведомству» [20, с. 18]. Однако эти планы не были реализованы. Еще одна попытка (тоже неудачная) была предпринята в 1912 г., когда через Министерство юстиции Российской империи в Государственную думу был внесен законопроект № 16270 «Об учреждении при ГТУ тюремных курсов» [21]. Более успешным проектом, направленным на подготовку кадров для тюремной системы, стало открытие в марте 1912 г. систематических чтений по тюремному делу [22]. Предполагалось, что состав слушателей систематических чтений ежегодно должен был утверждаться начальником ГТУ. Группы слушателей предпочтительно должны были состоять из лиц, занимающих штатные должности в тюремном ведомстве, однако могли приниматься и другие лица, удовлетворяющие общим требованиям для поступления на государственную службу. Гендерных ограничений на прием слушателей не предусматривалось. Систематические чтения по тюремному делу были направлены в первую очередь на изучение положений Общей тюремной инструкции [22; 23]. По справедливому замечанию Д. В. Волошина, данные чтения стали первой удачной попыткой практической реализации государственной модели подготовки пенитенциарного персонала [2, с. 7–13].

Развитием этой тенденции и началом централизованной подготовки тюремного персонала в созданных ГТУ специально для этого учебных заведениях стало открытие в 1913 г. в Санкт-Петербурге школы для подготовки кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя, а в Москве – школы для подготовки кандидатов на должности тюремных надзирательниц. Создание этих учебных заведений было регламентировано Высочайше утвержденным, одобренным Государственным Советом и Государ-

ственной думой законом от 13.07.1913 «Об учреждении школы в Санкт-Петербурге для подготовки кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для подготовки кандидатов на должности тюремных надзирательниц» [19, с. 899–901].

Создание одновременно двух учебных заведений по подготовке тюремного персонала, по нашему мнению, могло быть продиктовано несколькими соображениями. Во-первых, различием в категориях обучающихся: в Санкт-Петербурге обучались уже действующие сотрудники тюремного ведомства, по сути, повышая свою квалификацию для назначения на вышестоящую должность; в Москве – лица, впервые принимаемые на службу. Во-вторых, создание отдельных учебных заведений для мужчин и женщин полностью соответствовало концепции российского образования начала XX в., предусматривающего раздельное обучение лиц разного пола. По мнению Д. Ю. Степановой, на тот исторический момент раздельное групповое обучение в России представляло собой наиболее распространенную организационно-педагогическую модель, реализуемую в разных образовательных учреждениях [6, с. 116], что нашло отражение при организации образовательных учреждений для подготовки тюремных надзирателей.

Организационно-правовое положение школы надзирательниц, создаваемой ГТУ, регламентировалось положением о школе, утвержденным вышеуказанным законом от 13.07.1913. Место организации школы по подготовке тюремных надзирательниц было выбрано с тем расчетом, чтобы в полной мере использовать предыдущий опыт московской школы. В сентябре 1913 г. между начальником Московской женской тюрьмы С. И. Бродовским и московскими купцами Николаем и Александром Прошиными было достигнуто соглашение об аренде под школу двухэтажного деревянного дома в районе Пресни (по Панфиловскому переулку, д. 1) с сараями, погребом и водопроводом за 500 руб. в год (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 20). В день, назначенный для начала занятий для первого набора слушательниц, не прибыли две, а в течение курса были отчислены по различным причинам еще четыре обучающиеся (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 82).

Библиотечный фонд школы составляли книги С. В. Познышева «Очерки тюрьмоведения», «Учение о наказании», де Н. И. Рошефор «Урочное уложение», А. В. Кенигсон «Проступки и преступления по службе и порядок ответственности должностных лиц» (сборник законоположений с разъяснением), Л. Е. Владимирова «Учение об уголовных доказательствах», «Законоведение» и др. (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 337).

Программа школы предусматривала двухэтапную систему обучения: первый этап – теоретический, второй – стажировка в тюрьме. Утром слушательницы посещали тюремную школу, где под руководством

учителей занимались повторением пройденного ими до поступления в школу курса начальных училищ в целях закрепления их познаний по русскому языку и арифметике. Теоретические занятия по программе, утвержденной начальником ГТУ, проводились ежедневно с 15.00 до 19.00. Всего за 1913/1914 учебный год было проведено 325 часов занятий (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 330). В программу входили следующие учебные дисциплины: тюрьмоведение, включая вопросы, касающиеся арестантских работ, тюремной администрации и надзора, гигиены, отчетности и др., Закон Божий, отечествоведение и краткий курс законоведения. Теоретические занятия проводились в форме чтения лекций, а также бесед со слушательницами. Методом устного опроса, проведения письменных работ устанавливалась степень освоения обучающимися учебного материала.

О том, какие вопросы рассматривались на теоретических занятиях, можно судить со слов С. В. Познышева. Он писал, что в своем преподавании старался в краткой и популярной форме раскрыть главные идеи, положенные в организацию тюремной деятельности, «полагая, что человек с энергией и любовью может делать лишь дело, смысл которого ему ясен настолько, что он может понять свои действия, как часть большего дела, слагающегося из массы индивидуальных действий» [25, с. 143]. В своих лекциях профессор раскрывал:

- цели наказания, в частности тюрьмы, сравнивая дореформенное и современное состояние тюрем в Российской империи;
- особенности тюремных систем (одиночного заключения, общего заключения, прогрессивной тюремной системы);
- особенности различных средств исправления осужденных;
- организацию арестантского труда, патроната и т. п.

Также он рассказывал слушательницам о трудах и деятельности Дж. Говарда и Ф. П. Гааза [24].

Практические занятия под руководством и наблюдением чинов администрации проводились на территории женской и пересыльной тюрем, а также в тюремной больнице. В женской тюрьме занятия проводились с 8.00 до 12.00. Слушательницы знакомились с различными сторонами тюремной жизни и выполняли некоторые работы, например: раздача пищи, камерный обыск, прием арестантов и т. п. (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 158).

Все вопросы функционирования заведения обсуждались на заседании совета школы. В течение 1913/1914 учебного года заседания проводились 12 раз, где рассматривались вопросы о порядке общего наблюдения за административно-хозяйственной и учебной частями, снабжении инвентарем, приеме и выпуске учениц, учреждении общежития и расходовании средств, ассигнованных школе. В 1913 г. на со-

держание школы было ассигновано 2616 руб., в 1914 г. – 1120 руб. (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 334).

В марте 1914 г. состоялся первый выпуск школы в количестве 8 слушательниц (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 82). Второй набор состоялся в сентябре 1914 г. По итогам вступительных испытаний было принято 14 учениц. Порядок обучения по сравнению с первым набором по решению совета школы был изменен. С 12 сентября по 20 октября проводились лишь практические занятия, где ученицы проходили все стадии внутренней службы надзирательниц, что, по мнению совета школы, должно было существенно облегчить им освоение теоретического материала. В последующие месяцы обучения предполагалась теоретическая подготовка слушательниц при сокращении часов, отводимых на практические занятия. В этом случае ученицы в рамках практических занятий не несли полных дежурств в тюрьме, а лишь знакомились со службой по тюремному хозяйству и работам, осуществляя по очереди помощь штатным надзирательницам в проведении отдельных работ. Перечень теоретических дисциплин также претерпел некоторые изменения, сохранились Закон Божий, отечествоведение, законоведение, теоретическое и прикладное тюремноеведение (ЦГА Москвы. Ф. 625. Оп. 1. Д. 103. Л. 407).

Таким образом, к началу XX в. в отечественной пенитенциарной практике сложилась централизованная система управления местами заключения в лице Главного тюремного управления. Успешно реализовывались новаторские для того времени пенитенциарные идеи. Вместе с тем проблема кадрового обеспечения системы исполнения наказаний стояла очень остро. Именно в этот период были заложены основы подготовки персонала для пенитенциарных учреждений. Расчет был сделан на оптимизацию формы и содержания образовательного процесса служащих тюремного ведомства, практикоориентированность учебных курсов. Несмотря на то что описанные в статье попытки создать эффективную систему подготовки персонала не смогли полностью обеспечить решение кадрового вопроса в пенитенциарной сфере, их по праву можно признать положительным опытом. Рациональные зерна, попавшие в благодатную почву отечественной пенитенциарной действительности в конце XIX – начале XX в. основателями Московской школы тюремных надзирательниц, спустя многие десятилетия принесли свои плоды и заложили основы для формирования системы ведомственных образовательных организаций, успешно осуществляющих сегодня подготовку кадров для уголовно-исполнительной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волошин Д. В. Московская школа тюремных надзирательниц как первое учебное заведение по подготовке пенитенциарного персонала в России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 2 (21). С. 24–27.
2. Волошин Д. В. Персоналии преподавателей школ и курсов профессиональной подготовки отечественного пенитенциарного персонала в 1899–1916 гг. // Полицейская деятельность. 2020. № 6. С. 14–23.
3. Волошин Д. В. Подготовка пенитенциарного персонала в дореволюционной России (1879–1917 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 2. С. 8–14.
4. Вольский М. В. Кадровая политика российского тюремного ведомства в конце XIX – начале XX вв. // Защита прав человека как цель и содержание правоприменительной деятельности. К 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека : сборник трудов международной научной конференции в формате круглого стола (Воронеж, 1–2 февраля 2018 г.) / редкол.: В. В. Денисенко (отв. ред.), М. А. Беляев. М., 2018. С. 137–142.
5. Забровская Л. Ю. Организационно-управленческие особенности формирования тюремной системы Российской империи в XIX веке. Тамбов, 2006. 16 с.
6. Степанова Д. Ю. Организационно-педагогические вопросы деятельности первых государственных школ по подготовке пенитенциарного персонала в России // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 109–117.
7. Пирогов П. П. Пенитенциарная политика Российской империи XIX – начала XX века и ее влияние на принципы комплектования, штатной расстановки и прохождения службы в тюремном ведомстве // История государства и права. 2003. № 4. С. 57–61.
8. Устав Школы тюремных надзирательниц при Московском дамском благотворительно-тюремном комитете // Тюремный вестник. 1898. № 6. С. 259–263.
9. Московская школа тюремных надзирательниц (по Отчету Московского дамского благотворительно-тюремного комитета) // Тюремный вестник. 1902. № 2. С. 88–95.
10. О назначении Московскому дамскому благотворительно-тюремному комитету пособия на содержание школы тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1904. № 1. С. 4–12.
11. Новая Царскосельская тюрьма // Тюремный вестник. 1904. № 3. С. 213.
12. Выпуск из Московской школы тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1905. № 3. С. 182.
13. Московская школа тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1906. № 4. С. 252–253.
14. Школа тюремных надзирательниц в Москве // Тюремный вестник. 1908. № 1. С. 96–97.
15. О продлении отпуска пособия Московскому дамскому благотворительно-тюремному комитету на содержание школы тюремных надзирательниц // Тюремный вестник. 1909. № 3. С. 294–295.
16. Школа тюремных надзирательниц в Москве (1899–1910) // Тюремный вестник. 1911. № 8–9. С. 947–957.

17. Закон «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» 15 июня 1887 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 7. № 4593. СПб., 1887. С. 333–336.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. XXXIII. Отд. 2. 1908 г. СПб., 1911. 998 с.
19. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. XII. № 9206. СПб., 1885–1916. 1571 с.
20. Правила службы тюремных надзирателей и надзирательниц: сост. по офиц. источникам сарат. губ. тюрем. инспектор С. Р. Власенко. Саратов, 1896. 69 с.
21. Доклад по законопроекту об учреждении при Главном тюремном управлении тюремных курсов // Приложения к стенографическим отчетам Гос. Думы. 4-й созыв. Сессия 1-я. 1912–1913 гг. Выпуск V. (№ 436–525). СПб., 1913. 913 с.
22. Опыт систематических чтений по тюрьмоведению при Главном тюремном управлении // Тюремный вестник. № 6–7 (июнь–июль 1912 г.). СПб., 1912. С. 1203–1207.
23. Общая тюремная инструкция: Утв. г. Министром юстиции 28 дек. 1915. Петроград, 1916. 110 с.
24. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с.
25. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М., 1913. 264 с.

REFERENCES

1. Voloshin D.V. Moscow school of prison keepers as the first educational institution for training of penitentiary staff in Russia. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2015, no. 2 (21), pp. 24–27. (In Russ.).
2. Voloshin D.V. Personalities of teachers of schools and vocational training courses of domestic penitentiary personnel in 1899–1916. *Politseiskaya deyatel'nost' = Police Activity*, 2020, no. 6, pp. 14–23. (In Russ.).
3. Voloshin D.V. Professional training of penitentiary staff in pre-revolutionary Russia (1879–1917). *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2018, no. 2, pp. 8–14. (In Russ.).
4. Vol'skii M.V. Personnel policy of the Russian prison department in the late XIX – early XX century. In: Denisenko V.V., Belyaev M.A. (Eds.). *Zashchita prav cheloveka kak tsel' i sodержание pravoprimeritel'noi deyatel'nosti. K 70-letiyu prinyatiya Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka: sb. tr. mezhdunar. nauch. konf. v formate kruglogo stola (Voronezh, 1–2 fevralya 2018 g.)* [Protection of human rights as the purpose and content of law enforcement activities. On the 70th anniversary of the adoption of the Universal Declaration of Human Rights: proceedings of the international scientific conference in the round table format (Voronezh, February 1–2, 2018)]. Moscow, 2018. Pp. 137–142. (In Russ.).
5. Zabrovskaya L.Yu. *Organizatsionno-upravlencheskie osobennosti formirovaniya tyuremnoi sistemy Rossiiskoi imperii v XIX veke* [Organizational and managerial features of the prison system formation in the Russian Empire in the XIX century]. Tambov, 2006. 16 p.
6. Stepanova D.Yu. Organizational and pedagogical issues of the activities of the first state schools for training of penitentiary personnel in Russia. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*, 2022, no. 4, pp. 109–117. (In Russ.).
7. Pirogov P. P. The penitentiary policy of the Russian Empire of the XIX – early XX century and its influence on the principles of recruitment, staffing and service in the prison department. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2003, no. 4, pp. 57–61. (In Russ.).
8. The Charter of the School of Prison Wardens at the Moscow Women's Charity and Prison Committee. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1898, no. 6, pp. 259–263. (In Russ.).
9. Moscow School of Prison Wardens (according to the Report of the Moscow Women's Charity and Prison Committee). *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1902, no. 2, pp. 88–95. (In Russ.).
10. On the assignment of allowances to the Moscow Women's Charity and Prison Committee for the maintenance of a school for prison wardens. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1904, no. 1, pp. 4–12. (In Russ.).
11. New Tsarskoye Selo prison. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1904, no. 3, p. 213. (In Russ.).
12. Vypusk iz Moskovskoi shkoly tyuremnykh nadziratel'nits. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1905. № 3. S. 182. (In Russ.).
13. Graduation from the Moscow School of Prison Wardens. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1906. № 4. S. 252–253. (In Russ.).
14. School of Prison Wardens in Moscow. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1908, no. 1, pp. 96–97. (In Russ.).
15. On the extension of the leave allowance to the Moscow Women's Charity and Prison Committee for the maintenance of the school of prison wardens. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1909, no. 3, pp. 294–295. (In Russ.).
16. School of Prison Wardens in Moscow (1899–1910). *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1911, no. 8–9, pp. 947–957. (In Russ.).
17. Law “On the management of individual places of detention of the civil service and prison wardens” on June 15, 1887. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobr. 3-e. T. 7. No. 4593* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3-E. Vol. 7. No. 4,593]. Saint Petersburg, 1887. Pp. 333–336. (In Russ.).
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobr. 3-e. T. XXXIII. Otd. 2. 1908 g.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3-E. Vol. XXXIII. Section 2. 1908]. Saint Petersburg, 1911. 998 p.
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobr. 3-e. T. XII. No. 9206* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3-E. T. XII. No. 9,206]. Saint Petersburg, 1885–1916. 1,571 p.

20. *Pravila sluzhby tyuremnykh nadzirately i nadziratel'nits: sost. po ofits. istochnikam sarat. gub. tyurem. inspektor S. R. Vlasenko* [Rules of service for prison male and female wardens: compiled according to official sources of Saratov gubernatorial prisons. Inspector S.R. Vlasenko]. Saratov, 1896. 69 p.
21. Report on the draft law on the establishment of prison courses at the Main Prison Department. In: *Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gos. Dumy. 4-i sozyv. Sessiya 1-ya. 1912–1913 gg. Vypusk V. (No. 436–525)* [Appendices to verbatim reports of the State Duma. The 4th convocation. Session 1. 1912-1913 Issue V. (No. 436-525)]. Saint Petersburg, 1913. 913 p. (In Russ.).
22. The experience of systematic readings on prison studies at the General Prison Administration. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, no. 6–7 (June–July 1912), 1912, pp. 1203–1207. (In Russ.).
23. *Obshchaya tyuremnaya instruktsiya: utv. g. Ministrom yustitsii 28 dek. 1915* [General prison regulations: approved by the Minister of Justice on December 28, 1915]. Petrograd, 1916. 110 p.
24. Poznyshev S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 1923. 342 p.
25. Poznyshev S. V. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on prison studies]. Moscow, 1913. 264 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА ЕЛЬЧАНИНОВА – кандидат исторических наук, доцент, магистр юриспруденции, ведущий научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, olga220169_69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7667-9609>

OL'GA YU. YEL'CHANINOVA – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Master of Laws, Leading Researcher at the Department for the Study of Domestic and Foreign Experience, History of the Penal System, and Comparative Analysis of Penitentiary Legislation of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, olga220169_69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7667-9609>

Статья поступила 22.07.2024

Научная статья

УДК 343.9.018:340.125

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003

Развитие института уголовного наказания в России от времени правления Петра I до уголовных кодексов сталинской эпохи

КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ КОРСАКОВ

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются проблемные аспекты эволюции института уголовного наказания в России со времен Петра I до первых уголовных кодификаций советского времени, а также культурные, социально-политические и экономические факторы, влиявшие на этот процесс. *Цель:* анализ исторического пути и выявление закономерностей развития уголовного наказания в России с периода правления императора Петра I, в котором господствовала парадигма устрашения, до этапа действия первых уголовных кодексов Советского государства, ориентированных на позитивистские идеи защиты общества и исправления. *Методы:* структурный анализ и синтез, документарный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы познания. *Результаты:* сформулирована точка зрения о том, что репрессивность уголовных наказаний Петровской эпохи связана со стремлением политической власти обеспечить осуществление коренных, масштабных и беспрецедентных для того времени социальных преобразований. Аргументировано мнение, что идеология просвещенного абсолютизма екатерининской эпохи не оказала никакого гуманизирующего влияния на пенитенциарную практику, которая осталась неизменной и консервативной. Дана оценка затронувшим институт уголовного наказания длительной кодификационной работе и работе по систематизации законодательства под руководством М. А. Балугьянского и М. М. Сперанского, охарактеризованы успехи в области реформирования уголовного законодательства периода правления Александра II, а высокий юридический уровень Уголовного уложения 1903 г. связывается нами с привлечением к работе по его составлению выдающихся ученых-правоведов того времени – Н. А. Неклюдова, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого и др. Подробно раскрыты идеологическая и научно-теоретическая основы первых уголовных кодификаций советского периода, проанализированы причины появления в них института мер социальной защиты, высказаны замечания против имеющихся в науке суждений об излишней репрессивности пенитенциарной практики того времени. *Выводы:* резюмируется, что в уголовном наказании на каждой фазе его развития в нашей стране наглядно отражается не только социально-экономический уклад жизни, но и текущий культурный и духовно-нравственный уровень российского общества, поэтому уголовное наказание помимо его основных целей и функций обладает ценностью как феномен, отображающий социально-культурные процессы, происходящие в социуме на том или ином этапе его развития.

Ключевые слова: уголовное наказание; история уголовного права России; уголовное законодательство; пенология; эволюция наказания; пенитенциарная система; доктрина уголовного наказания.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Корсаков К. В. Развитие института уголовного наказания в России от времени правления Петра I до уголовных кодексов сталинской эпохи // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003.

On the Development of Criminal Punishment Institution in Russia from the Reign of Peter the Great to Criminal Codes of the Stalin Era

KONSTANTIN V. KORSAKOV

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

Abstract

Introduction: the article considers problematic aspects of the evolution of the institution of criminal punishment in Russia from the time of Peter the Great to the first criminal codifications of the Soviet era, as well as cultural, socio-political and economic factors that influenced this process. *Purpose:* to analyze the historical path and identify patterns of criminal punishment development in Russia from the reign of Emperor Peter I, in which the intimidation paradigm prevailed, to the stage of operation of the first criminal codes of the Soviet state, focused on positivist ideas of protecting society and correction. *Methods:* structural analysis and synthesis, documentary, historical-legal and comparative-legal methods of cognition. *Results:* the author substantiates the point of view that the repressiveness of criminal punishments of the Petrine era is associated with the desire of the political authorities to ensure the implementation of fundamental, large-scale and unprecedented social transformations for that time. It is argued that the enlightened absolutism ideology of the Catherine era had no humanizing effect on penitentiary practice, which remained unchanged and conservative. The long-term codification and systematization of legislation under the leadership of M.A. Balug'yanskii and M.M. Speranskii is assessed and successful reforming of criminal legislation during the reign of Alexander II is described. A high legal significance of the 1903 Criminal Code is associated with the involvement of prominent legal scholars N.A. Neklyudov, N.D. Sergeevskii, N.S. Tagantsev, and I.Ya. Foinitskii in its drafting. Ideological and scientific-theoretical foundations of the first criminal codifications of the Soviet period are revealed in detail, reasons for the appearance of the institution of social protection measures are analyzed, and scientific judgments about the excessive repressiveness of penitentiary practice of that time are commented on. *Conclusions:* it is summarized that criminal punishment at each phase of its development in our country clearly reflects not only a socio-economic way of life, but also a current cultural and spiritual and moral level of Russian society; therefore, criminal punishment is a phenomenon reflecting socio-cultural processes at a certain stage of social development.

Key words: criminal punishment; history of Russian criminal law; criminal legislation; penology; evolution of punishment; penitentiary system; doctrine of criminal punishment.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Korsakov K.V. On the development of criminal punishment institution in Russia from the reign of Peter the Great to criminal codes of the Stalin era. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003.

Введение

Уголовно-правовая политика Петра I при сохранении прежних ориентиров на доктрину устрашения (одним из доказательств этому служит выдержка из петровского распоряжения от 17.11.1718: «и для большего страха, по знатым дорогам, где проезд бывает, велеть поставить виселицы») придала уголовному наказанию более утилитарный характер; осужденных стали повсеместно привлекать к труду. Например, в Указе Петра I от 13.02.1719 «Об отсылке виновных баб и девок, которые не будут подлежать смертной казни, на прядильный двор» предписывается: «виновных баб и девок, которые смертной казни будут не

подлежать... отсылать в определенный прядильный двор». Интенсивно стали применяться такие виды уголовного наказания, как ссылка на поселение и на каторжные работы (ссылка на работу в рудники и мануфактуры навечно либо на определенный срок, на работу по строительству гаваней и крепостей и на галеры гребцом). В Петровскую эпоху труд российских осужденных в массовом порядке использовался при строительстве г. Санкт-Петербурга. Постепенное распространение каторжных работ, ссылки на поселение и изоляции от общества (арест у профоса (палача), «держат под караулом» и др.) усиливало компонент частной превенции в уголовном наказании. В

то же время законодательство Петра I не отходит от ортодоксальной идеи возмездия, на что указывают, например, положения в ст. 154 Артикула воинского 1715 г.: «кто кого волею или нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмстить, и без всякой милости оному голову отсечь».

Наряду с широким использованием смертной казни (она в петровских воинских артикулах была предусмотрена в 122 статьях [1, с. 191], отличалась многовариантностью (ее абсолютно новым видом стало аркебузирование – расстрел) и исполнялась, как правило, публично), болезненных и членовредительских телесных наказаний получили развитие уголовные наказания, связанные с поражением в правах (в частности, такой аналог гражданской смерти, как шельмование (лишение гражданских прав, которое предворялось преломлением шпаги над головой или прибиванием доски с именем преступника к виселице)), которые применялись в качестве как основных, так и дополнительных наказаний. Характерной особенностью карательной практики времен Петра I было привлечение гражданских (партикулярных) лиц к юридической ответственности – без каких-либо законодательных для этого оснований – по нормативным правовым актам (Уложению генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева 1702 г., Артикулу краткому 1706 г., Уставу прежних лет 1706 г., Артикулу воинскому 1715 г., Воинскому уставу 1716 г. и призванному регулировать отношения сугубо на военном флоте Морскому уставу 1720 г.), которые должны были использоваться только специализированными военными судами (кригсрехтами и пр.) и только в отношении военнослужащих.

Предусматривавший высшую меру наказания за чернокнижие (чародейство) и применявшуюся еще в древнеримской армии децимацию (казнь каждого десятого виновного по жребию) Воинский устав Петра I 1716 г. тем не менее содержал прогрессивные нормы об альтернативности уголовных наказаний и их классификации. В нем они делились на пять классов: легкие нарушения чести наказания, тяжелые нарушения чести, обыкновенные телесные наказания, жестокие телесные наказания и наказания смертные. Примечательно, что в этом законе закреплялась такая мера, как испрошение прощения, суть которой заключалась в том, что судом на преступника налагалась обязанность гласно признать вину и попросить прощения у потерпевшего.

Важным шагом на пути развития института уголовной ответственности было официальное закрепление правила о том, что незнание закона не освобождает от ответственности (*Nemo ignorantia iuris recusare potest*), которое сначала адресовывалось судьям, но на практике довольно быстро было распространено на все население: «дабы впредь никто неведением о государственных уставах не отговаривался». При Петре I светские наказания дополнялись наказаниями

церковными, в частности Духовный регламент 1721 г. архиепископа Феофана (Прокоповича) в качестве наказания предусматривал анафемствование – высшую форму исторжения из лона православной церкви (отлучения) тех ее членов, которые совершили самые тяжкие прегрешения. Анафеме, как известно, в 1708 г. за государственную измену был подвергнут гетман И. С. Мазепа.

Репрессивность уголовных наказаний Петровской эпохи во многом обусловлена стремлением верховной власти любыми средствами обеспечить осуществление коренных, масштабных и беспрецедентных для того времени преобразований всей социально-политической жизни (которые часто встречали как явное, так и скрытое противодействие, так как прямо противоречили стародавним привычкам, устоям и традициям общества), включая ее намерение за счет усиления мер государственного контроля, строгой дисциплины и законопослушания добиться успешной реализации этих реформ. С другой стороны, ужесточение уголовной кары само по себе было элементом реформирования и частью петровских нововведений, направленных на консолидацию и мобилизацию общественных сил для мощного социально-экономического и культурного рывка, достигнутого Россией ценой больших усилий социума и государства в первой четверти XVIII в.

Уголовное наказание периода царствования Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Великой

Во второй четверти XVIII в. политика государства в пенитенциарной области не претерпела изменений в сторону гуманизации, наоборот, в период нахождения у власти Анны Иоанновны, правление которой известно по фамилии ее фаворита Э. Бирона как «бироновщина», репрессивные меры были усилены. В царствование Елизаветы Петровны проявилась тенденция сокращения применения смертной казни и телесных наказаний: российская императрица, крайне отрицательно относившаяся к высшей мере наказания, пользуясь введенным по ее инициативе особым порядком применения смертной казни (требованием обязательной «высочайшей конфирмации» всех приговоров к смертной казни и политической смерти), не подписала ни одного поступившего в Правительствующий сенат смертного приговора (на практике же в разных частях Российской империи смертная казнь нередко применялась в обход установленного порядка и без каких-либо значимых последствий, наиболее часто в прибалтийских губерниях и в Запорожской Сечи на основании обычного права малороссийского казачества [2, с. 138], а исполнение уголовного наказания в виде избиения кнутом доводило многих осужденных до мучительной смерти). Несмотря на негативное отношение Елизаветы Петровны к смертной казни, подготовленный сенатской комиссией к 1754 г. проект Уголовного уложения за многие преступления предусматривал смертную казнь, причем

в квалифицированных видах (за оскорбление императорской особы «разорвать пятью запряженными лошадьми на пять частей», за разбой, сопряженный с убийством, «вешать за ребра» и пр.) [3, с. 28]. Хотя этот долго готовившийся проект был одобрен в Сенате, он не был утвержден императрицей Елизаветой Петровной, однако законотворческая работа по подготовке нового уложения не была прекращена и продолжилась в правление Екатерины II Уложенной комиссией 1767 г.

Составленный Екатериной II для Уложенной (кодификационной) комиссии в форме наставления, отражавший принципы политики просвещенного абсолютизма и основанный на французском сборнике «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел», работах Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и Ш. Монтескье «О духе законов» (ее Екатерина II именовала своим «молитвенником»), Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения содержал в себе противоречивые воззрения на проблему смертной казни: так, в ст. 209–212 отрицаются польза и необходимость смертной казни в «обыкновенном состоянии общества», а в ст. 79 говорится, что «гражданин бывает достоин смерти, когда он нарушил безопасность даже до того, что отнял у кого жизнь или предпринял отнять». Точная трактовка последнего положения позволила Н. П. Загоскину сделать верный вывод о том, что «Екатерина, видя в смертной казни "некоторое лекарство больного общества", как бы склоняется к возможности допустить ее не только за убийство, но и за покушение на него» [4, с. 83–84]. Разработанный при Екатерине II и содержащий нравственные назидания и поучения для подданных Устав благочиния, или полицейский 1782 г. закреплял закрытый перечень применяющихся полицейскими органами наказаний (заклечение в работный дом, штраф, порицание и др.), которые, по мысли авторов данного устава, должны были воспитывать и служить развитию у членов общества высоких моральных качеств.

Идеология просвещенного абсолютизма гуманизировала уголовно-правовую составляющую внутренней политики государства екатерининской эпохи лишь на уровне официальных деклараций и императорских философско-правовых рассуждений, нотаций и «наказов», не оказывая практически никакого влияния на пенитенциарную практику, которая оставалась консервативной и косной. В некоторых случаях ее репрессивность даже усиливалась: Указ Екатерины II от 22.08.1767 «О бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков, и о неподавании челобитен в собственные Ея Величества руки» запрещал крепостным под угрозой уголовного наказания жаловаться на своих владельцев, а Указ Екатерины II от 17.01.1765 «О приеме Адмиралтейской коллегии присылаемых от помещиков для смирения крепостных людей, и об употреблении их в тяжкую работу» наделял российских

дворян правом – правильно охарактеризованным Л. Р. Сафиным как наиболее строгое из тех, что могли быть предоставлены помещикам в эпоху крепостного права в России [5, с. 146], – по своему усмотрению отправлять крепостных, «по продержанному состоянию заслуживающих справедливое наказание», на каторжные работы.

Уголовное наказание в России в XIX в. и в дореволюционный период

Попытки привлечь общественное внимание к необходимости реформирования, обновления и улучшения практики исполнения уголовных наказаний делались отдельными выдающимися личностями, в числе которых английский тюремный реформатор, юрист, медик и филантроп Д. Говард, умерший в России в г. Херсоне и удостоившийся эпитафии на обелиске: «*Alios salvos fecit. Vixit propter alios*» («Делал других здоровыми. Жил для других»). В 1819 г. другой английский филантроп В. Веннинг, в течение двух лет изучавший состояние российских мест лишения свободы и подавший на имя Александра I записку об улучшении условий содержания в них, основал в России Попечительное о тюрьмах общество, покровительство над которым взял на себя российский император. Внимательное отношение к пенитенциарным учреждениям в традициях русского христианского милосердия проявлял не только Александр I, но и другие российские монархи: «в государственные, религиозные и фамильные праздники (например, день рождения императора) российские государи и сановники посещали тюрьмы, выслушивали жалобы арестантов, оказывали им материальную помощь, а иногда освобождали заключенных, по сути дела, осуществляя помилование» [6, с. 19].

С начала XIX в. российская верховная власть предпринимала решительные шаги в направлении кодификации и систематизации уголовного законодательства: в 1801 г. Александр I поставил под свой непосредственный надзор управление Комиссией составления законов, которая уже Николаем I в 1826 г. была преобразована во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Результатами ее долгой и кропотливой кодификационной работы под руководством М. А. Балугьянского и М. М. Сперанского стали Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. В т. XV Свода законов Российской империи были помещены нормы уголовного права, распределенные по двум частям – Общей и Особенной. В состав свода был включен Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 г., вступивший в силу с 1 января 1835 г. Для криминологов и пенологов он важен и интересен прежде всего тем, что благодаря этому акту деятельность по предупреждению преступлений впервые в системном виде была закреплена на законодательном уровне (устав, в частности, предусматривал такие меры по предупреждению преступлений, как воспрещение жительства в столицах и

других местах, отдача под надзор полиции и высылка иностранцев за границу). Также пенологический интерес представляет такой нормативный акт, как Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., так как в нем были сформулированы цели пенитенциарной деятельности: «дабы, по возвращению в недра общества, сделались они полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться» (ст. 237).

После опубликования Свода законов Российской империи был подготовлен текст Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которое после рассмотрения в Государственном совете было утверждено Николаем I 15 августа 1845 г. и введено в действие с 1 мая 1846 г. Данный свод считается первым российским уголовным кодексом, так как все предыдущие законодательные акты объединяли в себе нормы разных отраслей права. Несмотря на тщательную проработку вопросов наказания, у него имелся ряд недостатков: во-первых, в уложение была включена ст. 90 «Определение наказания вообще», однако определение уголовного наказания в ней не давалось; во-вторых, одновременно с ним в России действовали Устав о ссыльных 1857 г., Устав о наказаниях, налагаемыми мировыми судьями 1864 г., Военный устав о наказаниях 1868 г., Военно-морской устав о наказаниях 1870 г. и иные законы, которые также содержали перечни наказаний, назначавшихся судами; в-третьих, представленная в состоявшемся из 12 разделов, 81 главы, 98 отделений и 2224 статей уложении система уголовных наказаний была слишком объемной, усложненной и трудно применимой (на этот недостаток не раз обращал внимание Н. Д. Сергеевский [7, с. 877]); в-четвертых, по-прежнему сохранялось неравенство подданных перед законом в выборе уголовного наказания (в частности, дворяне, купцы и другие привилегированные сословия освобождались от телесных наказаний); в-пятых, данный кодекс допускал применение уголовного наказания по аналогии при наличии пробелов в санкциях. Главное же преимущество этой кодификации, на наш взгляд, заключается в том, что ее авторы стремились реализовать сложную пенитенциарную задачу – соразмерить и соотнести содержание уголовных наказаний не только со степенью общественной опасности преступления, но и с его характером.

Уложение разделяло наказания на уголовные (смертная казнь, ссылка на поселение в Сибирь и др.) и исправительные (выговоры в присутствии суда, замечания и внушения от мест судебных или правительственных, кратковременный арест и др.), в чем, как мы считаем, отразилось стремление отечественного законодателя как подчеркнуть и усилить исправительную функцию уголовного наказания, так и обеспечить принцип индивидуализации наказания (эта интенция отражена и в самом названии кодекса). Система наказаний была представлена в иерархиче-

ской форме: от наиболее тяжелых к наименее тяжелым. Большая часть наказаний сопровождалась лишением всех прав состояния (сословных (как неподатных, так и податных сословий), гражданских и политических прав) и лишением всех особенных прав и преимуществ (почетных и дворянских титулов, чинов, знаков отличия, права поступать на службу и др.).

Судебные реформы Александра II, утвержденные в 1864 г. и проведенные в 1866–1899 гг., повлекли в 1866 г. обновленную редакцию (ей предшествовала редакция 1857 г.) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В результате сословные различия были смягчены, хотя сам сословный принцип отменен не был. В 1863 г. были официально упразднены как вид уголовного наказания телесные наказания (на практике, в особенности по отношению к ссыльным, включая женщин (битие розгами женщины-заключенной привело к массовым самоубийствам на Карийской каторге в 1889 г.), они продолжали применяться вплоть до начала XX в.) и клеймение осужденных к каторжным работам (рвание ноздрей у преступников было отменено значительно раньше – в 1817 г.). В 1885 г. система уголовных наказаний была в определенной степени либерализована. Так, в частности, было отменено публичное исполнение смертной казни, из текста уложения было исключено заключение в не оправдавшие себя на практике рабочие и смиренные дома, вместо которого стало использоваться обычное тюремное заключение.

Изменения уголовного законодательства в середине и конце XIX в. способствовали возрастанию общественно-правовой роли тюремных заведений, а также повышению значимости института ссылки, который активно использовался в России и раньше (особенно в отношении политических (государственных) преступников), но в гораздо меньших масштабах. Рассматривая в своей известной работе «Русская община в тюрьме и ссылке» колонизационное и исправительное значение российской ссылки, Н. М. Ядринцев писал, что «она не достигла предполагаемой цели – заселения Сибири. Поселенцы не только не являются преобладающей частью сибирского населения, но, напротив, составляют самую ничтожную и быстро вымирающую часть его» [8, с. 600], а также давал низкую оценку превентивной роли ссылки. Соглашаясь с его мнением по поводу колонизационных аспектов ссылки в России, мы в то же время не можем признать верной и обоснованной его точку зрения относительно цели частной превенции в ссылке: в этом отношении она во многом схожа с лишением свободы, так как ссылка не только лишает делинквента объективной возможности совершать преступные деяния, но и предоставляет ему время на исправление и переоценку своих жизненных идеалов и ценностей. Показательно, что в целях обеспечения последних в России в XIX в. реализовывалась близкая к ирландской (крофтонской) система, стимулирующая исправление: сосланные на каторгу

делились на разряд испытуемых и разряд исправляющихся – тех, кто благодаря хорошему поведению и стремлению исправиться по прошествии определенного времени наделялся различными льготами и преимуществами: правом получать процент от выручки в виде зарплаты, проживать за пределами острога, построить себе дом на заводской земле, вступить в брак, получать натуральное пособие (инвентарь, инструменты, семена и пр.) на ведение домашнего хозяйства, перейти после каторги в категорию ссыльнопоселенцев.

На основании закона 1900 г. были отменены ссылка на жительство и деление ссылки на поселение на ссылку в Сибирь и ссылку в Закавказье (для еретиков, раскольников, сектантов и пр.), на «ссылку на поселение в отдаленнейших местах Сибири» и «ссылку на поселение в местах Сибири не столь отдаленных». В Уголовном уложении от 22 марта 1903 г. наряду с каторгой предусмотрен лишь один неразделяемый на степени вид ссылки – ссылка на поселение. В целом же система уголовных наказаний в этом законодательном своде рубежа XIX–XX вв. была заметно упрощена, ее каркас составили лишь три категории наказаний: главные, дополнительные и заменяющие, а в закрытый перечень уголовных наказаний было помещено всего восемь видов. Категории уголовно наказуемых деяний (тяжкие преступления, преступления и проступки) были сконструированы в зависимости от тяжести предусмотренных за них наказаний, не имевшие практического значения различия между наказаниями уголовными и исправительными были законодателем нивелированы. Несмотря на наличие в ст. 1 этого последнего кодифицированного уголовно-правового сборника Российской империи определения преступления, понятия уголовного наказания в нем не содержалось, равно как и указаний на его цели. Тем не менее многие российские исследователи отмечают очень высокий научно-теоретический уровень готовившегося больше 20 лет Уголовного уложения 1903 г., который был достигнут прежде всего благодаря привлечению к его составлению выдающихся ученых-правоведов того времени – Н. А. Неклюдова, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого и др. Любопытны критические замечания Н. Д. Сергеевского, содержащиеся в письме учрежденной в 1881 г. Александром III специальной редакционной комиссии по составлению проекта уложения и пояснительной записки к нему, по отношению к пенитенциарной системе, которая, как он считал, «в действующем праве осталась лишь на бумаге, а в действительной жизни привела к полному разложению и, скажем даже, к деморализации уголовной юстиции, благодаря именно несоответствию сложной системы с однообразием и скудостью наличных сил и средств в обществе» [9, с. 37].

Николай II, намеревавшийся провести реформу уголовно-исполнительной системы, отказался ввести в силу Уголовное уложение 1903 г. в полном объеме,

ограничившись постепенным введением отдельных его глав и статей. События Революции 1905 г. опосредовали издание им Указа от 02.12.1905, ужесточившего ответственность за участие в забастовках на предприятиях государственного значения, а начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война потребовала дополнительных и изменений в уголовном законодательстве, направленных на ужесточение уголовных наказаний за целый ряд преступлений, общественная опасность которых возросла в связи с вступлением России в войну (например, Указ от 12.01.1915 усиливал наказание за дезертирство, самовольную отлучку и уклонение от несения военной службы).

Преобразования уголовного законодательства, предпринятые сформированным в ходе Февральской революции 1917 г. Временным правительством, отличали поспешность, непоследовательность и необдуманный характер: так, им была объявлена амнистия, приведшая к тому, что спустя полгода в места лишения свободы пришлось возвращать амнистированных, было издано постановление об отмене смертной казни, однако спустя три месяца вследствие антиправительственных выступлений в Петрограде и ухудшения обстановки на фронте в июле 1917 г. ее пришлось восстановить.

Уголовное наказание времен молодой советской республики

Октябрьская революция 1917 г., повлекшая тотальный слом прежнего социального устройства и государственного аппарата и возведшая в нашей стране марксизм в ранг господствующей идеологии, привела к пересмотру концептуальных основ уголовной политики, включая изменения воззрений на суть, социальное назначение и цели уголовного наказания. В первые годы советской власти уголовная ответственность за преступления устанавливалась отдельными декретами, постановлениями и инструкциями, которые основывались на идеях революционного насилия и диктатуры пролетариата и носили ярко выраженный классовый характер. Так, Инструкцией НКЮ РСФСР «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях, и о порядке ведения его заседаний» 19 декабря 1917 г. закреплялся исчерпывающий перечень из 8 видов наказаний, включавший в себя «секвестр или конфискацию (частичную или общую) имущества виновного», «объявление общественного порицания» и «объявление виновного врагом народа», Декретом СНК РСФСР от 22.07.1918 «О спекуляции» устанавливалась санкция за спекуляцию, предусматривающая лишение свободы, соединенное с принудительными работами и конфискацией имущества виновного. Декреты ВЦИК и СНК РСФСР о суде от 24.11.1917 № 1 и от 07.03.1918 № 2 позволяли применять правовые нормы уголовных уложений 1845 г. и 1903 г. и иного дореволюционного законодательства «постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосо-

знанию» (полный запрет на использование норм дореволюционного права был закреплен в примечании к ст. 22 Положения ВЦИК о народном суде РСФСР от 30.11.1918), что позволяет говорить о наличии преемственности советского уголовного законодательства с дореволюционным. Наш вывод подтверждает содержание не применявшегося на практике Советского уголовного уложения 1918 г., известного как «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года» и разработанного Народным комиссариатом юстиции РСФСР на базе Уголовного уложения 1903 г. Нами была выявлена генетическая связь норм этого памятника права с уголовным правом Российской империи, в том числе и в подходах к уголовному наказанию.

Несмотря на имевшее место заимствование из законов царского времени части юридических конструкций, произведенный нами анализ мер, применяемых молодой советской республикой к девиантам и правонарушителям в уголовно-правовом порядке, позволил заключить, что в начальный период своего существования социалистическое государство в пенитенциарной сфере стремилось порвать доктринальные связи с классической идеей возмездия и моделью устрашения, а равно обновить, диверсифицировать и разнообразить палитру способов и средств уголовно-правового воздействия на делинквентов. На практике данная нацеленность выразилась в использовании таких новых и обновленных юридических мер, как выражение общественного порицания, лишение общественного доверия, объявление врагом революции или народа, запрет на занятие должности, запрет выступать на собраниях, принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс отучения), удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, объявление судом выговора или замечания и др. Нами полностью разделяется мнение Р. Б. Осокина и М. В. Денисенко, что эти наказания «очень интересны с точки зрения социальной действительности, привлечения и сплачивания граждан, проявления коллективной воли в отношении одного гражданина, преступившего закон» [10, с. 52]. Внедрение советской властью системы широкого привлечения общественности к воздействию на правонарушителей (в том числе введение товарищеских судов, партийных судов, судов чести, сельских общественных судов, практики взятия на поруки и пр.) нельзя, на наш взгляд, не признать решением, которое способствовало либерализации и демократизации области предупреждения преступности.

Направленность нового курса уголовной политики прежде всего на профилактику криминального поведения и индивидуализацию уголовно-правовых мер с последовательным игнорированием идей возмездия и искупления вины ярко выражена в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919, ко-

торые в перечне «примерных» наказаний содержали большое количество альтернативных, не связанных с изоляцией от общества, мер воздействия: от внушения и объявления под бойкотом до лишения политических прав и объявления вне закона, а в ст. 10 закрепляли, что «наказание не есть возмездие за “вину”, не есть искупление вины». Этот нормативный правовой акт интересен еще и тем, что в нем впервые в истории отечественного уголовного права было дано легальное определение уголовного наказания: «наказание – это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)» и четко сформулирована его задача – «охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц».

Некоторые российские исследователи полагают, что в 1918–1920 гг. в уголовно-правовой практике во главу угла была поставлена задача ликвидации либо изоляции от социума представителей эксплуататорских классов. В. С. Егоров, упоминая Постановление СНК РСФСР «О красном терроре» от 05.09.1918 и Инструкцию чрезвычайным комиссиям на местах от 01.12.1918, в обоснование данной позиции пишет: «вводится новый вид наказания – изолирование в концентрационных лагерях. Активно применяется смертная казнь – по некоторым данным, за период с 1918 по 1919 г. был казнен 9641 человек» [11, с. 24–25]. Однако согласно данным уголовно-правовой статистики самым распространенным видом уголовного наказания в этот период был штраф [12, с. 49], а работавший в то самое время народный судья Н. К. Ломакин вспоминал: «Когда мы первый раз вынесли условное осуждение, то вся публика отнеслась к этому с каким-то радостным сочувствием... Вообще, надо сказать, что первые наши приговоры были очень гуманны. Зачастую мы выносили общественное порицание, налагали небольшие штрафы; я не помню, чтобы кто-нибудь был присужден более, чем к двухлетнему тюремному заключению» [13, с. 25]. Причем тенденция гуманизации уголовной репрессии сохранялась и в последующие годы: анализируя годовой опыт применения Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., Я. Н. Бранденбургский приводил следующую статистическую информацию: «И до, и после введения Уголовного Кодекса из 100 подсудимых 75 человек осуждено и 25 оправдано» [14, с. 337].

Мы также не можем согласиться с точкой зрения П. Е. Сулонова, который отмечает: «Новой властью было подвергнуто переосмыслению само понятие наказания... Наказание есть оборонительная мера по охране общественного строя, мера социальной защиты («Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», 1919 г.). Хотя декларировалась идея исправления, логически она не укладывалась в схему данной концепции» [15, с. 8]. В тексте Руководящих начал

по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919 нет никаких упоминаний о «мере социальной защиты» (этот конструкт добавится к наказанию несколько позже), в нем говорится о наказании в его традиционном значении и не как об «оборонительной мере по охране общественного строя», а как о мере принудительного воздействия, задача которой – охрана от преступников общественного порядка; продекларированная в нем и обеспеченная в плане реализации идея исправления («приспособления к данному общественному порядку») логически полностью укладывается в его концепцию.

Положение о том, что «преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник», основано на коммунистических представлениях об изменчивости – зависимости личности от социальных условий жизни, которая в марксистском учении выступает предпосылкой ее исправления. Личность преступника рассматривалась марксистами как жертва внешних, жизненных обстоятельств; они, подчеркнем, были искренне убеждены в возможности ее исправления, а потому принципы исправимости преступников и подчинения уголовного наказания цели перевоспитания («перековки») стали базовыми в их пенитенциарной концепции с ее известным гуманистическим лозунгом «от тюрем – к воспитательным учреждениям».

В марксистской пенитенциарной модели большое значение придается труду как средству исправления. Подчеркивая значимость труда как исправительного средства, К. Маркс писал: «рабочие вовсе не хотят... чтобы с уголовными преступниками обращались, как со скотом, и в особенности, чтобы их лишали единственного средства исправления – производительного труда» [16, с. 34]. Уголовный кодекс РСФСР от 26.05.1922 не только содержал уголовное наказание в виде принудительных работ без содержания под стражей и требование о том, что «лишение свободы обязательно соединяется с работами», но и самими названиями типов мест лишения свободы в ст. 34 указывал на роль труда в исправлении осужденных: «в местах лишения свободы (исправительно-трудовых домах, трудовых сельскохозяйственных и ремесленных колониях, переходных исправительных домах), в зависимости от тех мер исправительного воздействия, которые являются для исправления преступника необходимыми». В этой кодификации наряду с уголовным наказанием используется термин «другие меры социальной защиты» (к ним были отнесены помещение в учреждение для умственно или морально дефективных, принудительное лечение, воспреещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью либо промыслом и удаление из определенной местности).

Объясняя появление термина «меры социальной защиты», который в законе 1922 г. еще не заменил собой термин «наказание», а употреблялся наряду с ним

(тут нельзя не признать правоту А. Н. Трайнина, заметившего, что «первый УК мало внимателен к словам и формулам. Его терминология... невыдержанная; закон говорит то, о "наказании и других мерах социальной защиты" (глава IV), то даже о "наказании" в противовес "мерам социальной защиты"» [17, с. 40]), Е. Г. Ширвиндт и Б. С. Утевский отмечали, что «советское право видит в наказании не кару, не возмездие, а только меру социальной защиты от деяний, направленных против пролетарского государства или наносящих вред социалистическому строительству» [18, с. 20]. Это понятие (первая попытка закрепить в уголовном законодательстве меры социальной защиты наряду с наказанием была сделана К. Штооссом в 1893 г. в проекте уголовного кодекса Швейцарии, до этого Ф. Турати предлагал Д. Дзанарделли отразить их в Уголовном кодексе Италии 1889 г. (Кодексе Дзанарделли), однако он их не вообрал) было взято из работ Э. Гарсона, А. Принса и приверженца марксизма Э. Ферри; последний под социальной защитой подразумевал не только защиту общества от преступности (в особенности от преступлений «душевнобольных преступников» и «преступников по рождению»), но и охрану от преступных актов со стороны господствующих классов, и разрабатывал синтетическую позитивистскую криминологическую модель, основанную на объединении доктрин «общественной обороны» и «классовой обороны».

Среди выделяемых в Уголовном кодексе РСФСР от 26.05.1922 целей наказания и других мер социальной защиты особого внимания заслуживает такая цель, как приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия: в этой формулировке закона просматривается не только исправительная функция наказания, но и намерение законодателя задействовать ресоциализационный ресурс уголовного наказания, интегрировать и адаптировать осужденных к жизни в социалистическом социуме – обществе трудящихся. В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 эта цель отсутствует (она воспроизводится в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР от 16.10.1924 как одна из целей создания исправительно-трудовых учреждений), как отсутствует и само понятие наказания: в них говорится лишь о мерах социальной защиты, применяемых с целью предупреждения преступлений, лишения общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления и исправительно-трудового воздействия на осужденных. При этом в тексте подчеркивалось, что «задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит». Меры социальной защиты были разделены на меры судебного-исправительного характера, меры медицинского характера и меры медико-педагогического характера; фактически первая группа представляла собой уголовные наказания, названные по-новому. К мерам медицин-

ского характера относились принудительное лечение и помещение в медико-изоляционные учреждения, а к мерам медико-педагогического характера – отдача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и организациям и помещение в специальные заведения.

Отказ от уголовного наказания с заменой его на «меры социальной защиты» – категорию позитивистских криминологических концепций, отрицающих базовые идеи классической школы уголовного права – принципы свободы воли и вины, позволил легализовать в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 объективное вменение: в них закреплялось, что удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности назначается судами в отношении лиц, признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально опасными, а также, что эта мера может быть применена судами к такой категории лиц как независимо от привлечения их к судебной ответственности, так и в том случае, когда они будут судом оправданы, но признаны социально опасными.

Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 также сохранил нарушающие принцип «*Nemo punitur pro alieno delicto*» (никто не наказывается за преступление другого лица) нормы об объективном вменении: 20 июля 1934 г. в него были внесены изменения, согласно которым в случае побега или перелета за границу военнослужащего «остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет». В текст данного кодекса в 1934 г. была внесена поправка о том, что в постановлениях ЦИК и СНК СССР, начиная с постановления от 08.06.1934, вместо термина «мера социальной защиты судебно-исправительного характера» употребляется термин «наказание», свидетельствующая о возвращении советского законодателя к этому понятию. Вскоре в ст. 3 Закона СССР от 16.08.1938 «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» появилась примечательная формулировка, что «советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников», говорившая о доктринальной «реабилитации» и обращении к пенологической концепции возмездия (кары).

За время действия Уголовного кодекса РСФСР от 22.11.1926, как верно отмечает Н. В. Азаренок [19, с. 51], в него были внесены многочисленные изменения, затрагивающие институт уголовного наказания. Так, после Великой Отечественной войны были сделаны поправки, удачно охарактеризованные А. В. Наумовым: «пределы наказания устанавливались в зависимости от объекта преступлений против соб-

ственности. Наиболее строго наказывались преступления против государственной собственности, менее строго – против общественной собственности и еще менее – против личной собственности граждан» [20, с. 124].

Кодекс 1926 г. действовал вплоть до 1960 г., пока не был разработан и не вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960, который также не содержал официального определения уголовного наказания, однако в ст. 20 раскрывал подход к нему советского законодателя: «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами». Это положение полностью совпадало с формулировкой, содержащейся в ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958, а также с помещенной в ст. 1 Исправительно-трудового кодекса РСФСР от 18.12.1970, к которой было добавлено: «а также способствовало искоренению преступности», хотя, по нашему мнению, такую высокую цель – вера в достижимость которой была присуща той исторической эпохе – для уголовного наказания правильнее было бы закрепить не в исправительно-трудовом, а в советском уголовном законе.

Заключение

Подводя итоги нашей работы, можно резюмировать, что многовековой отечественный исторический опыт показывает, что цели, идейные основания и содержание уголовного наказания менялись как по мере социальной динамики, темпы которой в различные времена разнились, так и в силу структурных изменений внутри политико-правовой системы нашего государства, сохраняя при этом определенную национальную самобытность и относительную преемственность. В XIX–XX вв. на эти изменения стали оказывать влияние криминологические и уголовно-правовые теории и философско-политические учения, особенно сильным оказалось воздействие со стороны марксизма. В определенные исторические периоды уголовное наказание использовалось как средство социальной, идеологической и внутриполитической борьбы, тогда как его непреложное социально-юридическое назначение состоит в противостоянии преступности, защите социума от разнообразных проявлений криминального феномена.

Обострение криминальной ситуации в обществе на любом этапе его развития выступает катализатором активности государственной власти по совершенствованию уголовного наказания и созданию его новых форм и видов, а ухудшению криминальной обстановки способствует отсутствие конгруэнтности и нередко образующиеся разрывы между изменяющейся социальной действительностью и содержанием уголовного законодательства.

В уголовном наказании на каждой фазе его развития в России наглядно отражается не только социально-экономический уклад жизни, но и текущий культурный и духовно-нравственный уровень общества, поэтому уголовное наказание обладает ценностью еще и как феномен, отображающий социально-культурные процессы, происходящие в российском социуме. В данной связи вполне можно переиначить и развернуть известные слова У. Черчилля «покажи-

те мне ваши тюрьмы, и я скажу, в каком обществе вы живете» на «ознакомьтесь с используемой в обществе системой уголовных наказаний и текущей практикой ее применения и вы сможете оценить уровень культурного и социально-правового развития этого общества». Это латентное свойство уголовного наказания, на наш взгляд, вполне можно отнести к функциональным, способным быть использованным в научных и когнитивных целях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коробеев А. И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 7. С. 190–199.
2. Паршина Н. В. Применение смертной казни как вида наказания в Запорожском казачьем войске (XVI–XVIII вв.) // *Вестник Российского университета кооперации*. 2021. № 3. С. 136–138.
3. Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Гамбург, 2012. 264 с.
4. Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная 5 ноября 1891 года, в торжественном годовичном собрании Императорского Казанского университета, ординарным профессором Н. П. Загоскиным. Казань, 1892. 103 с.
5. Сафин Л. Р. Исторический очерк правового регулирования наказаний, не связанных с изоляцией от общества по уголовному праву России // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2023. Вып. 1. С. 142–158.
6. Социальная реабилитация осужденных / Жуков В. И. [и др.]. М., 2005. 244 с.
7. Сергеевский Н. Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки // *Юридический вестник*. 1879. Т. 2. № 12. С. 877–904.
8. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. М., 2015. 752 с.
9. Боровитинов М. М. Николай Дмитриевич Сергеевский и его профессорская, научно-литературная и общественная деятельность: биографический очерк. СПб., 1910. 176 с.
10. Осокин Р. Б., Денисенко М. В. Генезис института наказания в отечественном уголовном праве // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2019. № 4. С. 50–54.
11. Егоров В. С. Система уголовных наказаний в период становления советской власти // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2006. № 4. С. 24–27.
12. Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. 207 с.
13. Из бесед // *Еженедельник советской юстиции*. 1922. № 44–45. С. 21–27.
14. Бранденбургский Я. Н. О нашей уголовной репрессии // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 15. С. 337–339.
15. Сулонов П. Е. Теоретико-мировоззренческие аспекты проблемы наказания. Екатеринбург, 2001. 81 с.
16. Маркс К. Критика Готской программы. Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. М., 1959. 71 с.
17. Трайнин А. Н. Десять лет советского уголовного законодательства (итоги и перспективы) // *Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства*. 1927. Кн. 8. С. 36–46.
18. Ширвиндт Е. Г., Утевский Б. С. Советское пенитенциарное право. М., 1927. 276 с.
19. Азаренок Н. В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы. Екатеринбург, 2021. 718 с.
20. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. М., 2014. Ч. 2. 656 с.

REFERENCES

1. Korobeev A.I. Death penalty: the rationale for maintaining. *Lex russica (Russkii zakon) = Russian Law*, 2016, no. 7, pp. 190–199. (In Russ.)
2. Parshina N.V. The use of the death penalty as a form of punishment in the Zaporozhye cossack army (XVI–XVIII centuries). *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2021, no. 3, pp. 136–138. (In Russ.)
3. Kozachenko I.Ya., Korsakov K.V., Leshchenko V.G. *Tserkovno-religioznoe vozdeistvie na osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Church and religious influence on those sentenced to imprisonment]. Hamburg, 2012. 264 p.
4. Zagoskin N.P. *Ocherk istorii smertnoi kazni v Rossii. Rech', chitannaya 5 noyabrya 1891 goda, v torzhestvennom godichnom sobranii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, ordinarnym professorom N.P. Zagoskinym* [An essay on the history of the death penalty in Russia. Speech delivered on November 5, 1891, at the solemn annual meeting of the Imperial Kazan University, by Ordinary Professor N.P. Zagoskin]. Kazan, 1892. 103 p.
5. Safin L.R. A historical essay of the legal regulation of punishments not involving isolation from society under Russian criminal law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical sciences*, 2023, no. 1, pp. 142–158. (In Russ.)
6. Zhukov V.I. et al. *Sotsial'naya reabilitatsiya osuzhdennykh* [Social rehabilitation of convicts]. Moscow, 2005. 244 p.
7. Sergeevskii N.D. Crime and punishment as a subject of legal science. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*, 1879, vol. 2, no. 12, pp. 877–904. (In Russ.)

8. Yadrntsev N.M. *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [The Russian community in prison and exile]. Moscow, 2015. 752 p.
9. Borovitinov M.M. *Nikolai Dmitrievich Sergeevskii i ego professorskaya, nauchno-literaturnaya i obshchestvennaya deyatel'nost': biograficheskii ocherk* [Nikolai Dmitrievich Sergeevsky and his professorial, scientific, literary and social activities: a biographical sketch]. Saint Petersburg, 1910. 176 p.
10. Osokin R.B., Denisenko M.V. Genesis of the institute of punishment in domestic criminal law. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2019, no. 4, pp. 50–54. (In Russ.).
11. Egorov V.S. The system of criminal penalties during the formation of Soviet power. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2006, no. 4, pp. 24–27. (In Russ.).
12. Shvekov G.V. *Pervyi sovetskii ugolovnyi kodeks* [The First Soviet Criminal Code]. Moscow, 1970. 207 p.
13. From conversations. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1922, no. 44–45, pp. 21–27. (In Russ.).
14. Brandenburgskii Ya.N. On our criminal repression. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1923, no. 15, pp. 337–339. (In Russ.).
15. Suslonov P.E. *Teoretiko-mirovozzrencheskie aspekty problemy nakazaniya* [Theoretical and ideological aspects of the problem of punishment]. Ekaterinburg, 2001. 81 p.
16. Marx K., Kritika Gotskoj programmy. Engel's F. K kritike proekta sotsial-demokraticheskoi programmy 1891 g. [Criticism of the Gotha program. Engels F. To criticize the draft Social-Democratic program of 1891]. Moscow, 1959. 71 p.
17. Trainin A.N. Ten years of Soviet criminal legislation (results and prospects). *Pravo i zhizn': zhurnal, posvyashchennyi voprosam prava i ekonomicheskogo stroitel'stva = Law and Life: Journal Devoted to Issues of Law and Economic Construction*, 1927, no. 8, pp. 36–46. (In Russ.).
18. Shirvindt E.G., Utevskaia B.S. *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [Soviet penitentiary law]. Moscow, 1927. 276 p.
19. Azarenok N.V. *Evolutsiya otechestvennogo ugolovnogo protsessa kak proizvodstva kontinental'noi formy* [Evolution of the domestic criminal process as a continental form of production]. Ekaterinburg, 2021. 718 p.
20. Naumov A.V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii: v 2 ch. Ch. 2* [Crime and punishment in the history of Russia: in 2 parts. Part 2]. Moscow, 2014. 656 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ КОРСАКОВ – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

KONSTANTIN V. KORSAKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Law Department of the Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

Статья поступила 04.10.2024

Ресоциализация лиц, совершивших преступление при рецидиве

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ГОЛУБОВСКИЙ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
63wladimir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0587-2620>

Реферат

Введение: необходимость развития института ресоциализации обусловлена высокими показателями рецидивной преступности на протяжении достаточно длительного периода времени. Следует признать, что отечественными учеными в XX в. криминологических и пенитенциарных исследований, посвященных ресоциализации лиц, совершивших преступление при рецидиве, проводилось недостаточно. У лица, оказавшегося в изоляции, происходят определенные изменения, нарушаются ранее сложившиеся социальные связи, а при освобождении нередко возникают серьезные проблемы с адаптацией. В этой связи повышение эффективности ресоциализации позволит постепенно снизить рецидивную преступность. *Целью* исследования является изучение теоретических основ ресоциализации и разработка эффективных способов ресоциализации лиц, совершивших преступление при рецидиве. *Методы:* анализ, синтез, аналогия, сравнение, абстрагирование, индукция, дедукция, наблюдение, моделирование, эксперимент. *Результаты:* дальнейшее развитие данной востребованной обществом научной тематики позволит обеспечить получение новых результатов, полезных в плане своего практического использования, усилит сферу предупреждения преступного поведения, особенно в части профилактики рецидивной преступности. *Выводы:* определены теоретические положения, которые должны быть направлены на ресоциализацию осужденных. Предлагается совершенствование системы ресоциализации независимо от того, совершило лицо преступление впервые или повторно, на всех этапах после назначения уголовного наказания. Преступники, которым назначено наказание в виде лишения свободы, должны получать качественную психологическую помощь при подготовке их к освобождению из пенитенциарных учреждений. Особое внимание следует уделить созданию специальных программ в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: наказание; осужденный; пробация; ресоциализация; рецидивная преступность; исправительное учреждение; уголовно-исполнительная система.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Голубовский В. Ю. Ресоциализация лиц, совершивших преступление при рецидиве // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 32–38. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.004.

Original article

On Resocialization of Recidivists

VLADIMIR Yu. GOLUBOVSKIY

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
63wladimir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0587-2620>

Abstract

Introduction: the need to develop the institution of resocialization is due to high rates of recidivism over a sufficient period of time. It should be recognized that domestic scientists did not conduct enough criminological and penitentiary studies on re-socialization of recidivists in the twentieth century. A person who finds him/herself in isolation experiences certain changes and loses previously established social ties. When released, he/she often faces serious problems with adaptation to life. In this regard, increasing effectiveness of resocialization will gradually reduce recidivism. *Purpose:* to study theoretical foundations of re-socialization and to develop effective ways of re-socialization

of recidivists. *Methods*: new and traditional methods of social sciences and humanities are used: analysis, synthesis, analogy, comparison, abstraction, induction, deduction, observation, modeling, experiment. *Results*: further development of this scientific topic will provide new results useful in terms of their practical use and strengthen the sphere of prevention of criminal behavior, especially prevention of recidivism. *Conclusion*: theoretical provisions on resocialization of convicts are defined. It is proposed to improve the system of resocialization of persons, regardless of whether they have committed a crime for the first time or repeatedly at all stages of serving a sentence. In relation to criminals who have been sentenced to imprisonment, high-quality psychological assistance should be provided, preparing them for release from penitentiary institutions. Special attention should be paid to the creation of such programs in correctional facilities.

Keywords: punishment; convict; probation; resocialization; recidivism; correctional facility; penal system.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Golubovskii V.Yu. On resocialization of recidivists. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 32–38. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.004.

Введение

Ресоциализация лиц, совершивших рецидивные преступления, заслуживает пристального внимания. Данная проблематика для отечественной и мировой науки является прорывной, обладает большой значимостью, требующей проведения научных исследований с опорой на эмпирический материал. Такие лица несут большую общественную опасность, так как уже были предприняты попытки по их исправлению, которые не оказали положительного воздействия, оказывают негативное влияние на социум, приобщая его к криминальному образу жизни. Очевидно, что лица, преступления которых считаются рецидивом, являются наиболее девиантными членами общества. Они погружены в криминальную культуру очень глубоко и уже не представляют своего существования без нее, они не умеют, не могут или не хотят жить в рамках закона.

Как отмечает И. Я. Козаченко, «чаще всего рецидивные преступления совершают люди, ранее отбывавшие наказание именно в виде лишения свободы, а рецидивисты, имеющие три и более судимости, совершают повторные преступления в два раза чаще, чем те преступники, которые имеют лишь одну или две судимости» [1, с. 168]. Сказанное обосновывает повышенное внимание лицам, отбывавшим наказание в виде лишения свободы.

Учреждения уголовно-исполнительной системы выступают последним звеном в цепочке иных государственных органов, задача которых состоит в разработке стратегий по обеспечению безопасности в сфере борьбы с преступностью. От общего числа лиц, идентифицированных как совершившие преступление, только определенная часть по приговору суда направляется в учреждения, исполняющие наказание.

Следует признать, что ныне действующее законодательство является достаточно гуманным по отношению к лицам, совершившим преступления на профессиональной основе (рецидивисты) [2, с. 96]. Сформированная в обществе идеология потребления создает духовную предпосылку для преступно-

сти, выдвигая на первый план потребности материального характера и их удовлетворения преступным способом [3, с. 9].

В теории и на практике хорошо изучены положительные стороны лишения свободы как наказания: воздействие на осужденных, действенность его применения в целях общего и специального предупреждения, изоляция осужденных от прежних преступных связей. Вместе с тем практика исполнения наказания и ее многолетний научный анализ установили ряд негативных свойств лишения свободы как вида наказания, ограниченные возможности этого вида наказания в исправлении осужденных к преодолению жизненных трудностей. Некоторые недостатки лишения свободы как вида наказания приводят к сравнительно невысокой его эффективности [4].

Кроме недостаточной эффективности, этот вид наказания при своем большом удельном весе среди других видов вызывает организационные сложности в работе исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, связанные с размещением осужденных, материально-бытовым, медицинским обеспечением, условиями содержания, трудоустройством, общим и профессиональным обучением.

Исследуемая тема в той или иной степени затрагивалась в трудах отечественных ученых В. И. Андийского, Ю. М. Антояна, З. А. Астемировой, О. Р. Афанасьевой, М. М. Бабаева, Л. И. Беляевой, Т. А. Боголюбовой, Л. А. Букалеровой, А. Н. Варыгина, Н. И. Ветрова, Н. В. Гавриловой, М. В. Гончаровой, А. И. Долговой, А. Н. Ильяшенко, О. С. Капинус, Е. В. Кунц, В. В. Лунеева, В. Д. Малкова, В. П. Ревина, В. Я. Рыбальской, О. В. Старкова, В. И. Шиян, В. И. Шульги, В. Е. Эминова и др.

Вместе с тем имеется дефицит эмпирических исследований, нацеленных на изучение изнутри проблемы, не сформулирована современная концепция ресоциализации лиц, совершивших преступление при рецидиве.

Основная часть

Ресоциализация лиц, совершивших рецидивные преступления, представляет собой многоаспектную

работу на различных уровнях социума. Перевоспитание и ресоциализация правонарушителей не могут осуществляться только с помощью уголовного законодательства и уголовной юстиции [5, с. 22]. Как отмечается в социологических исследованиях, вторичная социализация понимается как происходящая на протяжении всей жизни индивида в связи с изменениями его установок, целей, норм и ценностей жизни; процесс приспособления девиантного индивида к жизни без острых конфликтов [6].

И действующее законодательство, и разрабатываемые программы по ресоциализации осужденных исходят из того, что совершение преступления является следствием неблагоприятных жизненных условий и недостаточного развития конкретного делинквента.

На сегодняшний день существуют программы и институты для ресоциализации таких категорий преступников, например институт административного надзора. По мнению отдельных ученых, профилактический административный надзор следовало бы упростить с точки зрения процедуры, расширить область усмотрения для исполняющих надзор компетентных сотрудников, увеличить применение в данной сфере технических средств, создать специальные базы данных на преступников [7, с. 18].

Как известно, в последние годы общее число осужденных в российских исправительных колониях неуклонно сокращается [8, с. 32]. Если в 2003 г. было выявлено 1 236 733 чел., совершивших преступления, из которых 301 998 (24,4 %) [9] ранее уже совершали общественно опасные деяния, то в 2023 г. удельный вес ранее привлеченных к уголовной ответственности в общем количестве выявленных за совершение преступлений лиц составил 59 % (439 504 из 750 465 чел.) [10].

Уровень преступного рецидива остается стабильно высоким последние несколько лет. Например, в 2022 г. из 818 986 выявленных органами внутренних дел лиц 59 %, то есть 483 683 чел., ранее уже совершали преступления [11], а в 2021 г. – 58 % (493 813 из 848 320 чел.) [12].

По данным МВД России, в 2023 г. было зарегистрировано 1 947 161 преступление, из них раскрыто 997 689, то есть только около половины преступлений (949 472 нераскрытых преступления). Также было выявлено 750 465 лиц, совершивших преступления, но нельзя не брать во внимание, что одно преступление может быть совершено не одним лицом, а несколькими [10].

В 2024 г. зарегистрировано 1 911 300 преступлений, или на 1,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [13]. Здесь можно говорить как об увеличении, так и о стабильно высоком проценте анализируемых показателей, а также о том, что рецидивисты являются самой многочисленной категорией преступников.

Какова же должна быть стратегия правоприменительных органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в принятии своевременных мер борьбы с преступностью?

О. Зателепин отметил, что, несмотря на усложнение криминогенной ситуации, с 2007 г. зафиксирована устойчивая тенденция уменьшения количества дел, поступающих в суды. Если в 2007 г. в суды поступило 1,2 млн дел, то в 2023 г. – 720 тыс., то есть за относительно небольшой промежуток времени количество дел, поступающих в суды, уменьшилось почти вдвое. Соответственно, уменьшается количество осужденных лиц [14]. Каждый пятый подсудимый уходил из зала суда, не получив судимости. В отношении 94 тысяч человек уголовное преследование было прекращено судом. За 9 месяцев 2024 г. количество дел, рассмотренных судами в порядке уголовного судопроизводства, уменьшилось на 8,3 % и составило порядка 495 тыс. дел в отношении 499 тыс. лиц, из которых осуждено 399 тыс. (или 79,9%) [15].

Сотрудникам исправительных учреждений в большей степени, чем ранее, следует задуматься над вопросом, какие меры исправления должны применяться, к каким группам осужденных и с какой целью, а также над тем, какие методы работы являются наиболее эффективными и результативными.

В последние годы наблюдается тенденция к уменьшению количества лиц, приговоренных к условному сроку. Это происходит на фоне появления наказаний, не связанных с лишением свободы. Раньше не было таких видов наказаний, как обязательные работы (появились в 2005 г.), ограничение свободы (в 2010 г.). С 2017 г. были введены принудительные работы, в том же году данный вид наказания был применен в отношении 600 лиц, а в 2023 г. – 15 тыс. чел. [16]. Можно сказать, что это самое «молодое» уголовное наказание, пополнившее перечень российской системы уголовных наказаний [17, с. 44]. Наказания, не связанные с лишением свободы, действующие, они применяются. Общее количество лиц, к которым суды применяют эти наказания, значительно: в 2023 г. их было 225 тыс., или 38 % [16].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года отмечена необходимость закрепления института пробации на законодательном уровне, определения функций пробации, перечня задач и полномочий органов государственной власти и местного самоуправления.

Институт пробации был введен Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», вступившим в законную силу с 1 января 2024 г., в котором закреплено понятие ресоциализации.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова отметила, что появление закона о пробации и программы возвращения человека в открытое пространство после того,

как он отбыл наказание, – это новая веха в жизни нашего государства [18].

За последние три года теми усилиями и той работой, которую проводит ФСИН России и Министерство юстиции Российской Федерации, действительно, создается новая система, но многое еще предстоит сделать [18].

Данный закон содержит один из важных факторов – восстановление социальных связей осужденного, что благоприятно влияет на его социальную адаптацию. Особенно важен указанный фактор для рецидивистов, так как они могли утратить связь с внешним миром еще при отбывании наказания за первое преступление и не восстановить ее до попадания вновь в пенитенциарное учреждение. Рецидив в определенной степени свидетельствует о том, что осужденные не сделали правильных выводов из факта первого наказания. Впервые осужденные, как правило, не имеют устойчивой преступной установки, а совершают преступления по некоторым причинам, к которым следует отнести: состояние алкогольного опьянения, попадание под негативное влияние, наличие отклонений в психике, психических аномалий и др.

Соблюдение режимных требований, добросовестное отношение к труду, учебе в условиях изоляции от общества не выступают гарантией отсутствия рецидива в будущем. Но все же нахождение осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы под психологическим воздействием кары за совершенные преступления ориентирует многих на законопослушный образ жизни.

Особое внимание уделено привлечению к процессу ресоциализации различных общественных организаций, в том числе религиозных. Отношение религии к преступнику имеет своей основой порицание совершенного им деяния, а не самого человека. Религия предлагает преступнику начать правильную жизнь при духовной, всесторонней и бескорыстной помощи общества. О. А. Скоморох и В. А. Самарин обращают внимание на указание в федеральном законе того факта, что «в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, религиозные организации могут создавать соответствующие центры для предоставления временного места пребывания» [19, с. 54]. Но финансирование данных центров, их деятельность, а также методологическая база требуют дальнейшего научного и методологического изучения.

Несмотря на существующее закрепление положительных мер по ресоциализации, некоторые ученые указывают на усеченность правового закрепления пробации. Например, научные положения о досудебной пробации остались невостребованными, кроме того, нивелировалось понимание полномочий службы пробации как комплексного надзора за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и иных мер уголовно-правового характе-

ра; отмечается отсутствие особенностей правового регулирования пробации в отношении несовершеннолетних.

Принятый закон «О пробации в Российской Федерации» закрепил положение о том, что исполнительная и пенитенциарная пробация осуществляется только в отношении осужденных, которые находятся в трудной жизненной ситуации. Считается, что данный закон отразил многосубъектность пробации, но неоправданно определил основным субъектом уголовные-исполнительные инспекции. Возложение обязанностей по ресоциализации осужденных на сотрудников уголовно-исполнительной инспекции будет являться не самым эффективным решением, так как у данного пенитенциарного учреждения уже существует определенная практика по взаимодействию с правонарушителями, а данное положение увеличит нагрузку на сотрудников.

Следует отметить, что, несмотря на применяемые меры, рецидивная преступность не имеет отрицательной динамики, что является проблемой для современного общества. Необходимо создание профилактических мероприятий на региональном уровне, что должно привести к снижению уровня рецидива.

Такие мероприятия должны осуществляться на начальном этапе, а именно сразу же после вынесения обвинительного приговора. Осужденному необходима консультация с психологом, который выявит причины совершения повторного преступления, отношение лица к совершенному преступлению, его психологическое состояние, представление о дальнейшей жизни. Эти данные позволят составить индивидуальный план по ресоциализации рецидивиста.

Если же первоначальной причиной совершения повторного преступления стало нежелание лица искать или выполнять трудовую функцию, то возможным представляется направление лица в такое пенитенциарное учреждение, которое имеет в своем распоряжении достаточное количество рабочих мест. Получение профессиональных навыков, привыкание к постоянной трудовой деятельности положительно скажутся на отношении лица к труду.

При выявлении такой первопричины, как отсутствие профессионального образования, возможно направление лица для отбытия наказания в такие пенитенциарные учреждения, которые будут оснащены средствами для получения специальностей различного рода.

Некоторые криминологи считают, что необходимо внедрение обращения с осужденными, построенного на минимизации отличия их жизни от жизни законопослушных граждан. В данном случае представляется целесообразной организация таких условий жизни осужденных, которые будут крайне похожими на условия жизни лиц, не совершавших преступления. Также необходимо сохранение социальных связей, имевшихся у лица до осуждения. Следует развивать ответственность у осужденных, а также убеждения в

том, что возможно достижение личных целей без нарушения законодательства.

Непоправимые изменения в сознании личности происходят через 3–5 лет после отбывания наказания в виде лишения свободы. Как отмечает И. Я. Козаченко, особо опасные рецидивисты отбывают наказание в исправительных колониях особого режима, распорядок и общая атмосфера в которых настолько травмируют психику человека, что спустя 3–5 лет пребывания в них в психике происходят уже необратимые деструктивные изменения [1, с. 169]. После данного срока ресоциализация будет крайне затруднительной и высок шанс совершения повторного преступления, поэтому предлагается некая экономия уголовной репрессии, применение к осужденному воспитательных мер воздействия, не связанных с лишением свободы.

Другие ученые придерживаются противоположного мнения. Так, Ц. А. Санджеева отмечает, что слишком мягкое наказание воспринимается рецидивистами как безнаказанность [20, с. 88]. Такая ситуация рецидивистом не может восприниматься как избежание наказания, а данная категория преступников должна нести более строгое наказание.

В Постановлении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2024 № 77-1422/202 указано, что в кассационном представлении заместитель прокурора Республики Башкортостан выразил несогласие с приговором суда. Он утверждает, что осужденный на момент совершения преступлений имел непогашенную судимость за совершение преступлений средней тяжести по приговору от 19 октября 2022 г. Несмотря на это, в нарушение ст. 18 УК РФ, судом при постановлении приговора в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, рецидив преступлений не учтен, что повлекло за собой назначение несправедливого наказания.

Различные детерминанты преступности, от общесоциальных до индивидуальных, позволяют сформулировать конкретные меры по предупреждению рецидивной преступности, что, в свою очередь, способствует определению необходимых мер по ресоциализации рецидивистов.

При поступлении лица в пенитенциарное учреждение необходимо проводить тщательный анализ причин и условий, приведших его к совершению преступления, а также должна осуществляться разработка индивидуальных программ, основанная на полученных данных.

В индивидуальной работе важно учесть характер ситуации, в условиях которой оказывается воздействие на осужденного. По отношению к рецидивисту полезнее начать с более сильного публичного осуждения, а одобрение проводить наедине. Рецидивист должен понять, что публичное одобрение необходимо заслужить положительными поступками. Позднее можно одобрение сделать публично. Следует использовать различные способы. В некоторых случаях

значительный эффект достигается при организации совместной работы двух осужденных, один из которых может положительно влиять на другого, а работа максимально учитывает индивидуальные особенности осужденных и организацию их труда и жизни в исправительном учреждении.

Необходимо использовать связи осужденного с лицами вне исправительного учреждения, главным образом, с которыми он вместе ранее работал, с семьей.

Необходимо обеспечить доступ каждого осужденного к получению специального образования. Должны быть реализованы социальные программы, которые будут обеспечивать осужденных рабочими местами. Важно обеспечивать ресоциализацию осужденных на основе содействия общества. Необходимо развитие сети неправительственных общественных организаций, которые будут способствовать ресоциализации и социальной адаптации лиц, совершивших рецидив.

Для снижения количества повторных преступлений следует разработать социальную программу, которая бы мотивировала работодателей на трудоустройство бывших осужденных. Такая программа должна давать работодателям создавать учебные и производственные помещения на территории пенитенциарного учреждения, что позволит им оценить эффективность действия данной программы для своей организации, а осужденные приобретут необходимые навыки и квалификацию, что в дальнейшем поможет им при трудоустройстве.

Для привлечения негосударственных организаций в участие в данной программе необходимо обозначить для них ряд преимуществ. Очевидным будет снижение затрат для организации на первоначальный отбор и рекламу вакансий, в связи с тем что сотрудники пенитенциарных учреждений будут осуществлять содействие в данной области. Положительным будет и тот факт, что предприятие приобретет разнообразие сотрудников, инклюзивность и большую социальную ответственность. Приняв участие в данной программе, организация сможет качественно восполнить пробелы в квалифицированном персонале, что повлияет на производительность и результативность предприятия. И одной из самых эффективных мер для привлечения некоммерческих организаций к участию в данной программе будет предоставление льготных выплат, налоговых вычетов при условии выделения и предоставления рабочих мест лицам, имеющим судимость.

Подводя итог, следует отметить, что стабильное и относительное снижение количества преступлений лицами, ранее совершавшими преступления, не является обоснованием предположения об исчезновении рецидива в будущем либо значительном его уменьшении в долгосрочной перспективе. В этой связи особо значима концепция реабилитации осужденных на основе индивидуализированного подбора

методов ресоциализации, включающих вовлечение лиц, отбывших наказание, в постоянную и непрерывную трудовую деятельность, создание вокруг них здорового окружения, чтобы исключить отрицательное влияние среды, в которой они могли вращаться до своего осуждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2024. 277 с.
2. Кунц Е. В. Общесоциальное предупреждение рецидива преступлений лицами, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2023. № 2 (55). С. 90–98.
3. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 5–14.
4. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminality. Oslo ; London, 1974.
5. Gross K.-H. Correction and rehabilitation of offenders in the penal law and court practice of the Federal Republic of Germany // Resource material series / UNAFEI. Tokyo, 1988. № 34. P. 22.
6. Crossman A. Understanding Resocialization in Sociology. URL: <https://www.thoughtco.com/resocialization-3026522> (дата обращения: 03.08.2024).
7. Byrne J., Marx G. Technological Innovations in Crime Prevention and Policing. A Review of the Research on Implementation and Impact // Cahiers Politiestudies Jaargang. 2011. No. 20. Pp. 17–40. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/238011.pdf> (дата обращения: 03.08.2024).
8. Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 29–36.
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2003 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/209710/> (дата обращения: 03.05.2024).
10. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/?ysclid=m206oqsc9d506094199> (дата обращения: 02.07.2024).
11. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 04.05.2024).
12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации январь–декабрь 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/?ysclid=m206nu7ysx275043245> (дата обращения: 03.05.2024).
13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 12.02.2025).
14. Арстанова А. На ПМЮФ обсудили фундаментальные проблемы уголовного закона. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-fundamentalnye-problemy-ugolovnogo-zakona/> (дата обращения: 04.08.2024).
15. Председатель ВС Ирина Подносова сообщила о снижении количества уголовных дел. URL: <https://rg.ru/2024/12/03/sudim-miagche.html?ysclid=m6z5ikqev5112660111> (дата обращения: 10.02.2025).
16. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 04.08.2024).
17. Селиверстов В. И. Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 43–50.
18. Арстанова А. На ПМЮФ обсудили роль пенитенциарной политики государства в снижении рецидива. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-rol-penitentsiarnoy-politiki-gosudarstva-v-snizhenii-retsidiva/?ysclid=ly4zxxkazu893150832> (дата обращения: 03.08.2024).
19. Скоморох О. А., Самарин В. А. Роль религиозных организаций в системе пробации осужденных в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18, № 1. С. 52–59.
20. Санджеев Ц. А. К вопросу об исправительном процессе в отношении осужденных, совершивших рецидив преступлений // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2022. № 28. С. 84–95.

REFERENCES

1. Kozachenko I.Ya., Korsakov K.V. *Kriminologiya: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Criminology: textbook and workshop for universities]. Moscow, 2024. 277 p.
2. Kunts E.V. Problems of general social prevention of recurrent crime. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2023, no. 2 (55), pp. 90–98. (In Russ.).
3. Prozumentov L.M., Shesler A.V. General social determinants of crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.).
4. Mathisen T. The politics of abolition. Essays in political action theory. In: *Scandinavian Studies in Criminality*. Oslo; London, 1974.
5. Gross K.-H. Correction and rehabilitation of offenders in the penal law and court practice of the Federal Republic of Germany. In: *UNAFEI resource material ser.* Tokyo, 1988. No. 34. P. 22.
6. Crossman A. *Understanding resocialization in sociology*. Available at: <https://www.thoughtco.com/resocialization-3026522> (accessed August 3, 2024).

7. Byrne J., Marx G. Technological innovations in crime prevention and policing. a review of the research on implementation and impact. *Cahiers Politiestudies Jaargang*, 2011, no. 3, vol. 20, pp. 17–40.
8. Utkin V.A. Rationality of coercion as a principle to regulate execution of prison sentences. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 29–36. (In Russ.).
9. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2003 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2003]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/209710/> (accessed May 3, 2024).
10. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2023 goda* [The state of crime. January–December 2023]. Available at: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_dlya_UOS-1.pdf (accessed July 2, 2024).
11. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2022 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2022]. Available at: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_22_12-8.pdf (accessed May 4, 2024).
12. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii yanvar'–dekabr' 2021 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation January–December 2021]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/28021552/?ysclid=m206nu7ysx275043245> (accessed May 3, 2024).
13. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii yanvar'–dekabr' 2024 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation January–December 2024]. Available at: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_UOS_2024.pdf (accessed February 10, 2025).
14. Arstanova A. *Na PMYuF obsudili fundamental'nye problemy ugolovnogo zakona* [At the PMUF fundamental problems of criminal law were discussed]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-fundamentalnye-problemy-ugolovnogo-zakona/> (accessed August 4, 2024).
15. Predsedatel' VS Irina Podnosova soobshchila o snizhenii kolichestva ugolovnykh del [Chairman of the Supreme Court Irina Podnosova reported a decrease in the number of criminal cases]. Available at: <https://rg.ru/2024/12/03/sudimmiagche.html?ysclid=m6z5ikqev5112660111> (accessed February 10, 2025).
16. Judicial statistics data. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (accessed August 4, 2024).
17. Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 43–50. (In Russ.).
18. Arstanova A. *Na PMYuF obsudili rol' penitentsiarnoi politiki gosudarstva v snizhenii retsidiva* [At the PMUF the role of the state penitentiary policy in reducing recidivism was discussed]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-rol-penitentsiarnoy-politiki-gosudarstva-v-snizhenii-retsidiva/?ysclid=ly4zzxkazu893150832> (accessed August 3, 2024).
19. Skomorokh O.A., Samarin V.A. The role of religious organizations in the probation system of convicts in the Federal Law "On Probation in the Russian Federation". *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 52–59. (In Russ.).
20. Sandzheev Ts.A. On the issue of the correctional process in relation to convicts who have committed recidivism. *Vestnik obshchestvennoi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii "Vzaimodeistvie ugolovno-ispolnitel'noi sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty" = Bulletin of the Public Scientific Research Laboratory "Interaction between the Penal System and Civil Society Institutions: Historical, Legal and Theoretical and Methodological Aspects"*, 2022, no. 28, pp. 84–95. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ГОЛУБОВСКИЙ – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, 63wladimir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0587-2620>

VLADIMIR YU. GOLUBOVSKII – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Leading Researcher at the Department for Improving Legal Regulation of the Activities of the Center for Studying Problems of Management and Organization of Execution of Punishments in the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 63wladimir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0587-2620>

Статья поступила 05.08.2024

Научная статья

УДК 343.2

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.005

Предупреждение повторной преступности среди осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ УСТИНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва,
Россия

ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Реферат

Введение: в статье анализируются причины и условия повторной преступности осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, а также социально-демографические, психологические и ценностно-мотивационные особенности их личности, обуславливающие совершение повторных преступлений. *Цель:* на основе статистики Федеральной службы исполнения наказаний и данных опроса сотрудников учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ, выявить причины и условия, детерминирующие совершение повторных преступлений осужденными, отбывающими данное наказание, особенности их личности, а также предложить меры по предупреждению повторных преступлений. *Методы:* формально-юридический, эмпирические методы описания и интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* основными детерминантами повторной преступности осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, являются употребление спиртного, наркотиков, недостаточный материальный уровень, необоснованная замена лишения свободы принудительными работами. К основным признакам личности, детерминирующим повторную преступность, относятся личные качества характера – эгоизм, агрессивность, скрытность, лживость, безответственность, алкогольная и наркотическая зависимость. Даны рекомендации по профилактике повторной преступности осужденных к принудительным работам. *Выводы:* профилактика повторной преступности при исполнении наказания в виде принудительных работ должна осуществляться на основе комплексного подхода с учетом криминогенных факторов, особенностей личности осужденных и специфики организации исполнения данного наказания и включать в себя меры по соблюдению режимных требований, трудовой дисциплины, воспитательную работу, в том числе во взаимодействии с работодателями осужденных и общественными организациями.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; принудительные работы; повторная преступность; детерминанты преступности; личность преступника; предупреждение преступности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Устинов А. А. Предупреждение повторной преступности среди осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 39–47. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.005.

Preventing Recidivism among Convicts Serving Sentences in the Form of Forced Labor

ANDREI A. USTINOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia
ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Abstract

Introduction: the article analyzes causes and conditions of recidivism among convicts serving sentences in the form of forced labor, as well as socio-demographic, psychological, and value-motivational characteristics of their personalities that determine the commission of recurrent crimes. *Purpose:* based on the statistics from the Federal Penitentiary Service and data from the survey of employees of institutions executing forced labor, to identify causes and conditions that determine the commission of recurrent crimes by convicts serving this sentence, their personality characteristics, and propose measures to fight recidivism. *Methods:* formal law, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the main determinants of recurrent criminality of convicts serving sentences in the form of forced labor are alcohol abuse, drug use, insufficient financial resources, and unjustified substitution of forced labor for imprisonment. The main personality traits that determine recurrent criminality are egoism, aggressiveness, secrecy, deceit, irresponsibility, alcohol and drug addiction. Recommendations are given on the prevention of recurrent criminality of those sentenced to forced labor. *Conclusion:* prevention of recidivism among those serving sentences in the form of forced labor should be carried out on the basis of an integrated approach, taking into account criminogenic factors, personality characteristics of convicts and the specifics of organizing the execution of this punishment, and include measures to comply with regime requirements, labor discipline, educational work, including in cooperation with employers and public organizations.

Keywords: penal system; forced labor; recidivism; determinants of crime; identity of the criminal; crime prevention.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ustinov A.A. Preventing recidivism among convicts serving sentences in the form of forced labor. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 39–47. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.005.

Одним из наказаний, альтернативных лишению свободы, активно внедряемым в современную правоприменительную практику, являются принудительные работы. Данный вид наказания был введен в систему уголовных наказаний Российской Федерации в соответствии с федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ и исполняется с 1 января 2017 г.

Принудительные работы относятся к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Однако фактически данное наказание занимает промежуточное положение между наказаниями, связанными с изоляцией от общества и не связанными с ней, осужденный привлекается к работе на предприятиях совместно с гражданами, находящимися на свободе, тем не менее, обязан в нерабочее время находиться в учреждении уголовно-исполнительной системы – исправительном центре (ИЦ), его участке (УИЦ) либо участке исправительной колонии, функционирующем как исправительный центр (УФИЦ), а в установленных законом случаях имеет право проводить выходные и праздничные дни либо проживать с семьей за пределами исправительного центра.

Одним из вопросов, требующих внимания сотрудников учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ, является профилактика повторной преступности. В научной литературе справедливо указывается, что рецидив преступлений среди осужденных к принудительным работам свидетельствует о недостаточной эффективности исполнения данного наказания в каждом конкретном случае и требует мер по дальнейшему совершенствованию деятельности ИЦ и УФИЦ [1, с. 123].

Повторная преступность анализируемой нами категории осужденных, как и любой вид преступности, существует и развивается под влиянием причин – социальных явлений, закономерно порождающих преступность, и условий – явлений, формирующих причины преступности или способствующих их проявлению [2, с. 377]. Причины и условия преступности в криминологической науке обозначаются общим понятием – детерминанты преступности. Согласно общепринятой в современной отечественной криминологии точке зрения причинный комплекс преступ-

ности носит комплексный характер и не может быть сведен к какой-либо одной причине [3, с. 57; 4, с. 393]. Все сказанное выше относится и к детерминации пенитенциарной преступности, в том числе повторной преступности осужденных, отбывающих принудительные работы [5].

В целях исследования криминологической характеристики, причин и условий повторной преступности лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, мер, осуществляемых в целях ее предупреждения, был произведен анализ статистической отчетности ФСИН России за 2021–2023 гг., а также опрошено 425 сотрудников ИЦ и УФИЦ в 32 территориальных органах ФСИН России.

Согласно статистическим данным ФСИН России уровень повторной преступности среди отбывающих наказание в виде принудительных работ в 2023 г. составил 0,63 % (381 преступление на 60 104 подучетных ИЦ и УФИЦ), в 2022 г. – 0,74 % (202 на 27 023 соответственно), в 2021 г. – 0,37 % (59 на 15 791).

Среди преступлений, совершенных лицами, отбывающими наказание в виде принудительных работ, по данным опроса сотрудников ИЦ (УФИЦ), чаще всего встречаются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228, 228.1 УК РФ), кражи (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), 31 повторное преступление (8,1 %) было совершено осужденными в состоянии алкогольного опьянения.

В качестве причин и условий повторной преступности осужденных опрошенные сотрудники чаще всего указывают злоупотребление спиртными напитками, состояние опьянения (63,4 %), употребление наркотических средств и наркоманию (27 %), низкий уровень дохода, наличие затруднений материального характера (23,8 %). Среди иных причин и условий респонденты выделяют необоснованную замену судами лишения свободы на принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ, семейные и родственные конфликты, утрату и ослабление социальных связей осужденных, влияние других осужденных, а также более мягкий, чем при лишении свободы, режим отбывания наказания, предполагающий работу на предприятиях совместно с лицами, не являющимися осужденными, возможность пребывания осужденного за пределами исправительного центра.

По нашему мнению, данный перечень следует дополнить негативным влиянием криминальной субкультуры, ее распространением среди осужденных. Способность субкультуры выступать условием преступного поведения в исправительном учреждении отмечалась различными российскими и зарубежными авторами [6–9]. Поскольку уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает отдельного содержания осужденных, которым принудительные работы были назначены по приговору суда, и лиц, которым данное наказание было на-

значено в порядке замены лишения свободы (в том числе ранее судимым), распространение элементов криминальной субкультуры в ИЦ (УФИЦ) является достаточно широким. Следует сказать, что раздельное содержание впервые осужденных и лиц, ранее отбывавших наказание, является средством, существенно ослабляющим влияние криминальной субкультуры и детерминацию повторной преступности [10, с. 14], однако, к сожалению, при исполнении принудительных работ данный принцип не применяется.

Одним из условий, способных влечь за собой совершение повторных преступлений лицами, отбывающими наказание в виде принудительных работ, является совершение ими нарушений установленного порядка отбывания наказания. По данным ФСИН России за 2023 г., осужденными, состоящими на учете ИЦ (УФИЦ), было совершено 5573 злостных нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ. Наиболее распространенные из них – употребление спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ (3650, или 65,4 % от общего количества злостных нарушений), несвоевременное возвращение к месту отбывания наказания (380, или 6,8 %), неповиновение представителям администрации ИЦ (УФИЦ) или их оскорбление без признаков преступления (394, или 7 %), самовольное оставление территории ИЦ (УФИЦ) (266, или 4,8 %). Следует отметить, что уровень злостных нарушений порядка и условий отбывания наказания по сравнению с 2022 г. (9,3 %) остался примерно на том же уровне – 9,2 %, однако возрос уровень неповиновения представителям администрации ИЦ (УФИЦ) в расчете на общее количество лиц, состоящих на учете, с 0,43 % в 2022 г. до 0,65 % в 2023 г. Это свидетельствует о росте среди лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, количества осужденных с высокой степенью криминальной деформации, негативным отношением к назначенному наказанию и представителям администрации и требует повышенного внимания к предупреждению повторной преступности со стороны как данных лиц, так и других осужденных.

Как указывается сотрудниками ФСИН России, осуществляющими полномочия по организации исполнения наказания в виде принудительных работ, в 2024 г. среди лиц, отбывающих данное наказание, наблюдается тенденция к снижению уровня как злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, так и повторной преступности. Тем не менее ее детерминанты продолжают существовать, и меры по их нейтрализации сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Следует отметить, что выявленные нами детерминанты повторной преступности осужденных, отбывающих принудительные работы, во многом сходны с описанными в работах других авторов [11, с. 57], а также причинами пенитенциарной преступности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свобо-

ды (наркомания, влияние криминальной субкультуры, материальные затруднения, недостаточная степень контроля за осужденными и т. д.).

По социально-демографическим признакам большинство лиц, совершивших повторные преступления во время отбывания наказания в виде принудительных работ, – мужчины (94,8 %). Уровень повторной преступности среди осужденных женского пола существенно ниже (0,34 %), чем у осужденных мужского пола (0,67 %). Доля осужденных, не достигших возраста 30 лет, составила 23,8 %. Среди осужденных, являющихся ранее судимыми, уровень повторной преступности составил 0,9 % при среднем уровне 0,63 %. Среди осужденных, допускаявших нарушения установленного порядка отбывания наказания, уровень повторной преступности составил 11,1 %.

Опрошенные сотрудники чаще всего выделяют следующие личные качества осужденных, являющиеся условиями совершения повторных преступлений в период отбывания наказания, – эгоизм, агрессивность, скрытность, лживость, безответственность (31,7 %), склонность к употреблению спиртных напитков, алкогольная зависимость (22,2 %), наркотическая зависимость (11,1 %). Отдельные респонденты в качестве криминогенных свойств личности называют уверенность осужденного в безнаказанности, наличие судимостей в прошлом, связи с криминальной средой и принятие ценностей криминальной субкультуры, утрату социально полезных связей, нежелание исправления ввиду укоренившихся антиобщественных взглядов и привычек, склонность к деструктивному поведению. Выделение подобных свойств личности, обуславливающих склонность осужденного к совершению нарушений установленного порядка отбывания наказания и повторных преступлений, подтверждается данными и других исследований [12, с. 84; 13, с. 437].

Исходя из полученных данных, возможно выделить следующие типичные черты осужденного, отбывающего наказание в виде принудительных работ и совершившего повторное преступление во время отбывания наказания: мужчина в возрасте 30–45 лет, ранее судимый, допускаявший нарушения установленного порядка отбывания наказания, склонный к злоупотреблению спиртными напитками и употреблению наркотиков, характеризующийся безответственностью, негативным отношением к назначенному наказанию и администрации ИЦ (УФИЦ), повышенным уровнем агрессивности.

Детерминанты повторной преступности осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, и особенности их личности определяют содержание мер по предупреждению данных преступлений. Профилактические меры должны, во-первых, иметь комплексный характер, проводиться не только лицами, осуществляющими надзор за осужденными, но и всеми сотрудниками ИЦ (УФИЦ) в пределах их компетенции при выполнении возложенных на них

должностных обязанностей. К профилактической работе следует привлекать в рамках взаимодействия также должностных лиц иных органов государственной власти (прежде всего, органов внутренних дел), представителей администрации предприятий, использующих труд осужденных, институты гражданского общества (общественные и религиозные организации).

Во-вторых, меры по предупреждению преступности следует осуществлять в строгом соответствии с законом и подзаконными нормативными актами, в рамках должностных обязанностей, возложенных на соответствующий субъект профилактики.

В-третьих, профилактические меры в отношении осужденных должны носить многовариантный и в то же время индивидуальный характер. На уровне ИЦ (УФИЦ) при планировании и осуществлении данных мер следует учитывать наполняемость и фактическую численность осужденных, расположение учреждения (городская или сельская местность, близость иных учреждений уголовно-исполнительной системы, населенных пунктов), характер трудовой деятельности осужденных и другие местные условия. По отношению к конкретному осужденному необходимо учитывать его социально-демографическую характеристику (пол, возраст, наличие семьи, образование, профессию), психологические и социальные характеристики (темперамент, интеллектуальный, эмоциональный, волевой уровень, наличие психических расстройств или зависимого поведения; социальный статус до осуждения; неформальный статус в среде осужденных), криминологическую характеристику (преступление, за которое осужден; срок наказания; наличие судимости в прошлом; отношение к преступлению и назначенному наказанию; назначение наказания в виде принудительных работ по приговору суда, в виде замены лишения свободы в порядке ст. 80 УК РФ либо в виде замены менее строгих видов наказания; склонность к тем или иным формам противоправного поведения во время отбывания наказания). Образно говоря, предупреждение преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы имеет индивидуальный почерк, зависящий от конкретных условий каждого учреждения и индивидуальных особенностей осужденных – объектов профилактики [14, с. 109].

На основании сказанного выше, а также учитывая мнение сотрудников ИЦ (УФИЦ), считаем возможным сформулировать практические рекомендации по профилактике повторной преступности в отношении осужденных к принудительным работам.

Основой предупреждения повторной преступности осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, является осуществление на высоком уровне надзора, обеспечивающего неукоснительное соблюдение осужденными правил внутреннего распорядка, недопущение причин и условий преступности в условиях ИЦ (УФИЦ). При работе с со-

трудниками, осуществляющими надзор за осужденными, следует обращать их внимание на повышение выявляемости в первую очередь таких правонарушений, как пронос и употребление спиртных напитков и наркотических средств, самовольное оставление центра, несвоевременное возвращение к месту отбывания наказания, неповиновение сотрудникам, так как именно данные нарушения являются как причинами и условиями повторной преступности осужденных, так и обстоятельствами, свидетельствующими о склонности осужденного к преступному поведению. Следует иметь в виду, что профилактическим воздействием обладает не столько строгость, сколько неотвратимость дисциплинарного взыскания за нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Следует ориентировать сотрудников ИЦ (УФИЦ) на обеспечение неукоснительного соблюдения осужденными распорядка дня, что позволяет не допустить бесконтрольное нахождение осужденного за пределами центра, следовательно, снижает возможность преступного поведения. С этой целью следует взаимодействовать с администрацией организаций и индивидуальными предпринимателями, использующими труд осужденных, ориентируя их на незамедлительное информирование администрации ИЦ (УФИЦ) о нарушениях осужденными трудовой дисциплины (невыход на работу, опоздание либо досрочное оставление места работы, нахождение на работе с признаками алкогольного или наркотического опьянения).

Работа по сбору и анализу материалов, свидетельствующих о склонности осужденных к тем или иным видам криминогенного поведения при отбывании наказания, позволит повысить качество надзорной и иной профилактической работы, индивидуализировать ее, не допустить в условиях повышенной нагрузки на сотрудников нецелесообразного применения профилактических мер, сосредоточив их в первую очередь на осужденных, представляющих группу риска.

Одной из мер профилактики повторной преступности лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, является применение элементов поощрения и взыскания в их взаимосвязи, а также прогрессивной системы отбывания наказания, предусматривающей возможность изменения правового положения осужденного в зависимости от его поведения во время отбывания наказания [15, с. 167]. Наличие у осужденного стимула в виде мер поощрения, а также возможности условно-досрочного освобождения от наказания, с одной стороны, и возможности применения мер взыскания, а также замены наказания в виде принудительных работ лишением свободы в случае злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания, с другой, представляются эффективными антикриминогенными факторами. [16, с. 230].

При этом следует:

– достигать неотвратимости мер применения взыскания за нарушения установленного порядка отбывания наказания, повышать их выявляемость и качество надзорных мероприятий;

– индивидуализировать применение мер поощрения, в особенности таких, как предоставление осужденному права выхода за пределы ИЦ (УФИЦ) в выходные и праздничные дни, проведения отпуска за пределами центра, проживания с семьей вне общежития. Данные меры следует предоставлять лишь положительно характеризующимся осужденным, не только не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания, но и добросовестно относящимся к труду и не имеющим склонности к криминогенному поведению;

– при решении вопроса о ходатайстве перед судом об условно-досрочном освобождении от наказания либо замене принудительных работ менее строгим видом наказания в порядке ст. 80 УК РФ в полной мере учитывать не только формальные признаки поведения осужденного (отсутствие нарушений установленного порядка отбывания наказания), но его отношение к труду, правилам общежития, а также криминологическую характеристику его личности, в частности наличие склонности к криминогенному поведению.

Выявлению преступлений, готовящихся и совершаемых осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ, лиц, их замысляющих и совершающих, способствует проведение оперативной работы [17, с. 12]. В настоящее время оперативное обеспечение деятельности ИЦ (УФИЦ) осуществляется сотрудниками оперативных подразделений территориальных органов ФСИН России. В штате центра должность оперативного сотрудника не предусматривается, тем не менее существует возможность взаимодействия с оперативными аппаратами исправительных колоний, при которых функционируют данные УФИЦ, так как их сотрудники могут располагать большим количеством данных, представляющих оперативный интерес, чем сотрудники оперативных аппаратов территориальных органов ФСИН России.

Наиболее рациональным решением проблемы оперативного сопровождения осужденных, отбывающих принудительные работы, на наш взгляд, могло бы быть введение в штатную численность ИЦ (УФИЦ) должности оперативного сотрудника, с чем согласны и другие авторы, рассматривающие проблемы предупреждения повторных преступлений осужденных к рассматриваемому виду наказания [18, с. 52; 6, с. 377; 19, с. 132]. В настоящее же время следует рекомендовать руководству исправительных центров устанавливать взаимодействие с оперативными подразделениями не только территориального органа ФСИН России, но и исправительных колоний, при которых созданы УФИЦ, в части информирования администрации о преступлениях, готовящихся, со-

вершаемых и совершенных осужденными, о лицах, готовящих либо совершающих преступления.

В целях профилактики повторной преступности также следует взаимодействовать с органами внутренних дел, в частности с участковыми уполномоченными полиции, по месту проживания осужденных к принудительным работам, которым предоставлено право проживать с семьей вне общежития. Согласно п. 36 Инструкции об исполнении участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России от 29.03.2019 № 205, участковые уполномоченные полиции посещают указанных осужденных не реже одного раза в квартал.

Стоит отметить, что в настоящее время отсутствуют межведомственные нормативные акты, которые с достаточной полнотой регламентировали бы взаимодействие органов уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел по вопросам профилактики правонарушений лиц, отбывающих принудительные работы [20, с. 50], поэтому основой взаимодействия преимущественно являются совместные совещания, разработка планов взаимодействия, а также использование индивидуальных служебных контактов. Руководству ИЦ (УФИЦ) следует обращать внимание сотрудников полиции при проведении профилактических мероприятий по месту дислокации центров, предприятий, где осужденные привлекаются к труду, на выявление осужденных, находящихся в состоянии алкогольного или иного опьянения либо распивающих спиртные напитки в общественных местах, приобретающих алкогольную продукцию в местах ее продажи, нарушающих общественный порядок либо находящихся за пределами ИЦ (УФИЦ) во время, не установленное распорядком дня. Также руководству ИЦ (УФИЦ) целесообразно запрашивать у участковых уполномоченных полиции информацию о поведении осужденных к принудительным работам, которым предоставлено право проживать с семьей вне общежития, их характеристику по месту проживания.

Немаловажное профилактическое значение имеет взаимодействие сотрудников ИЦ (УФИЦ) с администрацией предприятий либо индивидуальными предпринимателями, где осужденные осуществляют трудовую деятельность. Администрация данных предприятий (индивидуальные предприниматели) может оказывать воздействие на осужденных с целью предупреждения ими совершения повторных преступлений. В качестве способов такого воздействия опрошенные сотрудники ИЦ (УФИЦ) указывали на проведение профилактических бесед с осужденными на тему последствий совершения ими преступлений и нарушений трудовой дисциплины (25,4 %), контроль за соблюдением осужденными трудового распорядка и дисциплины (25,3 %), поощрение, в том числе путем премирования, осужденных, достигших успехов в труде и не имеющих нарушений трудо-

вой дисциплины (23,8 %), незамедлительное информирование администрации ИЦ (УФИЦ) о нарушениях трудовой дисциплины осужденными (14,2 %), предоставление осужденным, при добросовестном отношении к труду, возможности трудоустройства после отбытия наказания (11,1 %).

В связи с указанным в целях предупреждения повторной преступности осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, следует рекомендовать сотрудникам ИЦ (УФИЦ) поддерживать взаимодействие с администрацией предприятий (индивидуальными предпринимателями), являющихся работодателями осужденных.

На предприятиях, использующих труд осужденных к принудительным работам, где имеются службы безопасности, представителям администрации ИЦ (УФИЦ) рекомендуется проводить беседы с их руководителями, чтобы сотрудники служб безопасности вели учет осужденных к принудительным работам, привлеченных к труду на предприятиях; осуществляли контроль за их входом и выходом с территории предприятия согласно распорядку дня; обращали особое внимание на попытки проноса осужденными на территорию предприятия спиртных напитков, наркотических средств, фиксировали случаи прохода осужденных через КПП предприятия либо нахождения на территории предприятия с признаками алкогольного (наркотического) опьянения; обращали внимание на попытки хищения с территории предприятия товарно-материальных ценностей; незамедлительно информировали руководство предприятия о выявленных нарушениях трудовой дисциплины.

ИЦ (УФИЦ) следует ориентировать администрацию организаций (индивидуальных предпринимателей), использующих труд осужденных к принудительным работам, на проведение воспитательной работы с ними, заключающейся в разъяснении последствий нарушений трудовой дисциплины и совершения повторных преступлений, а также на возможность поощрения (в первую очередь премирования), добросовестно относящихся к труду и не допускающих нарушений осужденных, трудоустройства после отбытия ими наказания.

Типовым договором между ИЦ (УФИЦ) и организацией, использующей труд осужденных к принудительным работам, утвержденным приказом ФСИН России от 17.12.2019 № 1138, среди обязанностей организации, направленных на предупреждение преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, предусмотрена лишь обязанность незамедлительно информировать администрацию ИЦ (УФИЦ) о нарушениях осужденным трудовой дисциплины. Между тем гл. 30 ТК РФ предусматриваются формы контроля работодателя. Поэтому наряду с этим целесообразно включать в договоры, заключаемые ИЦ (УФИЦ) с предприятием (индивидуальным предпринимателем), использующим труд осужденных к принудительным работам, следующие обязан-

ности администрации предприятия (индивидуального предпринимателя):

– оказывать содействие администрации исправительного центра в проведении воспитательной работы с осужденными в виде профилактических бесед с осужденными, осуществляющими трудовую деятельность;

– осуществлять контроль за соблюдением осужденными трудовой дисциплины в течение рабочего времени.

Профилактическим потенциалом обладает также воспитательная и информационно-правовая работа с осужденными к наказанию в виде принудительных работ. При ее проведении в виде групповых и индивидуальных бесед следует обращать внимание не только на предусмотренные УК РФ меры ответственности за совершение наиболее распространенных среди лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, преступлений, но и на конкретные примеры привлечения осужденных к уголовной ответственности. Помимо этого, следует информировать осужденных о мерах поощрения, которые могут быть применены к ним в случае правопослушного поведения, добросовестного отношения к труду, недопущения нарушений порядка отбывания наказания и трудовой дисциплины (предоставление права выхода за пределы ИЦ (УФИЦ) в выходные и праздничные дни, проживания с семьей вне центра, условно-досрочного освобождения, перспектива трудоустройства на предприятии, где осужденный осуществляет трудовую деятельность, после отбытия наказания).

Профилактическое значение имеет также организация досуга осужденных к принудительным работам, что обладает воспитательным воздействием, прививает социально приемлемые ценности и модели поведения, а также снижает вероятность использования осужденными свободного времени для подготовки и совершения преступлений. Кроме того, некоторые формы организованного досуга способствуют формированию и укреплению социально полезных связей осужденных, что также обладает антикриминогенным потенциалом.

Указанные мероприятия целесообразно проводить во взаимодействии с некоммерческими обще-

ственными организациями, в том числе добровольческими (волонтерскими). В ряде территориальных органов ФСИН России имеются положительные примеры привлечения некоммерческих организаций к психологической работе с осужденными к принудительным работам в целях коррекции криминогенных признаков личности, к профилактике алкоголизма и наркомании, организации волонтерской деятельности осужденных в свободное от работы время.

Антикриминогенным воспитательным потенциалом обладают спортивные, творческие и иные культурно-массовые мероприятия, которые проводятся в ИЦ и УФИЦ. Желательно участие родственников и иных лиц, оказывающих положительное влияние на осужденных, в данных мероприятиях [21, с. 68].

Подведем некоторые итоги. Наиболее часто встречающимися в структуре повторной преступности осужденных к наказанию в виде принудительных работ являются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, преступления против собственности и личности. В качестве основных причин и условий данных преступлений сотрудники исправительных центров и УФИЦ чаще всего указывают обстоятельства, связанные с личностью осужденного, употребление алкоголя, наркотиков, материальные затруднения, а также криминогенные свойства личности. Меры по предупреждению повторной преступности осужденных, отбывающих принудительные работы, включают в себя соблюдение осужденными режимных требований, оперативную работу с целью выявления готовящихся и совершаемых преступлений, контроль за соблюдением осужденными трудовой дисциплины, меры воспитательного характера, а также положительное стимулирование (применение предусмотренных законом мер поощрения, возможность трудоустройства на предприятии после отбытия наказания). Только комплексный подход, учитывающий основные криминогенные факторы, особенности личности осужденных и специфику организации исполнения принудительных работ, в том числе при привлечении осужденных к труду на предприятиях, может обеспечить эффективную профилактику повторной преступности в процессе исполнения данного вида наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А., Тараканов И. А. Специфика уголовно-правового реагирования на правонарушающее поведение лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. С. 121–125.
2. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 369–384.
3. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Отечественные научные концепции причин преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 1. С. 49–58.
4. Гамазина И. В. Причинность как одна из форм детерминации в криминологии преступлений против правосудия // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 4. С. 391–395.
5. Nesterova O. I. Determinants Of Penitentiary Crime // Knowledge, Man and Civilization - ISCKMC 2020 : Proceedings of International Scientific Congress (22–25 October, 2020), Complex Scientific Research Institute named after N.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Russia). Pp. 1172–1179. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.05.156> (дата обращения: 01.02.2025).

6. Дворянсков И. В., Сика А. М. Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных к принудительным работам // *Пенитенциарная наука*. 2022. № 4 (60). С. 372–379.
7. Некрасов А. П., Устинов А. А. Некоторые вопросы правовой регламентации содержания осужденных к принудительным работам // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2021. № 2. С. 216–225.
8. Wooldredge J. Prison culture, management and in-prison violence // *Annual Review of Criminology*. 2020. № 3 (1). Pp. 165–188.
9. Adorno S., Salla F. Criminalidade organizada nas prisões e os ataques do PCC // *Estudos Avançados*. 2007. № 21 (61). Pp. 7–29.
10. Зеленьяк И. М. Раздельное содержание осужденных как средство предупреждения самодетерминации пенитенциарной преступности // *Человек: преступление и наказание*. 2010. № 3. С. 13–16.
11. Красильникова М. С. Преступность осужденных в исправительных учреждениях: криминологический анализ // *Вестник Кузбасского института*. 2020. № 3. С. 52–63.
12. Ольховик Н. В. Криминологическая характеристика осужденных, которым неотбытая часть лишения свободы заменена принудительными работами // *Вестник Кузбасского института*. 2022. № 3 (52). С. 81–87.
13. Schenk A., Fremouw W. Individual characteristics related to prison violence: A critical review of the literature // *Aggression and Violent Behavior*. 2012. Vol. 17, Is. 5. Pp. 430–442.
14. Кириллов М. А., Савельев В. В., Павличенко М. В. Преступность в местах лишения свободы: основные криминологические особенности и тенденции // *Вестник Российского университета кооперации*. 2018. № 4. С. 107–112.
15. Горбань Д. В. Теоретические подходы к построению прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовного наказания в виде принудительных работ // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия «Право». 2018. № 1 (32). С. 162–169.
16. Ruzsonyi P. Prison and Crime Prevention – Crime Prevention Through Prisoners' Preparation for Successful Reintegration // *4th International Scientific and Professional Conference Police College Research Days in Zagreb*. Zagreb, 2015. Pp. 221–240.
17. Исиченко А. П., Фумм А. М. О перспективах оперативно-розыскной профилактики правонарушений среди осужденных к принудительным работам // *Ведомости УИС*. 2016. № 1 (164). С. 9–12.
18. Ольховик Н. В. Рецидивная преступность осужденных, отбывающих принудительные работы // *Вестник Кузбасского института*. 2021. № 1 (46). С. 45–53.
19. Симагин А. О., Терентьева Д. Д. Анализ проблемных вопросов исполнения принудительных работ // *Вестник Самарского юридического института*. 2022. № 5 (51). С. 129–134.
20. Бякина С. И. Воспитательная и профилактическая работа с осужденными к принудительным работам: правовые аспекты // *Ведомости УИС*. 2024. № 6. С. 47–54.
21. Симагин А. О. Анализ проблем исполнения наказания в виде исправительных работ (на основе результатов эмпирического исследования за 2017–2019 годы) // *Вестник Самарского юридического института*. 2020. № 3 (39). С. 66–69.

REFERENCES

1. Gorshkova N.A., Zezyulina T.A., Tarakanov I.A. Specificity of the criminal legal response to the offensive behavior of persons serving a punishment in the form of forced labor. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Bulletin of Dagestan State University*, 2021, no. 2, pp. 121–125. (In Russ.).
2. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Subject of Russian criminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2019, no. 3, pp. 369–384. (In Russ.).
3. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Domestic scientific concepts of the causes of crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2014, no. 1, pp. 49–58. (In Russ.).
4. Gamazina I.V. Causality as one of forms of determination in criminology of crimes against justice. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tyumen State University*, 2012, no. 4, pp. 391–395. (In Russ.).
5. Nesterova O.I. Determinants of penitentiary crime. In: *Knowledge, Man and Civilization - ISCKMC 2020: Proceedings of International Scientific Congress (22–25 October, 2020, Complex Scientific Research Institute named after H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Russia)*. Available at: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.05.156> (data obrashcheniya: 01.02.2025).
6. Dvoryanskov I.V., Sika A.M. Criminal subculture influence on criminal behavior of those sentenced to forced labor. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, no. 4 (60), pp. 372–379. (In Russ.).
7. Nekrasov A.P., Ustinov A.A. Some question of the legislation of keeping of the unfree labor convicts. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2021, no. 2, pp. 216–225. (In Russ.).
8. Wooldredge J. Prison culture, management and in-prison violence. *Annual Review of Criminology*, 2020, no. 3 (1), pp. 165–188.
9. Adorno S., Salla F. Criminalidade organizada nas prisões e os ataques do PCC. *Estudos Avançados*, 2007, no. 21 (61), pp. 7–29.
10. Zelenyak I.M. Separate detention of convicts as a means of preventing self-determination of penitentiary crime. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2010, no. 3, pp. 13–16. (In Russ.).
11. Krasil'nikova M.S. Criminological analysis of the crime of convicts in the correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kusbass Institute*, 2020, no. 3, pp. 52–63. (In Russ.).

12. Ol'khovik N.V. Criminological characteristics of convicts to whom the unserved part of the deprivation of liberty has been replaced by forced labor. *Vestnik Kuzbasskogo institute = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 3 (52), pp. 81–87. (In Russ.).
13. Schenk A., Fremouw W. Individual characteristics related to prison violence: a critical review of the literature. *Aggression and Violent Behavior*, 2012, vol. 17, no. 5, pp. 430–442.
14. Kirillov M.A., Savel'ev V.V., Pavlichenko M.V. Criminality in places of confinement; main criminological features and tendencies. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2018, no. 4, pp. 107–112. (In Russ.).
15. Gorban' D.V. Theoretical approaches to building a progressive system of execution and serving of criminal punishment in the form of forced labor. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" = Bulletin of Voronezh State University. Series "Law"*, 2018, no. 1 (32), pp. 162–169. (In Russ.).
16. Ruzsonyi P. Prison and crime prevention – crime prevention through prisoners' preparation for successful reintegration. In: *Of the 4th International Scientific and Professional Conference Police College Research Days in Zagreb*. Zagreb. 2015. Pp. 221–240.
17. Isichenko A.P., Fumm A.M. On prospects of special investigative techniques for prevention of offenses the condemned to forced labor. *Vedomosti UIS = Vedomosti of the Penal System*, 2016, no. 1 (164), pp. 9–12. (In Russ.).
18. Ol'khovik N.V. Recidivism of convicts serving forced labor. *Vestnik Kuzbasskogo institute = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 1 (46), pp. 45–53. (In Russ.).
19. Simagin A.O., Terent'eva D.D. Analysis of problematic issues of forced labor performance. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, no. 5 (51), pp. 129–134. (In Russ.).
20. Byakina S.I. Educational and preventive work with those sentenced to forced labor: legal aspects. *Vedomosti UIS = Vedomosti of the Penal System*, 2024, no. 6, pp. 47–54. (In Russ.).
21. Simagin A.O. Analysis of some problems concerning the execution of correctional labor sentences (based on the results of empirical study for 2017–2019). *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 3 (39), pp. 66–69. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ УСТИНОВ – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Москва, Россия, ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

ANDREI A. USTINOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, associate professor at the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings of the Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia, ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Статья поступила 02.11.2024

Актуальные проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных по ст. 80.2 УК РФ

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются уголовно-правовые вопросы освобождения осужденных от отбывания наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время в соответствии со ст. 80.2 УК РФ. *Цель:* на основе анализа судебной практики и теоретических исследований выявить проблемы законодательного закрепления правового основания и вида освобождения осужденных от отбывания наказания в связи с прохождением ими военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ), предложить способы их решения. *Методы:* формально-юридический и аналитический, теоретические методы формальной и диалектической логики, метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ ст. 80.2 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время» показывает, что не имеется ясности в вопросе повторного освобождения в порядке ст. 80.2 УК РФ в случае, если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с ч. 1 данной статьи, совершило новое преступление. Командование воинской части может повторно обратиться в суд с ходатайством об условном освобождении осужденного от наказания по ст. 80.2 УК РФ. Учитывая императивный характер указанной нормы, подобные ситуации вполне допустимы. *Выводы:* для решения проблем, возникающих при освобождении от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ), представляется целесообразным предусмотреть в ст. 80.2 УК РФ дополнительное условие о том, что повторное освобождение от отбывания наказания или освобождение от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) в данном случае решается на усмотрение суда, исходя из обстоятельств вновь совершенного преступления и с учетом личности виновного, то есть определить дискреционный характер применения указанной нормы. Также название ст. 80.2 УК РФ представляется возможным сформулировать в следующей редакции: «Освобождение от отбывания наказания в связи с добросовестным выполнением воинских обязанностей в период мобилизации, в период военного положения или в военное время».

Ключевые слова: осужденные; освобождение от наказания; участники специальной военной операции; условное освобождение; военнослужащие.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бабаян С. Л. Актуальные проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных по ст. 80.2 УК РФ // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 48–56. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.006.

Topical Problems of Early Release of Convicts under Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

SERGEI L. BABAYAN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

Abstract

Introduction: the article discusses criminal law issues of the release of convicts from serving their sentences in connection with military service during the period of mobilization, martial law or in wartime in accordance with Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Purpose:* based on the analysis of judicial practice and theoretical research, to identify problems of legislative consolidation of the legal basis and type of release of convicts from serving their sentences in connection with military service during the period of mobilization, martial law or during wartime (Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), to propose ways to solve them. *Methods:* formal legal and analytical, theoretical methods of formal and dialectical logic, method of interpretation of legal norms. *Results:* an analysis of Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation “Release from serving a sentence in connection with military service during mobilization, martial law or wartime” shows that there is no clarity on the issue of repeated release under Article 80.2 of the Criminal Code if, during military service, a person released from punishment conditionally under Part 1 of this article, committed a new crime. The command of a military unit may reapply to the court with a request for conditional release of a convicted person from punishment under Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Given the imperative nature of this rule, such situations are quite acceptable. *Conclusion:* in order to solve the problems that arise in connection with the release from punishment due to military service during the period of mobilization, martial law or during wartime (Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), it seems advisable to fix an additional condition in the given article that the court should decide on granting repeated release from serving a sentence or exemption from criminal liability (Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) based on the circumstances of the newly committed crime and taking into account the identity of a perpetrator, that is, to determine the discretionary nature of the application of the specified norm. Besides, Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation may be formulated as follows: “Release from serving a sentence in connection with the conscientious performance of military duties during mobilization, martial law or wartime”.

Keywords: convicts; release from punishment; participants in the special military operation; conditional release; military personnel.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Babayan S.L. Topical problems of early release of convicts under Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 48–56. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.006.

Известно, что освобождение от наказания как один из важных институтов уголовного права в основном направлено на улучшение положения лица, совершившего преступление, относится к средствам реализации принципа гуманизма в уголовном праве, является важным средством поощрительного воздействия уголовно-правового характера и, соответственно, позитивным стимулом их правоопослушного поведения. Институт освобождения от наказания подразумевает правовые последствия в виде неназначения наказания осужденному, назначения наказания осужденному, но освобождения от

его реального отбывания, а также освобождения от дальнейшего отбывания наказания осужденного, частично отбывшего уголовное наказание [1, с. 5]. По указанным критериям следует классифицировать различные основания института освобождения от наказания на три субинститута: освобождение от назначения наказания; освобождение от реального отбывания наказания; освобождение от дальнейшего отбывания наказания [2, с. 14]. Освобождение от назначения наказания и освобождение от реального отбывания наказания могут применяться только на стадии вынесения приговора, который предусматри-

вает, согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ, что данные лица, освобожденные от наказания, считаются несудимыми. Также согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» считается несудимым лицо, которое в порядке исполнения приговора освобождено от отбывания наказания в случае принятия уголовного закона, устраняющего преступность деяния (ст. 10 УК РФ), или истечения сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ).

Соответственно, освобождение от дальнейшего отбывания наказания предполагает применение этого вида освобождения на стадии исполнения приговора суда, который предусматривает наличие судимости, так как его погашение регламентировано ч. 3 ст. 86 УК РФ. Так, если, например, освобождение в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ) относится к институту освобождения от назначения наказания, освобождение в связи с истечением срока давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ), соответственно, к институту освобождения от реального отбывания наказания, то условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 и 93 УК РФ) входит в состав института освобождения от дальнейшего отбывания наказания.

Одним из видов комплексного института освобождения от дальнейшего отбывания наказания является освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время, потому что оно применяется к лицам, отбывающим наказание за совершение преступления согласно ч. 1 ст. 80 УК РФ.

Известно, что Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ в уголовное законодательство была введена ст. 80.2 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время». Ранее положение об освобождении от наказания лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключивших в период мобилизации, военного положения или военное время контракт о прохождении военной службы, содержалось в Федеральном законе от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Правовое регулирование уголовно-правовых отношений посредством отдельного нормативного правового акта, а не уголовным законом обоснованно вызывало критику [3, с. 62].

Следует отметить, что Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ действовал всего девять месяцев и был отменен Федеральным законом от 23.03.2024 № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации”, ста-

тью 34 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” и о признании утратившим силу Федерального закона “Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции”. Также соответствующие изменения были регламентированы в ч. 3.1 ст. 86 УК РФ, которые касались вопроса погашения судимости лица, призванного на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные силы Российской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах, по основаниям, которые предусмотрены в ст. 78.1, 80.2 УК РФ.

Важно отметить, что логика законодателя, дополнившего УК РФ ст. 78.1. и 80.2, в целом ясна – определить правовой механизм, обеспечивающий пополнение Вооруженных сил Российской Федерации личным составом в период проведения специальной военной операции (СВО) из числа как подозреваемых, обвиняемых, так и осужденных за совершение преступления, предоставив им возможность искупить свою вину. Но досрочное освобождение от отбывания наказания предполагает, что общественная опасность осужденных после их осуждения или во время отбывания наказания существенно снизилась или отпала и продолжение исполнения наказания нецелесообразно вследствие его позитивного поведения в период отбывания наказания, как, например, при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом. Рассматривая исторический аспект, можно отметить, что во время Великой Отечественной войны возможность воевать в регулярных частях Красной Армии предоставлялась не всем заключенным, в частности на фронт не направлялись лица, осужденные за совершение так называемых контрреволюционных преступлений, а также за тяжкие уголовные деяния [4, с. 154].

Следует отметить, что в названии ст. 80.2 УК РФ говорится об освобождении от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, а из содержания части первой данной статьи следует, что она направлена на лиц, уже отбывающих наказание за совершение преступления. При этом известно, что лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ, а у лица, освобожденного от дальнейшего отбывания наказания, судимость погашается в соответствии с ч. 3 или ч. 3.1 ст. 86 УК РФ или снимается согласно ч. 5 ст. 86 УК РФ. В связи с этим название ст. 80.2 УК РФ представляется целесообразным скорректировать следующим образом: «Освобождение от отбывания наказания в связи с добросовестным выполнением воинских обязанностей в период мобилизации, в период военного положения или в военное время».

Важно отметить, что досрочное освобождение по ст. 80.2 УК РФ не имеет такой высокой степени мотивации для осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества или к небольшим срокам наказания в виде лишения свободы, а направлено в основном на осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Это связано с тем, что к первой группе осужденных приоритетными и выгодными могут быть основания освобождения в порядке ст. 80 или 79 УК РФ [5, с. 26]. Также ограничения прав и свобод при отбытии наказаний, не связанных с изоляцией от общества, не являются тяжелыми и длительными, как при отбывании лишения свободы, чтобы принимать решение об участии в боевых действиях. Таким образом, в основном осужденный, совершивший тяжкое или особо тяжкое преступление, особенно в начале отбытия срока наказания, в наибольшей степени мотивирован искупить свою вину, участвуя в боевых действиях, которые связаны с высоким риском для его жизни и здоровья. Полагаем, что данную социально полезную деятельность следует отнести к позитивному правопослушному поведению, что предполагает устранение общественной опасности личности.

Но может возникнуть ситуация, когда в период мобилизации, военного времени или действия контракта о прохождении военной службы данное лицо совершит (например, в отпуске) повторное преступление или несколько преступлений [6, с. 40]. Суд может принять решение об освобождении лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 78.1 УК РФ. Также суд после осуждения данного лица и вступления в законную силу обвинительного приговора может принять решение об освобождении его от отбывания наказания в соответствии со ст. 80.2 УК РФ. Соответственно, правом освобождения от отбывания наказания в порядке ст. 80.2 УК РФ пользуются, во-первых, осужденные, совершившие преступления (за исключением преступлений, прямо указанных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ) и призванные на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные силы Российской Федерации либо заключившие в период мобилизации, военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы, во-вторых, осужденные, совершившие преступления (с теми же исключениями, указанными в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ) в период прохождения военной службы в указанные периоды.

В соответствии с ч. 3 ст. 80.2 УК РФ, если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с частью первой данной статьи, совершило новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ (назначение наказания по совокупности приговоров). В связи с этим командование воинской части может повторно обратиться с ходатайством об условном освобождении осужденного от наказания по ст. 80.2 УК РФ. В законе ответа

на этот вопрос не имеется. Но, учитывая императивный характер указанной нормы, подобные ситуации вполне допустимы. Таким образом, в эти периоды данные лица могут ощутить своего рода снисхождение за совершенные преступления. В связи с этим представляется целесообразным предусмотреть в ст. 80.2 УК РФ дополнительное условие о том, что повторное освобождение от отбывания наказания или освобождение от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) в данном случае решается на усмотрение суда и исходя из обстоятельств вновь совершенного преступления и личности виновного.

С. А. Гордейчик и Н. А. Егорова считают, что императивный характер применения ст. 78.1 УК РФ, как, впрочем, и ст. 80.2 УК РФ, вряд ли можно определить как правильный подход, если учесть широту круга преступлений, при совершении которых ст. 78.1 и 80.2 могут быть применены, и их тяжесть [6, с. 41]. В связи с этим представляется возможным предусмотреть дискреционный характер применения этих норм, то есть на усмотрение судов с учетом личности, а также характера и степени общественной опасности совершенного преступления.

Рассматривая нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, можно сказать, что не регламентирован механизм реагирования государства в случае нарушения условий освобождения от отбывания наказания по ст. 80.2 УК РФ и не проработан вопрос возврата к стадии реализации наказания, а только указан механизм назначения наказания по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ (то есть по совокупности приговоров) в случае совершения лицом, освобожденным от наказания условно в соответствии с ч. 1 ст. 80.2 УК РФ, в период прохождения военной службы нового преступления. В то же время, например, при условно-досрочном освобождении предусмотрен механизм отмены данных средств поощрительного воздействия и возврата к исполнению наказания (ч. 7 ст. 79 УК РФ). Также нарушение условий предоставления отсрочки в соответствии с ч. 2 ст. 82 УК РФ влечет за собой ее отмену.

Представляется, что по аналогии с п. «б» и «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ целесообразно в уголовном законе указать, что, если лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с ч. 1 ст. 80.2 УК РФ, в период прохождения военной службы совершит преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо сохранении условного освобождения решается судом, то есть вопрос решается на усмотрение суда. В случае совершения указанным лицом тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное освобождение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ, соответственно, решение об отмене данного вида освобождения носит обязательный характер.

Перечень преступлений, исключающих применение ст. 80.2 УК РФ, указанных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, со-

стоит из 59 составов. При этом следует отметить, что в перечне имеется преступление в виде посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), но отсутствуют преступления, предусмотренные ст. 295 УК РФ (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) [7, с. 51]. Однако эти преступления не отличаются по степени общественной опасности и поэтому тоже могут быть включены в данный перечень. В связи с этим важно включить в данный перечень преступления, предусмотренные ст. 295 и 317 УК РФ.

Также в данном перечне имеются публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), а преступление, указанное в ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), не предусмотрено. Кроме того, в перечне предусмотрены ст. 355, 359–361 УК РФ, которые относятся к преступлениям против мира и безопасности человечества, но нет реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ) и геноцида (357 УК РФ).

Представляется интересным, что в перечень включены такие преступления, как контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ) (преступление небольшой тяжести), незаконное проникновение на охраняемый объект (ст. 215.4 УК РФ) (средней тяжести), нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса (217.1 УК РФ) (неосторожное преступление). Получается, что лица, совершившие эти преступления, не могут быть призваны на военную службу по мобилизации, а лицо, совершившее убийство с особой жестокостью или общеопасным способом или по найму, может. По мнению С. А. Гордейчик и Н. А. Егоровой, «удивляет и настораживает отсутствие в этом перечне преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 126, 131, 132 (в отношении потерпевших, достигших 18-летнего возраста), 162, 163, 222, 228.1, 337–339 УК РФ» [6, с. 41]. В. А. Дорошков считает, что «в результате может случиться так, что те же серийные убийцы, в том числе несовершеннолетних детей, при отсутствии соответствующего надзора за ними вскоре могут оказаться на свободе, вернувшись к себе домой, и угрожать родителям жертв преступлений» [8, с. 6].

Вероятно, перечень преступлений, препятствующих освобождению от дальнейшего отбывания наказания по ст. 80.2 УК РФ, было бы целесообразно скорректировать и сформировать не путем перечисления конкретных составов, а на основе общих признаков.

В ч. 1 ст. 80.2 УК РФ использована формулировка «освобождается от наказания условно» (в отличие от «может заменить оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания» в ч. 1 ст. 80,

или «может отсрочить реальное отбывание наказания» в ч. 1 ст. 82 УК РФ). В ч. 1 ст. 78.1 УК РФ также использована формулировка «освобождается от уголовной ответственности». В связи с этим новый вид освобождения от отбывания наказания, как и новый вид освобождения от уголовной ответственности, относится к императивным, то есть не зависящим от усмотрения должностных лиц правоприменительных органов. Таким образом, вопрос о целесообразности такого освобождения от отбывания наказания (с учетом поведения осужденного или степени его исправления) или освобождения от уголовной ответственности (с учетом обстоятельств совершенного преступления и личности виновного в плане снижения степени общественной опасности содеянного) даже не обсуждается при принятии соответствующего процессуального решения [9, с. 17].

Условия и порядок освобождения от наказания по ст. 80.2 УК РФ являются одинаковыми для всех категорий лиц, независимо от личностных характеристик осужденного, наличия рецидива или совокупности преступлений, а также обстоятельств совершения конкретного преступления. Это свидетельствует о том, что вопрос утраты или снижения общественной опасности осужденного в рамках данной нормы не является ключевым для законодателя, кроме случаев, когда лица отбывают наказание за преступления, указанные в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Представляется, что такая позиция может противоречить принципу дифференциации и индивидуальности уголовной ответственности и наказания, а также не соответствовать цели уголовного законодательства по предупреждению совершения новых преступлений (ст. 2 УК РФ).

Одним из важных условий применения досрочного освобождения от отбывания наказания по ст. 80.2 УК РФ выступают время и обстановка, в рамках которых может быть осуществлен процесс освобождения. К таковым относятся период военного времени и мобилизации, военное положение [10, с. 20]. Осужденный призывается на военную службу и проходит службу в Вооруженных силах Российской Федерации или в этот же период заключает контракт на прохождение военной службы именно в указанный период времени.

Следует отметить, что формулировка «освобождается от наказания условно», указанная в ч. 1 ст. 80.2 УК РФ, представляется не совсем верной, так как применительно к рассматриваемой ситуации более применим термин «условно-досрочно», так как лицо освобождено условно (до наступления условий, регламентированных в ч. 2 ст. 80.2 УК РФ), а также досрочно (до полного отбытия назначенного судом срока уголовного наказания) [10, с. 20]. Ведь в ч. 3 ст. 80.2 УК РФ отмечено, что при совершении нового преступления «условно» освобожденным от наказания суд назначает ему наказание по правилам ст. 70 УК РФ, по аналогии с отменой условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в порядке ч. 7 ст. 79 УК

РФ. Отличие освобождения, предусмотренного ст. 79 УК РФ, от нового вида освобождения (ст. 80.2 УК РФ) аналогичного по своей юридической природе условно-досрочному освобождению, состоит в характере требований, предъявляемых к лицу, досрочно освобожденному, в период оставшейся неотбытой части наказания [11, с. 42].

Следует отметить, что еще до введения в уголовный закон ст. 80.2 П. В. Тепляшиным, С. А. Ступиной в порядке *de lege ferenda* предлагалось в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ указать, что при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе желание лица принять участие в официально объявленных Российской Федерацией специальных операциях, в том числе военных, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения [4, с. 154]. Такое предложение подчеркивает возможность включения рассматриваемого вида освобождения от отбывания наказания в подвид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

До введения в действие ст. 80.2 УК РФ судебная практика применяла также ст. 80.1 и освобождала участников СВО в связи с изменением обстановки. Так, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации по делу В. А. Устинова, приговоренного к двум годам лишения свободы в колонии-поселении по ч. 5 ст. 264 УК РФ (нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц), вынесла кассационное определение от 28.06.2023 по делу № 225-УД23- 8-К10, в котором было указано об освобождении от наказания В. А. Устинова на основании ст. 80.1 УК РФ, то есть в связи с изменением обстановки. Учитывалось, что В. А. Устинов возместил ущерб потерпевшим в полном размере, проходил службу в качестве военнослужащего в зоне СВО и характеризовался положительно командованием воинской части.

К сожалению, в законе не регламентированы случаи нарушения условий освобождения по ст. 80.2 УК РФ и уклонения от прохождения военной службы. Отсутствуют правовые последствия данного уклонения и механизм возврата к стадии реализации наказания. Кроме того, в нормах ст. 80.2 УК РФ не указано, от какого вида наказания освобождается осужденный или данная статья применяется ко всем видам наказания [11, с. 77].

Условием окончательного освобождения от дальнейшего отбывания наказания является наступление событий, отмеченных в п. «а», «б» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, которые возможны вследствие добросовестного выполнения осужденным обязанностей военнослужащего, в том числе совершения героического по-

ступка, за которое он награждается государственной наградой. Других условий, связанных с поведением осужденного, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство не устанавливает. Важно сказать, что при невыполнении требований, предусмотренных ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, послуживших основанием досрочного освобождения от отбывания наказания, данное освобождение отменяется, и, соответственно, оставшаяся неотбытая часть наказания подлежит исполнению. Кстати, аналогичные положения, связанные с отменой условно-досрочного освобождения, предусмотрены и в ст. 79 УК РФ. Таким образом, освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время по своей юридической природе может являться специальным подвидом условно-досрочного освобождения от отбывания наказания [12, с. 42].

В ч. 2 ст. 80.2 УК РФ регламентированы определенные требования (условия), отмечено, что лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с ч. 1 ст. 80.2 УК РФ, освобождается от наказания, во-первых, со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, а во-вторых, со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному п. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», что предусматривает увольнение с военной службы по достижении предельного возраста, по состоянию здоровья и при завершении мобилизационных мероприятий, отмене военного положения или окончании военного времени. Такие же условия предусмотрены и для погашения судимости в порядке ч. 3.1 ст. 86 УК РФ.

В случае награждения государственной наградой следует учитывать, что она должна входить в перечень наград, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации». Кроме того, осужденный должен быть награжден государственной наградой в период прохождения военной службы в военное время, в период мобилизации или военного положения. При этом сам момент награждения государственной наградой может состояться как в процессе военной службы, так и после ее завершения. Соответственно, военнослужащий, награжденный государственной наградой, в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ освобождается от отбывания уголовного наказания независимо от завершения военного времени, военного положения или мобилизации.

Анализируя различные ситуации и судебную практику, нельзя исключить ситуации, когда лицо было осуждено и приговорено к отбыванию наказания в исправительной колонии общего режима, например, в феврале 2024 г. А в апреле того же года этот осуж-

денный заключил контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации и отправился на специальную военную операцию. Спустя два месяца, уже в июне 2024 г., данный осужденный совершил новое преступление, за которое был задержан и помещен в следственный изолятор, где находился до вынесения приговора. Но в августе 2024 г. на этого осужденного пришли документы о том, что он был награжден государственной наградой за подвиг, совершенный в мае 2024 г. В ноябре 2024 г. суд должен принять решение и вынести приговор. Возникает вопрос: имеет ли место рецидив преступлений и должна ли быть снята судимость за первое преступление?

В соответствии со ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Но, согласно ч. 3.1 ст. 86 УК РФ, в отношении лица, имеющего судимость, призванного на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные силы Российской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации, судимость погашается со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы. Также в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Представляется, что иным образом, улучшающим положение лица, совершившего преступление, признается также закон, в частности, смягчающий условия освобождения от уголовной ответственности или наказания, уменьшающий сроки погашения или снятия судимости. Поэтому судимость у данного лица погашается и, соответственно, аннулируются все правовые последствия, связанные с судимостью. В связи с этим в вышеуказанном случае не должен учитываться также и рецидив преступлений при вынесении приговора.

При освобождении в связи с увольнением с военной службы важно сказать, что, согласно Федеральному закону от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», установлены разные сроки службы для лиц, проходящих военную службу по призыву или по контракту. В связи с этим следует установить соотношение срока службы, периода военного времени, военного положения или мобилизации, категории преступления, а также срока уголовного наказания. Срок службы призывника, согласно

ст. 38 данного закона, составляет 12 месяцев, контрактника – 2 года, 3 года, 5 лет. Срок службы по контракту (2 года, 3 года либо 5 лет) может быть ограничен предельным возрастом военнослужащего. Тем не менее предельного срока для заключения контракта о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации законом не установлено.

Также необходимо учитывать, что срок назначенного судом наказания может быть как больше, так и меньше срока службы и указанных обстоятельств. В связи с этим если этот срок военной службы контрактника меньше срока назначенного судом наказания и указанных обстоятельств, освобождение от отбывания наказания лиц, завершивших военную службу и не желающих заключать контракт или продлевать его, должно осуществляться с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности осужденного. Поэтому решение суда с учетом этих обстоятельств может быть определено в виде полного освобождения от отбывания наказания либо исполнения неотбытой части наказания.

Представляется, что при наличии условий, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, военнослужащий, освобожденный от отбывания наказания условно, может быть освобожден полностью, если назначенный судом срок наказания заканчивается в период военного положения, военного времени или мобилизации, а также до окончания срока службы или контракта, так как условное освобождение предполагает отказ от реального отбытия наказания на оставшуюся неотбытую часть наказания.

Таким образом, с учетом анализа судебной практики и теоретических исследований в области применения нормы об освобождении от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ) представляется целесообразным предусмотреть в ст. 80.2 дополнительное условие о том, что повторное освобождение от отбывания наказания в порядке ст. 80.2 УК РФ или освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. 78.1 УК РФ решается на усмотрение суда, исходя из обстоятельств вновь совершенного преступления и с учетом личности виновного. Также важно, на наш взгляд, в перечень преступлений, исключающих применение ст. 80.2 УК РФ, указанных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, включить преступления, предусмотренные ст. 295 УК РФ (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование) и ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа). Название же ст. 80.2 представляется возможным сформулировать в следующей редакции: «Освобождение от отбывания наказания в связи с добросовестным выполнением воинских обязанностей в период мобилизации, в период военного положения или в военное время».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яковлева Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 54 с.
2. Курганов С. И. Назначение наказания и освобождение от наказания : курс лекций. М., 2014. 174 с.
3. Антонов А. Г., Павлов В. Г., Ромашов Р. А. Нормы освобождения от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный кодекс! // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 59–63.
4. Тепляшин П. В., Ступина С. А. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы // Право и социальные отношения. 2023. № 4. С. 152–159.
5. Антонов А. Г. Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время как разновидность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 10. С. 25–28.
6. Гордейчик С. А., Егорова Н. А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК: спорные вопросы // Законность. 2024. № 7. С. 39–42.
7. Ермолович Я. Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23.03.2024 № 64-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. С. 45–53.
8. Дорошков В. В. Воспитание современного человека и профилактика правонарушений // Мировой судья. 2024. № 11. С. 2–8.
9. Коновалов В. А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Законность. 2023. № 10. С. 16–18.
10. Бычков С. Н. К вопросу о некоторых особенностях содержания «новых» оснований освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания // Российский судья. 2024. № 11. С. 18–22.
11. Карпов К. Н. Отмена условного освобождения от наказания военнослужащих (ст. 80.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3 (106). С. 75–80.
12. Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. С. 42–43.

REFERENCES

1. Yakovleva L.V. *Institut osvobozhdeniya ot nakazaniya v rossiiskom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The institution of release from punishment in Russian law: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2003. 54 p.
2. Kurganov S.I. *Naznachenie nakazaniya i osvobozhdenie ot nakazaniya: kurs lektsii* [Appointment of punishment and release from punishment: course of lectures]. Moscow, 2014. 174 p.
3. Antonov A.G., Pavlov V.G., Romashov R.A. The norms of exemption from criminal liability and punishment should be included in the Criminal Code! *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (52), pp. 59–63. (In Russ.).
4. Teplyashin P.V., Stupina S.A. Release of convicts from serving their sentences in connection with their participation in a special military operation: legal possibilities and legislative prospects. *Pravo i sotsial'nye otnosheniya = Law and Social Relations*, 2023, no. 4, pp. 152–159. (In Russ.).
5. Antonov A.G. Release from punishment in connection with military service during mobilization, during martial law or during wartime as a type of conditional early release from serving a sentence. *Zakonnost' = Legality*, 2024, no. 10, pp. 25–28. (In Russ.).
6. Gordeichik S.A., Egorova N.A. Exemption from criminal liability on the basis of Article 78.1 of the Criminal Code: controversial issues. *Zakonnost' = Legality*, 2024, no. 7, pp. 39–42. (In Russ.).
7. Ermolovich Ya.N. Improving the criminal law means of implementing criminal liability of military personnel (scientific and practical commentary to the Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation” No. 64-FZ of March 23, 2024). *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces Powers*, 2024, no. 6, pp. 45–53. (In Russ.).
8. Doroshkov V.V. Education of a modern person and prevention of offenses. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2024, no. 11, pp. 2–8. (In Russ.).
9. Konovalov V.A. Actual issues of exemption from criminal liability of persons involved in a special military operation. *Zakonnost' = Legality*, 2023, no. 10, pp. 16–18. (In Russ.).
10. Bychkov S.N. On the issue of some features of the content of “new” grounds for release from criminal liability and criminal punishment. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2024, no. 11, pp. 18–22. (In Russ.).
11. Karpov K.N. Cancellation of conditional exemption from punishment for military servants (article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, 2024, no. 3 (106), pp. 75–80. (In Russ.).
12. Zvecharovskii I.E., Yaraliev N.T. A new type of conditional early release from serving a sentence. *Zakonnost' = Legality*, 2024, no. 11, pp. 42–43. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Criminal Sentences without Deprivation of Liberty of the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

Статья поступила 03.02.2025

Научная статья

УДК 343.91

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.007

Формирование законодательного регулирования исполнения уголовных наказаний в отношении лиц женского пола в России в XVI–XIX вв.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОБЕЦВсероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Реферат

Введение: интерес современной академической среды и научного сообщества к анализу вопросов, связанных с эволюционированием законодательных основ, регламентирующих исполнение уголовных наказаний в отношении женщин, остается на высоком уровне. В связи с этим цель настоящего исследования сводится к тому, чтобы на основе использования набора разнообразных эмпирических данных, включающих правовые источники и материалы, опубликованные в научно-исследовательских работах, провести анализ эволюционирования законодательных процессов в XVI–XIX вв. в сфере исполнения уголовных наказаний среди женщин. *Методы:* исследование проведено с использованием методов научного познания, включая исторический, сравнительного анализа, логический и др. Был проанализирован ряд законодательных актов исследуемого периода, касающихся функционирования отечественной пенитенциарной системы. *Результаты* исследования свидетельствуют, что длительное время отечественная уголовно-исполнительная политика, предусматривающая карательные меры за совершение противоправных деяний, не имела разграничений на отдельные виды ответственности мужчин и женщин. Соответствующие законодательные меры также долгое время не имели различий по половому признаку. Кроме того, в рассматриваемый исторический период вид исполнения уголовного наказания в отношении женщин мог зависеть от их социального статуса и семейного положения. *Выводы:* автор приходит к выводу о том, что законодательное регулирование исполнения уголовных наказаний в отношении лиц женского пола было вызвано необходимостью совершенствования политики, направленной на эффективное достижение целей уголовного наказания в отношении данной категории осужденных. В то же время прогрессивные законодательные идеи внедрялись в практику в условиях царской России чрезвычайно медленно. В результате в большинстве заведений российской пенитенциарной системы лица женского пола содержались в довольно сложной обстановке, которая к тому же усугублялась переполненностью тюремных учреждений.

Ключевые слова: законодательные основы; исторические процессы; осужденные женщины; пенитенциарная система; законодательное регулирование; исполнение уголовных наказаний; тюремное ведение.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кобец П. Н. Формирование законодательного регулирования исполнения уголовных наказаний в отношении лиц женского пола в России в XVI–XIX вв. // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 57–64. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.007.

Formation of Legislative Regulation of the Execution of Criminal Punishments in relation to Women in Russia in the XVI–XIX Centuries

PETR N. KOBETS

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract

Introduction: the interest of the modern academic environment and the scientific community in the analysis of issues related to the evolution of the legislative framework governing the execution of criminal penalties in relation to women does not lose its relevance. In this regard, the *purpose* of this study is to analyze the evolution of legislative processes of domestic legal thought in the XVI–XIX centuries in the field of execution of criminal penalties among women based on a set of diverse empirical data, including legal sources and materials published in research papers. *Methods:* this study was conducted using the methods of scientific knowledge, including historical, comparative analysis, logical, etc. The author analyzed a number of legislative acts of the period under study related to the functioning of the domestic penitentiary system. *Results:* the conducted study shows that for a long time the domestic penal policy providing for punitive measures for the commission of illegal acts had not differentiated liability of men and women. What is more, during the period under review, the types of execution of penalties applied by the state to female offenders were influenced by their social and marital status. *Conclusion:* the processes of legislative regulation of the execution of criminal penalties in relation to female persons were caused by the need to improve the policy aimed at effective achievement of the criminal punishment goals in relation to this category of convicts. At the same time, progressive legislative ideas in the area under consideration were introduced into practice extremely slowly in the conditions of tsarist Russia throughout the analyzed period. As a result of these legislative approaches, female persons were kept in rather hazardous conditions, complicated due to the extreme population density of prison institutions.

Keywords: legislative framework; historical processes; convicted women; penitentiary system; legislative regulation; execution of criminal penalties; prison science.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kobets P.N. Formation of legislative regulation of the execution of criminal punishments in relation to women in Russia in the XVI–XIX centuries. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 57–64. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.007.

Введение

Исследуемая в данной работе проблематика не теряет своей научной значимости. В частности, история формирования законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении лиц женского пола вызывает определенную заинтересованность не только среди специалистов уголовно-исполнительного права, но и иных отечественных исследователей, стимулируя и актуализируя их научный поиск.

Зарубежными исследователями на рубеже XVIII–XIX вв. отмечается активное изучение теории и практики исполнения уголовных наказаний в отношении лиц женского пола. В России данное научное направление возникло позднее – в XIX столетии, что обусловлено тем обстоятельством, что на протяжении долгого времени в нашей стране не существовало законодательных различий между лицами мужского

и женского пола как субъектами уголовно-исполнительных отношений.

Обсуждение

Правовое регулирование привлечения лиц женского пола к мерам уголовной ответственности с последующим отбыванием уголовных наказаний начинает проследиваться с возникновения таких отечественных нормативных правовых актов, носящих законодательный характер, как Русская Правда, а также Псковская судная грамота. В данных документах фиксируются меры, устанавливающие уголовную ответственность в отношении женщин, среди которых: «о потоке и разграблении, денежная, продажа и денежное наказание, предписывающие общине выдавать преступника, совершившего убийство в разбое с женой и детьми, на поток и на разграбление и др.» [1, с. 61]. Как правило, при совершении данных противоправных деяний в большинстве случаев женщины подлежали заточению

в монастырь. Этим религиозным общинам на протяжении многих веков в России, кроме основной роли – служения Богу, в том числе отводилась обязанность выполнять функционал тюремных заведений.

Также немаловажно отметить, что «в допетровские времена право заточения в монастырские тюрьмы принадлежало царю, патриарху и митрополитам, но XVIII в. большинство арестованных уже ссылались в монастырь по распоряжению тайной розыскных дел канцелярии, а с 1835 г. по Высочайшему повелению» [2, с. 35]. В то же время лица женского пола, сосланные в монастыри, имели ряд привилегий, в частности содержались в особых кельях. За ними осуществлялся строгий надзор со стороны приставленных к ним монахинь. Следует отметить, что монастыри располагались в большинстве российских регионов, в том числе в Московской, Владимирской, Пермской, Тверской губерниях. Однако отбывать наказания в монастырях женщинам было ненамного легче, чем заключенным лицам мужского пола, поскольку условия отбывания наказания, в том числе пища и трудовые повинности, были равными для любого пола. Ссылая и заточивая в монастыри лиц женского пола, совершивших преступления, власти преследовали в качестве целей наказания в первую очередь привлечение к ответственности виновных за совершение разного рода незаконных поступков, а уже потом исправление и раскаяние.

Однако это были не единственные места, в которых содержались женщины, виновные в совершении преступных посягательств. Их также заключали в тюрьмы, которые стали появляться со времен правления Ивана IV (Грозного). Ссылка в монастырь выступала в качестве основного вида уголовного наказания, применяемого к женщинам. Такие уголовные наказания, как сожжение и заточение в земляную тюрьму, были предусмотрены локальными нормативно-правовыми актами, и поэтому их применяли к лицам женского пола, которых обвиняли в совершении государственных либо религиозных противоправных деяний, в том числе колдовства [3, с. 120].

Кратко характеризуя места исполнения уголовных наказаний, нельзя не отметить, что тюрьмы того периода были каменные, с хорошей охраной, из которых был невозможен побег. Тюремное заключение как вид уголовного наказания было закреплено в сборнике законодательных актов периода сословной монархии – Судебнике Ивана IV 1550 г. Это был первый в истории нормативный правовой акт писаного права, обладающий своеобразной техникой воплощения и организации судебных процессов. Данным памятником русского права вопросы тюремного заключения были весьма подробно регламентированы. В частности, на законодательном уровне закреплялся ряд ключевых аспектов уголовных наказаний как видов противоправной деятельности, в случае осуществления которых виновным были положены тюремные сроки. То, что в середине XVI столетия законодатель

проблематике обязательного тюремного заключения для виновных лиц уделял отдельное внимание, является свидетельством того, что данный вид уголовного наказания был элементом борьбы с преступностью в русском государстве [4, с. 119].

В XVI–XVII вв. полным ходом идет централизация Российского государства. Этот процесс находит отражение в укреплении позиции государственного аппарата, в том, что меняющаяся государственная жизнь постепенно трансформировала российское право [5, с. 35]. Одновременно с этим складывается «приоритетное соотношение между обычным правом и законом, и к началу XVII в. основными источниками права становятся законы, овестьствованные в массе узаконений в виде указов и сборников законов» [6, с. 118]. Примечательным является и то, что официально к такому виду исполнения наказания, как смертная казнь, лиц женского пола впервые стали приговаривать на основании Соборного уложения 1649 г. Так, например, в соответствии со ст. 14 гл. 22 жена, которая убила своего мужа, должна была быть публично закопана заживо в землю по плечи. До момента, как приговор будет приведен в исполнение, женщин, обвиняемых в убийстве мужей, следовало содержать в тюремных заведениях. Важно отметить, что этот законодательный акт в том числе предусматривал в качестве особой привилегии к обвиняемым и приговоренным к исполнению наказания лицам женского пола, которые были беременны, отсрочку исполнения казни до рождения у них ребенка [7, с. 35].

Петр I предпринял попытку регламентации системы исполнения уголовных наказаний. Воинский артикул 1715 г., будучи основным законодательным сборником по военно-уголовному законодательству, включал 209 артикулов, которые объединялись в 24 главы. Данным законодательным актом устанавливались новые виды исполнения уголовных наказаний, среди которых была ссылка на галеру и на каторгу, которая зачастую применялась вместо смертной казни [8, с. 155].

Известный отечественный тюремовец дореволюционного периода Я. И. Фойницкий в своих научных исследованиях, касающихся вопросов исполнения уголовных наказаний, писал о том, что в тюрьмах того периода «царили нужда, голод и болезни, и побег из них были нередки, сидельцы не распределялись по возрасту, ни по роду преступлений, ни даже по полу» [9, с. 211]. Иногда даже встречались случаи, что лиц мужского пола сковывали вместе не с собственными женами, а с чужими женщинами, что, в свою очередь, приводило к нежелательной беременности. О подобных неблагоприятных условиях исполнения наказания в российских тюремных заведениях также писал крупнейший отечественный криминалист Н. С. Таганцев [10, с. 182].

Осужденные лица женского пола уже в эпоху Петра Великого весьма активно использовались в трудовой деятельности. Расширившийся в XVIII столетии

спектр каторжных работ привел к тому, что данная форма наказания стала активно применяться в отношении лиц женского пола. К примеру, назначение наказания в виде ссылки или каторги предоставляло возможность еще более интенсивно использовать женский труд. Как отмечают отечественные исследователи, «каторга устанавливалась на определенный срок или пожизненно, причем помимо мужчин в рассматриваемый период использовался также и женский труд, причем женщины, как правило, работали в специально созданных прядильных домах» [11, с. 182]. Также власти стремились к снижению затрат, в том числе к сокращению любых расходов и издержек в процессе содержания заключенных в местах лишения свободы. Так, например, власти пытались всячески отменить выдачу жалования заключенным и даже получать от ссыльных налоги для пополнения российской казны.

Продолжая исторический анализ законодательно-го регулирования исполнения уголовных наказаний в отношении женщин, следует указать на то, что в период правления императрицы Елизаветы Петровны существенные изменения коснулись такой меры исполнения наказаний, как смертная казнь. После смерти Петра Великого в период правления Елизаветы Петровны в 1744 г. исполнение смертной казни было приостановлено с повелением применения этого приговора решать Сенатом [12, с. 73]. С 1753 по 1754 г. смертная казнь заменялась тюремным заключением и ссылкой. В соответствии с Указом Елизаветы Петровны от 1753 г. было установлено два вида ссылки: на вечное поселение и на жительство. При этом такой вид исполнения наказания, как вечное поселение, сопровождался необходимостью выполнения обязательных работ. По указу Елизаветы Петровны 1760 г. ссылка на жительство осуществлялась только в Сибирь. В это время проблема совместного содержания лиц мужского и женского пола приобрела чрезвычайную актуальность, поэтому, чтобы «снизить безнравственность в половой сфере, указом Сената от 21 февраля 1744 г. был введен запрет на совместное содержание мужчин с женщинами, но особые тюрьмы для женщин стали строиться в незначительном количестве только в конце XIX – начале XX столетий» [13, с. 201].

При Екатерине II правовое регулирование каторги и ссылки продолжилось. Этому способствовал Указ 1765 г. «О праве помещиков отдавать неугодных им крестьян в каторжную работу, по которому они получили право ссылать на каторгу провинившихся крепостных» [14, с. 141]. Примечательно, что в соответствии с «положениями Указа Екатерины II от 17 января 1765 г., помещики также были наделены правом отдавать на каторгу своих крепостных людей без указания пола» [15, с. 85]. Существенному ущемлению прав простого народа содействовало еще ряд законодательных решений. Так, 22 августа 1767 г. «вышел Указ о запрете крепостным жаловаться на владельцев-помещиков, а в 1775 г. очередной суровый указ Екатери-

ны II предоставил помещикам право заключать крепостных крестьян, в том числе и лиц женского пола, в тюрьмы» [16, с. 207]. С учетом анализа перечисленных источников становится очевидным, что в конце XVIII в. не столько характер и тяжесть совершенных противоправных деяний, а государственные потребности в бесплатной рабочей силе стали определять места отбывания уголовных наказаний осужденными независимо от их гендерной принадлежности и совершенных преступных посягательств.

Продолжая анализ исследуемой проблематики, хотелось бы указать на то, что представления о необходимости раздельного заключения под стражу с дальнейшим изолированным друг от друга содержанием в местах исполнения наказаний женщин и мужчин стали активно развиваться с появлением Устава о тюрьмах 1787 г., в котором существенное внимание уделялось разного рода вопросам, связанным с внешним и внутренним обустройством пенитенциарных учреждений, санитарно-гигиеническим обслуживанием и правилами содержания лиц, отбывающих наказания. Данным документом также предполагались раздельное содержание в пенитенциарных учреждениях лиц мужского и женского пола, а также организация специальных женских тюремных учреждений [17, с. 75]. В частности, отмечалось, что уездные и городские тюремные заведения должны иметь помещения для отдельного содержания женщин и мужчин.

Однако для исполнения большинства задуманных Екатериной II преобразований пенитенциарной системы потребовалось практически пятьдесят лет, и только Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. [18, с. 475] нормативно закрепила необходимость раздельного содержания разнополых заключенных в тюрьмах. Так, например, в ст. 33 данного правового акта были указаны предписания, которыми было предусмотрено персонализированное содержание под стражей, а сотрудники пенитенциарных учреждений, придерживаясь данных норм, исполняли перечисленные в них требования. Примечательно, что особенности контингента вызывали необходимость применения разнообразных подходов и техник по лечению как их душевных заболеваний, так и иных физических болезней и расстройств здоровья. В связи с этим в тюремном замке имела больница с мужским и женским отделением. И если арестованные подлежали госпитализации из своих камер, то сделать это можно было только с согласия и по разрешению помощника смотрителя мужской части либо смотрительницы женской половины этого учреждения.

Также важно отметить, что в целом в дореволюционной России действующие законодательные нормы не позволяли дифференцировать механизм отбывания наказаний по половому признаку, был лишь ряд отдельных незначительных привилегий. В частности, в соответствии со «ст. 89 Устава о содержащихся под

стражей 1832 г. – первого российского систематизированного акта уголовно-исполнительного характера, лиц женского пола исключали из категории арестантов, которым брили одну из половин головы» [19, с. 85]. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «каторжные подземные работы в рудниках заменялись заключенным лицам женского пола на менее тяжелые работы на заводах» [20, с. 12].

Следует отметить, что «в соответствии с нормами Закона от 17 апреля 1863 г. заключенных лиц женского пола, в отношении которых был вынесен приговор, не подвергали телесным наказаниям, а в отношении ссыльных эти наказания отменили 29 марта 1893 г.» [21, с. 50]. По «Закона от 6 января 1886 г. об обязательных работах для всех категорий заключенных сфера применения труда лиц женского пола ограничивалась только лишь внутритюремными работами» [22, с. 130]. В том числе законодатели «учитывали состояние отбывающих наказание беременных женщин, поскольку ст. 182 Устава о содержащихся под стражей 1890 г. рекомендовала обеспечить беременных и кормящих матерей отдельными помещениями» [23, с. 1411]. А в ст. 970 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. говорилось о том, что беременных осужденных должны были освобождать от работы, а кормящих матерей следует переводить на облегченную работу. В своих устремлениях идти в ногу с европейскими странами российскими властями были приняты весьма решительные и передовые для того времени действия по обеспечению режима заключения лиц женского пола.

Однако в действительности во избежание высоких дополнительных расходов строительство специальных пенитенциарных учреждений, предназначенных для женщин, было делом нечастым. Наряду с этим подобный подход вызывал еще большую ненависть к сотрудникам пенитенциарных учреждений, не в достаточной степени реагирующим на возникающие проблемные ситуации в местах отбытия наказаний [24, с. 31]. В уголовно-исполнительных учреждениях в дореволюционный период весьма существенна была роль Устава о содержащихся под стражей 1857 г. (с изменениями 1886 и 1890 гг.), которым была определена деятельность отечественной пенитенциарной системы второй половины XIX столетия [25, с. 85]. Его влияние на государственную пенитенциарную политику сложно оценить. Однако положения о раздельном содержании лиц женского и мужского пола долгие годы не реализовывались на практике.

Причиной, затрудняющей гуманизацию содержания лиц женского пола, находящихся в заключении, были сложности с организацией их трудовой деятельности. Налаживание трудоустройства женщин в местах заключения требовало со стороны государства серьезных материальных затрат. Очевидно, что вовлечение лиц женского пола в трудовые отношения в местах заключения оказало бы существенное влияние на оптимизацию их содержания. Однако госу-

дарство не было заинтересовано в финансировании строительства предприятий, приобретении оборудования для мастерских, покупке сырья, а также обучении заключенных разного рода необходимым трудовым навыкам. Именно по этой причине практически до конца XIX столетия государство не стремилось переходить от реализации в местах заключения только карательных функций к организации мер воспитательного и трудового воздействия на заключенных женщин.

В середине XIX в. многие прогрессивно настроенные зарубежные специалисты стремились к построению системы наказания на принципах гуманизма и законности. Ими был проведен ряд международных конгрессов с участием самых известных экспертов в сфере тюремоведения, которые предлагали прибегнуть к существенным изменениям в учении о системе наказаний, чтобы не подавлять личность заключенных женщин. В отечественной пенитенциарной политике того периода, наоборот, наблюдалось сильное отставание от прогрессивных идей европейских стран. Российские власти не стремились к изучению зарубежного положительного опыта по реформированию тюремных учреждений.

В результате инертность рассматриваемого законодательного регулирования приводила к тому, что в заведениях российской пенитенциарной системы дореволюционного периода отбывающие уголовные наказания женщины содержались в обстановке, не выдерживающей никакой критики, которая к тому же осложнялась чрезвычайной населенностью обитателей тюремных учреждений, основным бичом которых была антисанитария и отсутствие медицинской помощи. Отсутствие раздельного содержания лиц женского и мужского пола к тому же усугубляло применение к заключенным женщинам кандалов, колодок, рогаток.

Однако во второй половине XIX столетия в России стал развиваться капитализм, разрушая феодальный и сословный порядок. Данная тенденция превратилась в ключевую и определила последующую эволюцию как страны в целом, так и пенитенциарной системы в частности. Феодальные отношения были серьезным барьером для наращивания и увеличения производственных мощностей, способствовали отставанию России от европейских стран. Отменив крепостное право, страна стала бурно развивать капиталистические отношения, при этом адаптируя к новым условиям весь государственный и правовой механизм. Пенитенциарная система, функционирующая до этого на принципах сословности, также не осталась в стороне. Однако нехватка денег и дефицит бюджета, бюрократизм чиновничества, переполненность пенитенциарных учреждений, образовавшаяся после отмены крепостного права, поскольку в отношении крестьян вводились меры судебной ответственности, не способствовали быстрому тюремному реформированию. Только к концу XIX столетия

воздействие зарубежных правовых пенитенциарных взглядов и учений способствовало постепенной реформации отечественного уголовно-исполнительного законодательства.

Выводы

Полагаем возможным обозначить следующие ключевые выводы.

Во-первых, необходимо отметить, что положение заключенных лиц женского пола в местах лишения свободы в дореволюционный период, ввиду того что длительное время отечественная уголовно-исполнительная политика, предусматривающая карательные меры за совершение противоправных деяний, не имела разграничений на отдельные виды ответственности мужчин и женщин, было чрезвычайно сложным. Светские и церковные законодательные меры, предусматривающие виды исполнения уголовных наказаний, также долгое время не различались по половым признакам.

Во-вторых, прогрессивные законодательные идеи в рассматриваемой сфере внедрялись в практику в условиях царской России чрезвычайно медленно. В результате в большинстве заведений отбывающие уголовные наказания лица женского пола содержались в обстановке, не выдерживающей никакой критики. Несмотря на ряд мер, направленных на улучшение их содержания в пенитенциарных учреждениях, законодательные инициативы могли расходиться с действительностью. В большинстве случаев на виды исполнения наказаний, которые применялись государством в отношении лиц женского пола, виновных в совершении преступлений, оказывали воздействие их социальный статус и семейное положение.

В-третьих, исследование рассматриваемой проблематики позволяет утверждать о наличии разного рода причин и условий, которые приводили к существенной инертности законодательных изменений, направленных на гуманизацию правового статус

са осужденных лиц женского пола. Так, например, вплоть до отмены крепостного права и последующих российских пенитенциарных реформ второй половины XIX в. практика исполнения отечественных уголовно-правовых законодательных норм в отношении лиц женского пола свидетельствует о том, что у властей не было стремления как можно быстрее избавиться от феодального государственного уклада, долгое время бывшего приоритетным в Российской империи. На протяжении многих лет в стране наблюдалось существенное отставание в области совершенствования норм исполнения уголовно-исполнительного законодательства, регулирующих положение женщин. Именно по этой причине тюремное реформирование стало возможным только с отменой крепостного права и организацией Главного тюремного управления.

В-четвертых, только в конце XIX столетия общественность и государство обратились к проблемам правового статуса заключенных лиц женского пола. Заканчивался многовековой период абсолютной монархии. Государство стремилось к регламентации всех сфер жизнедеятельности, принимая самые разнообразные законодательные акты, в том числе и правовые нормы в рассматриваемой сфере.

В-пятых, в целом хотелось бы отметить, что анализ генезиса совершенствования законодательных норм в отношении содержащихся под стражей лиц женского пола отчетливо иллюстрирует процессы эволюционирования отечественной уголовно-исполнительной политики, формирования правовых уголовно-исполнительных теоретических положений, а также их реализацию на практике.

В-шестых, возможно, ряд результатов, положений и ключевых выводов, предложенных в данной работе, привлекут внимание представителей научных и образовательных организаций ФСИН России и будут использованы ими в профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карабашева Ф. Ш. Отбывание наказания женщинами в контексте юридической историографии России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10 (190). С. 61–62.
2. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Тюремные инструкции в Российской Империи : учеб. пособие. Краснодар, 1999. 59 с.
3. Карабашева Ф. Ш., Цечоев В. К. Наказания в отношении женщин в России: история и современность // Власть Закона. 2017. № 4 (32). С. 118–128.
4. Поляк А. Г. Судебник 1550 года. М., 2004. 284 с.
5. Кобец П. Н. Генезис юридической ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг в России в период XI–XX веков // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 1(47). С. 31–37.
6. Веселова А. П. Уголовные наказания и особенности их применения в отношении женщин в дореволюционной России : историко-правовой аспект // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22). С. 114–123.
7. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1951. 179 с.
8. Кораблин К. К. Эволюция уголовно-исполнительного законодательства и формирование комплексной системы исполнения наказаний в виде лишения свободы в дореволюционной России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 153–156.
9. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 514 с.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекция. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 2. 393 с.
11. Родионов А. В., Емельянова Е. В. Историко-правовое исследование процессов организации труда осужденных в России (XVI–XVII вв.) // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 179–185.

12. Белковец Л. П., Белковец В. В. История государства и права России : курс лекций. Новосибирск, 2000. 216 с.
13. О праве помещиков отдавать неугодных им крестьян в каторжную работу // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М., 1987. Т. 5. 532 с.
14. Перебинос Ю. А., Брызгалова И. В. Использование зарубежной теории и практики исполнения наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сб. ст. М., 2006. С. 136–144.
15. Киприянова Н. В. Социокультурный облик российского купечества: по материалам Уложенной комиссии 1767 г. Владимир, 2011. 310 с.
16. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историческо-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 608 с.
17. Шурухнов Н. Г. Тюрьмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 1. С. 71–82.
18. Шурухнов Н. Г. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 4. С. 465–480.
19. Шаяхметова Т. Е. Правовое регулирование исполнения наказания в виде лишения свободы в Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2017. № 4. С. 83–90.
20. Скреля К. Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. № 4 (22). С. 12.
21. Минстер М. В. Правовое положение женщин, осужденных к лишению свободы. Новосибирск, 2011. 190 с.
22. Михеенков Е. Г. Привлечение заключенных к труду в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири (конец XIX в. – 1919 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1 (82). С. 127–131.
23. Григорьев В. Н. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1409–1414.
24. Кобец П. Н. Генезис правовых основ Российского государства XI–XX столетий в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении женщин // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 4 (60). С. 26–34.
25. Кокаревич В. В. Правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX столетия // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1). С. 83–87.

REFERENCES

1. Karabasheva F.Sh. Serving punishment by women in the context of the legal historiography of Russia. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2020, no. 10 (190), pp. 61–62. (In Russ.).
2. Rasskazov L.P., Uporov I.V. *Tyuremnie instruksii v Rossiiskoi Imperii* [Prison instructions in the Russian Empire]. Krasnodar, 1999. 59 p.
3. Karabasheva F.Sh., Tsechoev V.K. Punishment against women in Russia: history and modernity. *Vlast' Zakona = The Power of the Law*, 2017, no. 4 (32), pp. 118–128. (In Russ.).
4. Polyak A.G. *Sudebnik 1550 goda* [1550 Judicial Code]. Moscow, 2004. 284 p.
5. Kobets P.N. The genesis of legal liability for improper provision of medical services in Russia during the XI–XX centuries. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2022, vol. 13, no. 1 (47), pp. 31–37. (In Russ.).
6. Veselova A.P. Criminal penalties and their application to women in pre-revolutionary Russia: historical and legal aspect. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2015. no. 1 (22), pp. 114–123. (In Russ.).
7. *Sobornoe ulozhenie tsarya Alekseya Mikhailovicha 1649 goda* [1649 Cathedral Code of Tsar Aleksei Mikhailovich]. Moscow. 179 p.
8. Korablin K.K. The evolution of criminal-executive legislation and the formation of a complex system of execution of punishment in the form of determination of freedom in prior Russia. *Baltiiskii gumanitarnii zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol.8, no. 2 (27), pp. 153–156. (In Russ.).
9. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Saint Petersburg, 1889. 514 p. (In Russ.).
10. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii: Chast' obshchaya: v 2-kh t. T. 2* [Russian criminal law]. Lectures. General part: in 2 vol. Volume 2]. Moscow, 1994. 393 p.
11. Rodionov A.V., Yemelyanova Ye.V. Historical and legal study of the processes of organizing the labor of convicts in Russia (XVI–XVII centuries). *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2018, no. 3 (36), pp. 179–185. (In Russ.).
12. Belkovets L.P., Belkovets V.V. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii: kurs lektsii* [History of state and law in Russia: lecture course]. Novosibirsk, 2000. 216 p.
13. On the right of landlords to send peasants out of favor to hard labor. *Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vv.: v 9 t. T. 5* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 5]. Moscow, 1987. 532 p. (In Russ.).
14. Perebinos Yu.A., Brizgalova I.V. The use of foreign theory and practice of executing punishment in the form of imprisonment in pre-revolutionary Russia. In: *Istoriya otechestvennoi ugovno-ispolnitelnoi sistem: sb. st.* [History of the domestic penal system: collection of articles: collection of articles]. Moscow, 2006, pp. 136–144. (In Russ.).
15. Kipriyanova N.V. *Sotsiokulturnii oblik rossiiskogo kupechestva: po materialam Ulozhennoi komissii 1767 g.* [Sociocultural image of the Russian merchants: based on materials of the Legislative Commission of 1767]. Vladimir, 2011. 310 p.

16. Uporov I.V. *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv: ist.-pravovoi analiz tendentsii razvitiya* [Penitentiary policy of Russia in the XVIII–XX centuries: historical and legal analysis of development trends]. Saint Petersburg, 2004. 608 p.
17. Shurukhnov N.G. Prisons of Russia according to the personal project of Empress Catherine II of 1787 (brief retrospective review). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 71–82. (In Russ.). DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71-82.
18. Shurukhnov N.G. Instruction to the caretaker of the prison castle of 1831: Conditions of detention, favour and tidiness of prisoners held in a prison castle. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 465–480. (In Russ.). DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.465-480.
19. Shayakhmetova T.Ye. Legal regulation of the execution of punishment in the form of imprisonment in the Russian Empire of the 19th century. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Studies*, 2017, no. 4, pp. 83–90. (In Russ.).
20. Skrelya K.Yu. Codes about punishments criminal and corrective of 1845. *Nauchnii vestnik Krimea = Scientific Bulletin of Crimea*, 2019, no. 4(22), pp. 12. (In Russ.).
21. Minster M.V. *Pravovoe polozhenie zhenshchin, osuzhdennikh k lishe-niyu svobod* [Legal status of women sentenced to imprisonment]. Novosibirsk, 2011. 190 p.
22. Mikheenkov Ye.G. Attracting prisoners to work in penitentiary institutions of Western Siberia (end of the 19th century – 1919). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Altai State University*, 2014, no. 2–1 (82), pp. 127–131. (In Russ.). DOI 10.14258/izvasu(2014)2.1-23.
23. Grigorev V. N. The Charter of Criminal Procedure of 1864 as a source of the original meaning of modern criminal procedural categories. *Aktualnie problemi rossiiskogo prava = Current Problems of Russian Law*, 2014, no. 7 (44), pp. 1409–1414. (In Russ.).
24. Kobets P.N. Genesis of the legal basis of the Russian state in the 11th–20th centuries in the sphere of appointment and execution of criminal punishments against women. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2024, no. 4 (60), pp. 26–34. (In Russ.).
25. Kokarevich V.V. Legal bases of the activity of the penal system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2013, no. 1 (1), pp. 83–87. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОБЕЦ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

PETR N. KOBETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Center for Organizational Support of Scientific Activities of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Статья поступила 03.12.2024

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.008

Институт принудительного питания: зарождение и развитие

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИН

Московская коллегия адвокатов «Ульпиан», Москва, Россия

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россияs.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию исторического опыта применения такого инструмента, как принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, а именно отбывающих лишение свободы и арестованных до суда за совершенные преступления. *Цель:* определить, когда и в связи с чем в нашей стране появились голодовки осужденных и содержащихся под стражей, как Российское государство реагировало на данные акции до революции 1917 г., применялось ли принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в советский период. *Методы:* основные положения статьи базируются на исследовании дореволюционных, советских и современных нормативных правовых актов, трудов правоведов и историков, а также мемуаров осужденных и арестованных. *Результаты:* голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, как социальное явление появились в России в первой половине XIX в. В дореволюционной России не существовало законодательного регулирования порядка действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, в них содержащимися. Случаи применения принудительного питания с целью спасения жизни голодающих в начале XX в. соседствовали с ситуациями, когда тюремная администрация сознательно допускала смерть арестантов в результате голодовки. Практика применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарном учреждении, имела место и в советский период. Однако законодательное закрепление возможности применения данного инструмента и установление допустимости такого вмешательства при возникновении непосредственной угрозы жизни лица, объявившего голодовку, произошло лишь в 1990-е гг. *Выводы:* принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, имеет исторические корни. Начав применяться в условиях полного отсутствия нормативного регулирования, постепенно данный инструмент получил закрепление на законодательном уровне.

Ключевые слова: принудительное питание; искусственное питание; осужденный; лишение свободы; история; голодовка; отказ от пищи.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдюхин С. А. Институт принудительного питания: зарождение и развитие // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 65–73. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.008.

Forced Feeding of Persons Held in Russian Penitentiary Institutions: Origin and Development

SERGEI A. AVDYUKHIN

Moscow Bar Association “Ulpian”, Moscow, Russia

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Abstract

Introduction: the article describes the history of forced feeding of persons held in penitentiary institutions in Russia, namely those serving imprisonment and arrested before trial for crimes committed. *Purpose:* to determine when and why hunger strikes of convicts and detainees appeared in our country; how the Russian state reacted to such hunger strikes before the 1917 revolution; whether forced feeding of persons held in penitentiary institutions was used during the Soviet period. *Methods:* the main provisions of the article are based on the study of pre-revolutionary, Soviet and modern normative legal acts, works of legal scholars and historians, as well as memoirs of convicts. *Results:* hunger strikes of persons held in penitentiary institutions appeared as a social phenomenon in Russia in the first half of the XIX century. In pre-revolutionary Russia, there was no legislative regulation of the procedure for the actions of employees of penitentiary institutions in the event of a hunger strike by persons held in them. Cases of forced feeding in order to save the lives of starving people in the early XX century were juxtaposed with situations where the prison administration deliberately allowed prisoners to die of hunger. The practice of using forced feeding against people on a hunger strike in a penitentiary institution took place during the Soviet period. However, the legislative consolidation of the possibility of using forced nutrition and the establishment of the permissibility of such intervention in the event of an immediate threat to the life of a person on hunger strike occurred in the 1990s. *Conclusion:* the forced feeding of persons held in Russian penitentiary institutions has deep historical roots. Having been applied in the conditions of complete absence of regulation, forced feeding gradually gained its consolidation at the legislative level.

Keywords: forced feeding; artificial nutrition; convict; imprisonment; history; hunger strike; refusal of food.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdyukhin S.A. Forced feeding of persons held in Russian penitentiary institutions: origin and development. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 65–73. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.008.

Введение

Часть 4 ст. 101 УИК РФ допускает возможность применения принудительного питания в отношении осужденных к лишению свободы, отказывающихся от приема пищи, в случае возникновения угрозы их жизни. Аналогичные по содержанию положения содержатся и в ст. 42 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Указанные нормы, впервые закрепленные на законодательном уровне в 1990-е гг., представляют собой ответную реакцию отечественного законодателя на голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, то есть на сознательный отказ таких лиц от приема пищи, способный в конечном итоге привести к их гибели.

При этом проблема тюремных голодовок возникла не вчера, и предыдущим поколениям отечественных законодателей и правоприменителей также приходилось решать вопрос о том, следует ли сохранять

жизнь лицам, содержащимся в пенитенциарных учреждениях и объявившим голодовку, путем применения к ним принудительного питания. Поэтому было бы интересным найти ответы на ряд вопросов: когда и в связи с чем в России появились голодовки осужденных и содержащихся под стражей; как государство реагировало на подобные действия; применялось ли принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях?

Методология

Поскольку настоящая статья посвящена исследованию исторического опыта применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, то ее основные положения базируются на исследовании дореволюционных, советских и современных нормативных правовых актов, трудов правоведов и историков. Особое место среди источников занимает пятитомный труд М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» – фундаментальная работа, признаваемая в отечественной науке наиболее

полным исследованием дореволюционной пенитенциарной системы [1, с. 5]. Кроме того, в целях изучения практики применения принудительного питания в дореволюционной и советской России были использованы художественные (прежде всего мемуарные) произведения, созданные осужденными и подследственными.

Основная часть

Голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях: зарождение проблемы

Как отмечает М. Н. Гернет, первая в отечественной истории коллективная тюремная голодовка была начата в 1827 г. в Сибири, на Благодатском руднике, ссыльными каторжанами-декабристами. Голодовка продолжалась всего два дня и закончилась «полной победой заключенных», выступивших против решения начальника рудников о лишении каторжан свечей и права общего обеда [2, с. 176]. Тюремные голодовки получили распространение к концу XIX в., что связано с изменениями, произошедшими в XIX в. в пенитенциарной системе в целом и системе материально-бытового обеспечения лиц, содержащихся в тюремных учреждениях, в частности.

Так, первым нормативным правовым актом, возложившим на государство обязанность по обеспечению снабжения тюремного населения пищей, стал Указ императора Александра I от 26.10.1822 «На производство из казны денег на прокормление арестантов в местах их заключения», в соответствии с которым арестантам должно было предоставляться питание, отвечающее «минимальным гигиеническим требованиям, предъявляемым к рациону взрослого здорового человека» [3, с. 47].

До принятия данного указа основным источником пропитания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, являлись пожертвования граждан, что приводило к существенному разрыву в уровне пищевой обеспеченности арестантов. Так, например, М. Н. Гернет отмечает, что размеры подаваний продуктами и деньгами в московских тюрьмах позволяли арестантам быть сытыми и «не иметь вида голодных людей» [1, с. 306], тогда как осужденные в тюремном замке г. Камышлова Пермской губернии находились «в дурном положении: питание плохое, и, когда нет подавания, то арестанты питаются корками хлеба с водою» [1, с. 349].

При этом следует понимать, что и после принятия Указа 1822 г. обеспечение питанием лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, оставалось серьезной проблемой. Так, Н. С. Таганцев, описывая современное ему состояние тюрем, ссылается на отчет Попечительного общества о тюрьмах за 1857 г., из которого следует, что пища арестантов продолжает оставаться «крайне непитательной вследствие отпуски денег только на хлеб и на крупу без мяса» [4, с. 1330].

Представляется, что отсутствие случаев тюремных голодовок в России до 1827 г. непосредственно

связано с описанным состоянием пенитенциарной системы. Во-первых, отказ от приема пищи (голодовка) как осознанное, целенаправленное действие лица, содержащегося в тюремном учреждении, может быть осуществлен лишь при наличии самой пищи, которая отнюдь не была гарантирована осужденным и содержащимся под стражей вплоть до XIX в. Во-вторых, в большинстве случаев голодовка – это протестное действие по отношению к тюремным властям и государству в целом, тогда как, отказываясь от приема пищи, полученной в качестве подавания, голодающий противопоставляет себя не тюремной администрации, а благотворителям, решившим потратить собственные средства на пропитание лично не знакомых им людей. В-третьих, начиная голодовку, осужденный либо содержащийся под стражей полагает, что, поскольку его смерть является нежелательным событием для тюремных властей, администрация пенитенциарного учреждения отреагирует на его требования, побудит его к прекращению голодовки.

Между тем подобная логика вряд ли может быть применима к отношениям между государством и лицами, содержащимися в пенитенциарных учреждениях, вплоть до XIX в. Так, анализ положений Соборного уложения 1649 г., являвшегося одним из важнейших источников права до середины XIX в., показывает, что изоляция преступников рассматривалась в качестве единственной цели тюремного заключения, а суровые бытовые условия содержания использовались в качестве карательной меры [3, с. 42–43]. Лишь Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. отнесло лишение свободы к исправительным наказаниям, то есть наказаниям, основной целью которых является исправление осужденных, что повлекло за собой и пересмотр отношения к материально-бытовому обеспечению арестантов, которое стало рассматриваться в качестве одного из условий их исправления [3, с. 48].

Соответственно, именно в XIX в. смерть лица, содержащегося в пенитенциарном учреждении, стала рассматриваться государством не в качестве сопутствующего ущерба при достижении цели изоляции такого лица от общества, а как обстоятельство, препятствующее достижению цели исправления. Только при таком подходе государства к целям уголовного наказания осужденные и содержащиеся под стражей стали рассматривать голодовку в качестве эффективного способа добиться выполнения своих требований тюремной администрацией.

Практика применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в конце XIX в.

Итак, к концу XIX в. голодовки в пенитенциарных учреждениях стали распространенным явлением, требующим реакции со стороны государства. Одним из возможных способов решения проблемы стало применение по отношению к голодающим принудительного питания.

Первый обнаруженный нами подобный случай описан в мемуарах революционера Феликса Кона, в 1880-х гг. отбывавшего наказание в Нижне-Карийской тюрьме Нерчинской каторги. В знак протеста против грубого обращения с одной из заключенных при переводе ее в другую тюрьму группа заключенных женской тюрьмы объявила голодовку с требованием уволить коменданта каторги Масюкова. На девятый день голодовки к одной из осужденных – Надежде Сигиде – по решению властей было применено принудительное питание (в работе Ф. Кона, как и в основной части других дореволюционных и советских источников, используется термин «искусственное кормление», который, однако, не в полной мере отражает сущность рассматриваемого нами явления [5, с. 292]). При этом Ф. Кон отмечает, что недавно осужденная и потому менее других истощенная Сигида выносила голодовку лучше некоторых других, а искусственное кормление было применено к ней лишь для того, чтобы обреченная на квалифицированную смертную казнь Сигида в случае смерти от голодовки не ускользнула из рук царских властей. До начала голодовки Н. Сигида нанесла коменданту крепости оскорбление действием, что в соответствии со ст. 288 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 г.) должно было повлечь назначение высшей меры наказания – смертной казни с лишением прав состояния, конкретный вид которой определялся судом при вынесении приговора [6].

Версия Ф. Кона, возможно необъективно смотревшего на происходящее, относительно мотивов применения принудительного питания к Н. Сигиде могла бы показаться надуманной, если бы не то обстоятельство, что к другим осужденным, начавшим голодовку, принудительное питание не было применено даже после того, как на 13-й день голодовки тюремный врач телеграфировал губернатору о серьезных опасениях за состояние всех голодающих, на 14-й день – об изъязвлении желудка у одной из осужденных, а на 15-й день – о том, что всякое промедление будет грозить осужденным немедленной гибелью [7, с. 20–21]. Более того, сохранился ответ губернатора на донесения тюремного врача, текст которого не оставляет каких-либо сомнений в том, что власти не намеревались предпринимать меры по спасению жизней всех голодающих: «администрации безразлично, будут они есть или не будут. Продолжайте поступать, как приказано» [8, с. 325].

Другой случай применения (а точнее – попытки применения) принудительного питания в рассматриваемый исторический период можно обнаружить в мемуарах революционера-анархиста П. А. Кропоткина, описывавшего жизнь лиц, содержащихся под стражей в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. По утверждению П. А. Кропоткина, право на свидание с родными один раз в две недели «было

добыто путем знаменитой голодной стачки 1879 г., во время которой некоторые заключенные в Трубецком бастионе в течение 5–6 дней отказывались принимать какую бы то ни было пищу, отвечая физическим сопротивлением на все попытки искусственного кормления» [9, с. 70].

Описывая голодовку в Трубецком бастионе, советский историк А. В. Предтеченский отмечает, что на пятый день крепостное начальство все же выдало голодающим бумагу для составления жалобы на имя шефа жандармов, который, прибыв на место голодовки, произнес следующее: «Я глубоко сожалею, что вам так скоро выдали бумагу и не заставили голодать до тех пор, пока вы сами не стали бы есть» [10, с. 91].

Приведенные слова шефа жандармов показывают, что, как и в случае с голодовкой на Нерчинской каторге, целью применения принудительного питания являлось не спасение жизни лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, а усмирение бунта среди содержащихся под стражей, однако после того как сделать этого не удалось, все же позволило им обратиться к вышестоящим властям.

Практика применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в начале XX в.

До начала XX в. проблема голодовок лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, хотя и приобретала все больший охват, не находила какого-либо отражения в нормативном регулировании.

Первым официальным документом, отражающим реакцию властей на эту проблему, можно считать практическое разъяснение (циркуляр) Главного тюремного управления № 13 «Об обязанностях чинов тюремной администрации по отношению к добровольно голодающим арестантам», опубликованное в журнале «Тюремный вестник» за май 1908 г. В данном циркуляре Главное тюремное управление (ГТУ) дает ответ на вопрос о том, «подлежат ли ответственности должностные лица тюремной администрации в случае болезни, а равно и смерти арестанта, произошедших вследствие добровольной голодовки последнего, вызываемой неудовлетворением его требований». Ответ ГТУ состоит из двух частей (тезисов), однако в советской научной литературе сложилась традиция ссылаться исключительно на первую часть данного циркуляра: «Ввиду того, что отказ арестанта от приема пищи является актом совершенно добровольного характера и не может быть предупрежден мерами, зависящими от тюремного начальства, последнее не может подлежать ответственности за последствия такого отказа, хотя бы голодовкою была вызвана самая смерть арестанта». Цитируя исключительно приведенную выше часть циркуляра, советские авторы приходили к выводу, что «этим распоряжением местная тюремная администрация уполномочивалась не обращать внимания на решение заключенных о голодовке» [8, с. 32–33], называя циркуляр «бездуш-

ной бумажкой, предрешившей судьбу сотен молодых жизней» [11, с. 30].

Между тем внимательное прочтение циркуляра позволяет понять, что содержание данного в нем разъяснения отнюдь не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Во второй части указано, что «при наличии, однако же, признаков серьезного заболевания или крайнего упадка сил у голодающего арестанта тюремная администрация обязана принять меры к оказанию ему необходимой медицинской помощи». Таким образом, Циркуляр ГТУ 1908 г., хотя и снимал с администрации пенитенциарного учреждения ответственность за смерть арестанта в результате голодовки, одновременно возлагал на нее обязанность по оказанию голодающему лицу медицинской помощи, а значит, мог быть истолкован как документ, позволяющий применение в отношении такого лица принудительного питания. Именно после издания данного циркуляра в России стали отмечаться случаи применения принудительного питания в отношении лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в целях спасения их жизни.

Так, в октябре 1912 г. в карцер Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги за невыполнение требования снять шапки были помещены четверо осужденных: Ф. Андреев, И. Итунин, С. Ильинский и Д. Тахчогло, которые в знак протеста объявили длительную голодовку. На 11-й день Итунину и Андрееву по освидетельствованию и требованию врача И. А. Пахолкова было введено искусственное питание, тогда как двое других осужденных продолжили голодовку, а для одного из них, С. Ильинского, голодовка и вовсе продолжалась в течение 31 дня [12, с. 198].

Длительную голодовку в знак протеста против помещения в карцер в 1912 г. объявили и четверо осужденных, содержащихся в Орловском каторжном центре. Не желая допустить смертельного исхода, по истечении 16 дней голодовки тюремная администрация по требованию врача поместила сначала одного, а затем и всех остальных голодающих в больницу, в которой «жизнь осужденных вопреки их воле поддерживали питательными клизмами» [13, с. 295].

Отметим, что в обоих случаях принудительное питание применялось на основании заключения медицинского работника в целях спасения жизни осужденных в момент, когда продолжение голодовки несло в себе реальную угрозу летального исхода, что в максимальной степени приближает описанные ситуации к современному регулированию принудительного питания осужденных в УИК РФ.

Между тем, как уже отмечалось выше, Циркуляр ГТУ 1908 г. содержал внутреннее противоречие: возлагая на тюремную администрацию обязанность оказывать медицинскую помощь лицам, объявившим голодовку, он одновременно снимал с тюремных властей ответственность за смерть арестанта, наступившую вследствие неоказания такой помощи. В этой связи данный циркуляр мог послужить оправ-

данием для неприменения принудительного питания как меры спасения жизни лица, содержащегося в пенитенциарном учреждении и оказавшегося на грани жизни и смерти. Так, например, в июле 1911 г. в том же Орловском каторжном центре «уморил себя голодом» участник Севастопольского восстания 1905 г. матрос Николай Симоненко [13, с. 147, 303], а годом спустя, в августе 1912 г., вследствие тридцатидневной голодовки в карцере Шлиссельбургской крепости скончался его товарищ матрос Иван Письменчук [13, с. 148].

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XX в. в Российской империи не существовало законодательного регулирования порядка действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, содержащимися в таких учреждениях. Единственный официальный документ, затрагивавший данный вопрос, Циркуляр Главного тюремного управления 1908 г., содержал в себе внутреннее противоречие, поскольку одновременно возлагал на тюремную администрацию обязанность оказывать медицинскую помощь лицам, объявившим голодовку, и снимал с нее ответственность за смерть, наступившую вследствие такой голодовки. В этой связи практика реагирования тюремных властей на голодовки в начале XX в. не отличалась единообразием: случаи применения принудительного питания в целях спасения жизни голодающего соседствовали с ситуациями, когда тюремная администрация сознательно допускала смерть арестанта в результате голодовки.

Практика применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в Советской России

В первые годы советской власти проблема голодовок в пенитенциарных учреждениях уступала по своей значимости проблеме недостаточного пищевого снабжения таких учреждений. Так, неслучайно то, что одним из первых актов новой власти в области уголовно-исполнительного права являлось Постановление СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об улучшении продовольствия в петроградских тюрьмах», предписывавшее принять экстренные меры для немедленного улучшения ситуации с продовольственным обеспечением в тюрьмах Петрограда, а также вывести часть осужденных и содержащихся под стражей в провинциальные тюрьмы [14, с. 41].

Однако по мере стабилизации ситуации в стране проблема тюремных голодовок вновь начинает обретать значительный масштаб. Так, НКВД и НКЮ СССР был издан совместный Циркуляр от 25.11.1925 «О принятии мер к изжитию голодовок в местах заключения», в котором прокурорам и инспекторам мест заключения предписывалось предпринимать меры, направленные на усиление законности в учреждениях для лиц, содержащихся под стражей (регулярно выезжать в места заключения; составлять списки содержащихся под стражей, следствие в отношении которых

ведется более установленного срока; своевременно уведомлять содержащихся под стражей о продлении срока расследования; своевременно направлять жалобы содержащихся под стражей в соответствующие органы и учреждения и др.). Одновременно с этим администрациям мест заключения запрещалось предоставлять какие-либо послабления лицам, уже объявившим голодовку [15, с. 142–143].

Анализ данного циркуляра показывает, что в первые годы своего существования советская власть рассчитывала полностью искоренить проблему тюремных голодовок, тем самым сняв с повестки дня и вопрос обращения с лицами, продолжение голодовки которых несет угрозу для их жизни, однако, как показал дальнейший ход истории, сделать этого не удалось.

Первым нормативным документом, официально закрепившим возможность применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарных учреждениях, стало Положение о тюрьмах НКВД СССР для содержания подсудимых, утвержденное Приказом НКВД СССР от 28.07.1939 № 00859. Статья 44 данного положения устанавливала, что в случае объявления лицом, содержащимся под стражей, голодовки начальник тюрьмы обязан немедленно перевести его в одиночную камеру и сообщить о голодовке в следственный орган, ведущий расследование дела в отношении такого лица, а также прокурору, надзирающему за тюрьмой. При отсутствии в течение 72 часов особых указаний со стороны прокурора либо следственного органа к последующему распоряжением начальника тюрьмы должны применяться меры принудительного (искусственного) питания, осуществляемые врачом либо лекомом (помощником лекаря) тюрьмы [15, с. 176].

Тем же приказом НКВД была утверждена Инструкция по применению отдельных статей Положения о тюрьмах, содержащая подробное разъяснение «техники искусственного питания», осуществляемого через пищевод либо через нос с использованием специального зонда. Рот подсудимого раскрывался роторасширителем, зев и глотка для избежания кашля и рвоты смазывались раствором кокаина, после чего пациенту осторожно вводился прокипяченный в воде мокрый (для лучшего скольжения) зонд с воронкой на свободном конце. В воронку вливалась теплая вода для промывания желудка, а затем пищевая масса, приготовленная из мясного отвара, молока, сырых яичных желтков, сахара, толокна и соли [15, с. 206].

Можно сделать вывод, что назначение института принудительного питания содержащихся под стражей лиц, закрепленного в Положении о тюрьмах НКВД СССР 1939 г., отличалось от назначения принудительного питания в наши дни. Так, ст. 44 Положения о тюрьмах располагалась в разделе «Меры взыскания за нарушения тюремного режима» и предполагала, что при отсутствии особых указаний со

стороны следователя или прокурора принудительное питание будет применяться ко всем содержащимся под стражей, объявившим голодовку, по прошествии трех суток с момента ее объявления. При этом для принятия решения о начале принудительного питания не требовалось проведения состояния здоровья голодающего, в частности, установления того, несет ли продолжение голодовки в момент начала принудительного питания угрозу для его жизни. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что основной целью применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в рассматриваемый исторический период являлось не спасение жизни таких лиц, а обеспечение соблюдения режима соответствующего учреждения.

Как уже было указано выше, ст. 44 Положения о тюрьмах НКВД СССР 1939 г. впервые закрепила возможность применения принудительного питания лиц, содержащихся под стражей, на нормативном уровне: предыдущее положение, утвержденное Приказом НКВД от 15.03.1937 № 00112, хотя и содержало некоторые требования к поведению сотрудников тюрьмы в случае объявления голодовки, но не упоминало о возможности принудительного питания голодающих. Между тем проведенное нами исследование показало, что положения о принудительном питании, впервые закрепленные в Приказе НКВД СССР от 28.07.1939 № 00859, являлись не плодом фантазии авторов этого документа, а нормативным закреплением практики, уже сложившейся к тому моменту в советских пенитенциарных учреждениях.

Так, в Центральном архиве ФСБ России хранится заявление арестованного по делу «Промпартии» инженера-технолога С. И. Краузе от 08.11.1930 на имя помощника прокурора РСФСР с протестом против заключения под стражу и методов следствия, в котором Краузе пишет в том числе об объявлении голодовки начиная с 05.11.1930. На данном заявлении содержится резолюция следующего содержания: «Предложить начальнику тюрьмы искусственное кормление Краузе, если он не бросит голодовку. 8/XI» [16, с. 122].

Из рапорта бывшего сотрудника УГБ УНКВД по Западно-Сибирскому краю Б. И. Сойфера мы узнаем о том, что искусственному кормлению в тюремной больнице в 1938 г. подвергались бывший работник Сиблага Садовский, голодовка которого продолжалась 105 дней, и арестованный работник штаба СибВО Ландовский, голодавший 18 дней [17].

О том, что насильственное искусственное питание было в большом ходу уже к 1937 г., пишет в книге «Архипелаг ГУЛАГ» и А. И. Солженицын. Так, по утверждению писателя, на 15-й день голодовки искусственное питание было применено к группе социалистов, содержащихся в Ярославском центре. При этом интересно то, что описание процедуры принудительного питания в полной мере соответствует технике искусственного питания, закрепленной впоследствии в приказе НКВД 1939 г.: «Рот разжимают

пластинкой, щель между зубами расширяют, вводят кишку. Если не глотаешь – продвигают кишку дальше, и жидкий питательный раствор попадает прямо в пищевод. Затем массируют живот, чтобы заключенный не прибег к рвоте» [18, с. 428].

Вопросы, связанные с принудительным питанием лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, нашли свое отражение и в более поздних нормативных актах советского периода: приказе МВД СССР от 16.08.1958 № 550 с объявлением норм суточного довольствия заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР; Инструкции о режиме содержания в следственных изоляторах МВД СССР, утвержденной приказом МВД СССР от 01.09.1972 № 0470; Положении о медицинском обслуживании лиц, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР, утвержденном приказом МВД РСФСР от 30.05.1975 № 125; Инструкции о порядке проведения профилактики правонарушений в исправительно-трудовых учреждениях и следственных изоляторах МВД СССР, утвержденной приказом МВД РСФСР от 23.07.1981 № 113. Данные подзаконные акты, как и приказ НКВД СССР от 28.07.1939, регулировали порядок действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, содержащимися в таких учреждениях, закрепляли процедуру принудительного питания и нормы довольствия для лиц, подвергаемых такому питанию, однако не устанавливали напрямую, что принудительное питание может быть осуществлено лишь при наступлении непосредственной угрозы жизни голодающего [19, с. 27; 20, с. 43].

Данное обстоятельство дает основание для вывода о том, что закрепление норм о принудительном питании в ст. 42 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и ч. 4 ст. 101 действующего УИК РФ 1997 г. открыло новую страницу в истории применения такой меры, как принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России: на законодательном уровне не только была впервые закреплена сама возможность применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку, но и четко

установлено, что подобное вмешательство может быть осуществлено только при возникновении угрозы жизни голодающего.

Выводы

Голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, как социальное явление появились в России в первой половине XIX в. одновременно с изменениями в системе материально-бытового обеспечения таких учреждений и пересмотром подхода государства к целям уголовного наказания. Первые описанные в литературе случаи применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарных учреждениях, можно обнаружить уже в конце XIX в., однако спасение жизни арестантов не рассматривалось в тот момент в качестве главной цели. В дореволюционной России не существовало законодательного регулирования порядка действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, в них содержащимися. Единственный официальный документ, Циркуляр Главного тюремного управления 1908 г., содержал внутреннее противоречие, поскольку одновременно возлагал на тюремную администрацию обязанность оказывать медицинскую помощь лицу, объявившему голодовку, и снимал с нее ответственность за смерть арестанта, наступившую вследствие такой голодовки. В этой связи практика реагирования тюремных властей на голодовки в начале XX в. не отличалась единообразием: случаи применения принудительного питания с целью спасения жизни голодающих соседствовали с ситуациями, когда тюремная администрация сознательно допускала смерть арестантов в результате голодовки. Практика применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарном учреждении, имела место и в советский период. С 1939 г. она получила закрепление в подзаконных нормативных правовых актах. Между тем законодательное закрепление возможности применения принудительного питания, равно как и установление допустимости такого вмешательства при возникновении непосредственной угрозы жизни лица, объявившего голодовку, произошло лишь в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» 1995 г. и УИК РФ 1997 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1. 1762–1825. М., 1960. 384 с.
2. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. 1825–1870. М., 1961. 584 с.
3. Пертли Л. Ф. Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 210 с.
4. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. IV. СПб., 1892. 722 с.
5. Авдюхин С. А. Принудительное питание и искусственное кормление осужденных: спор о терминах или различие по существу // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 289–296.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, мировыми судьями налагаемых. М., 1872. 563 с.
7. Кон Ф. Я. На Каре // Каторга и ссылка. Сборник 2–3. М., 1922. 208 с.
8. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. 1870–1900. М., 1961. 432 с.

9. Кропоткин П. А. В русских и французских тюрьмах. СПб., 1906. 242 с.
10. Предтеченский А. В. Летопись Петропавловской крепости. М., 1932. 120 с.
11. Никитина Е. Торная дорога (Тюрьма и каторга 1905–1913 гг.) // Девятый вал: к десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки. М., 1927. 184 с.
12. Бодяк М. Г. История Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги: 1879–1917 гг. : дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2004. 304 с.
13. Гernet М. Н. История царской тюрьмы. Т. 5. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ. 1907–1917. М., 1963. 312 с.
14. Уголовное законодательство России: октябрь 1917 – май 1922 года : хрестоматия / авт.-сост. П. А. Филиппов. М., 2024. 280 с.
15. Содержание под стражей в РСФСР и СССР : сб. правовых актов / сост.: В. Н. Андреев, науч. ред.: В. А. Михайлов, Г. С. Корпанов. Тюмень, 2003. 477 с.
16. Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. 1055 с.
17. Письмо бывшего помощника начальника 2-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Западно-Сибирскому краю Б.И. Соифера в ЦК ВКП(б). URL: <https://istmat.org/node/64028> (дата обращения: 18.01.2025).
18. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Ч. I–II. Екатеринбург, 2006. 549 с.
19. Принудительное питание осужденных к лишению свободы / под науч. ред. А. П. Скибы, под общ. ред. А. А. Крымова. М., 2018. 175 с.
20. Горбань Д. В. История института принудительного питания осужденных и практики его применения: проблемы и перспективы // Юрист юга России и Закавказья. 2017. № 1 (17). С. 41–45.

REFERENCES

1. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. Tom 1. 1762–1825* [History of the Tsar Prison. Volume 1. 1762–1825]. Moscow, 1960. 384 p.
2. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. Tom 2. 1825–1870* [History of the Tsar Prison. Volume 1. 1825–1870]. Moscow, 1961. 584 p.
3. Pertli L.F. *Pravovoe regulirovanie material'no-bytovogo obespecheniya osuzhdennykh v uchrezhdeniyakh UIS Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of the material and household provision of convicts in penitentiary institutions of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2006. 210 p.
4. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugovnomu pravu. Chast' obshchaya. Vypusk IV* [Lectures on Russian criminal law. General part. Issue IV]. Saint Petersburg, 1892.
5. Avdyukhin S.A. Forced feeding and artificial feeding of convicts: terminological dispute or substantive difference. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 289–296. (In Russ.).
6. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh i Ustav o nakazaniyakh, mirovymi sud'yami nalagaemykh* [The Code of Criminal and Correctional Punishments and the Statute on Punishments Imposed by the Justice of the Peace]. Moscow, 1872. 563 p.
7. Kon F.Ya. In exile. In: *Katorga i ssylka. Sbornik 2–3* [Penal servitude and exile]. Moscow, 1922. 208 p. (In Russ.).
8. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. T. 3. 1870–1900* [History of the Tsar Prison. Volume 1. 1870–1900]. Moscow, 1961. 432 p.
9. Kropotkin P.A. *V russkikh i frantsuzskikh tyur'makh* [In Russian and French prisons]. Saint Petersburg, 1906. 242 p.
10. Predtechenskiy A.V. *Letopis' Petropavlovskoi kreposti* [The Chronicle of the Peter and Paul Fortress]. Moscow, 1932. 120 p.
11. Nikitina E. Tornaya doroga (Prison and penal servitude 1905–1913). In: *Devyatyi val: k desyatiletiyu osvobozhdeniya iz tsarskoi katorgi i ssylki* [The Ninth Shaft: towards the tenth anniversary of liberation from tsarist penal servitude and exile]. Moscow, 1927. 184 p.
12. Bodyak M.G. *Istoriya Zerentuiskoj tyur'my Nerchinskoi katorgi: 1879–1917 gg.: dis. ... kand. istor. nauk* [History of Zerentui prison of Nerchinsk penal colony: 1879–1917: Candidate of Sciences (History)]. Irkutsk, 2004. 304 p.
13. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. T. 5. Shlissel'burgskaya katorzhnaya tyur'ma i Orlovskii katorzhnyi tsentral. 1907–1917* [History of the tsar's prison. Vol. 5. Shlisselburg convict prison and Orel penal colony]. Moscow, 1963. 312 p.
14. *Ugovnoe zakonodatel'stvo Rossii: oktyabr' 1917 – mai 1922 goda: khrestomatiya* [Russian criminal law: October 1917 – May 1922: textbook]. Comp. by Filippov P.A. Moscow, 2024. 280 p.
15. *Soderzhanie pod strazhei v RSFSR i SSSR: sb. pravovykh aktov* [Detention in the RSFSR and the USSR: collection of legal acts]. Comp. by Andreev V.N. Ed. by Mikhailov V.A., Korpanov G.S. Tyumen, 2003. 477 p.
16. *Sudebnyi protsess "Prompartii" 1930 g.: podgotovka, provedenie, itogi. Kn. 2.* [Trial of the "Industrial Party" in 1930: preparation, conduct, results. Book 2]. Ed. by Krasil'nikov S.A. Moscow, 2017. 1,055 p.
17. *Pis'mo byvshego pomoshchnika nachal'nika 2-go otdeleniya 4-go otdela UGB UNKVD po Zapadno-Sibirskomu krayu B.I. Soifera v TsK VKP(b)* [Letter from the former assistant to the head of the 2nd department of the 4th department of the UGB NKVD in the West Siberian Region, B.I. Soifer, to the Central Committee of the CPSU(b)]. Available at: <https://istmat.org/node/64028> (accessed January 18, 2025).
18. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG. 1918–1956. Opyt khudozhestvennogo issledovaniya. Ch. I–II* [GULAG Archipelago. 1918–1956. The experience of artistic research. Parts I–II]. Ekaterinburg, 2006. 549 p.

19. *Prinuditel'noe pitanie osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Forced feeding of persons sentenced to imprisonment]. Ed. by Skiba A.P., Krymov A.A. Moscow, 2018. 175 p.
20. Gorban' D.V. The history of the institute forced feeding of prisoners and the practice of its application: problems and prospects. *Yurist yuga Rossii i Zakavkaz'ya = Lawyer of the South of Russia and Transcaucasia*, 2017, no. 1 (17), pp. 41–45. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИН – адвокат Московской коллегии адвокатов «Ульпиан», Москва, Россия, магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

SERGEI A. AVDYUKHIN – Lawyer at the Moscow Bar Association “Ulpian”, Moscow, Russia, Master’s Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Статья поступила 30.01.2025

Организационно-правовые аспекты исполнения лишения свободы пожизненно и на сверхдлительные сроки

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА ЗУБКОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, zybkovav.i@mail.ru

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Реферат

Введение: статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования и организации исполнения лишения свободы пожизненно и на сверхдлительные сроки в современных условиях. *Целью* статьи является освещение организационно-правовых аспектов исполнения лишения свободы пожизненно и на сверхдлительные сроки в контексте ужесточения карательной политики государства в отношении лиц, совершивших квалифицированные преступления террористической направленности или вооруженного мятежа. *Методологическую основу* работы образуют общенаучные и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, описательный, контент-анализа) методы познания правовой действительности. *Обосновывается* позиция о том, что правовое регулирование в рассматриваемом сегменте карательной политики государства должно предусматривать соответствующий организационно-правовой механизм первоначального пересмотра приговоров не позднее чем через двадцать пять лет после их вынесения, с периодическими пересмотрами после этого. При этом законодательные критерии и условия, относимые к пересмотру приговоров, должны иметь достаточную ясность и определенность, а сами осужденные к пожизненному заключению – право знать с начала отбывания наказания, что им необходимо сделать для возможного принятия решения об их освобождении и то, на каких условиях такое освобождение возможно. Совершенствование правового регулирования организации исполнения пожизненного лишения свободы и сверхдлительных сроков возможно на основе применения подхода, при котором осужденные первые десять лет лишения свободы будут отбывать наказание в строгих условиях и, может быть, в единых специальных учреждениях, а затем, в зависимости от поведения, будут переводиться в более облегченные условия и в другие учреждения либо продолжать находиться в специальных учреждениях в случае злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания. Подобный подход потребует решения сопутствующих организационно-правовых задач в области развития сети специальных учреждений, подготовки кадров и иного ресурсного обеспечения их функционирования.

Ключевые слова: правовое регулирование; организация; пожизненное лишение свободы; сверхдлительные сроки; уголовно-исполнительная система.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Зубкова В. И., Нагорных Р. В. Организационно-правовые аспекты исполнения лишения свободы пожизненно и на сверхдлительные сроки // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 74–81. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.009.

Organizational and Legal Aspects of the Execution of Life and Long-Term Imprisonment

VALENTINA I. ZUBKOVA

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, zybkovav.i@mail.ru

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract

Introduction: the article is devoted to current problems of legal regulation and organization of the execution of life and long-term imprisonment in modern conditions. The *purpose* of the article is to highlight organizational and legal aspects of the execution of life and long-term imprisonment in the context of tightening the state's punitive policy against persons who have committed qualified crimes of a terrorist nature or organized or participated in armed rebellion. The *methodological basis* of the work is formed by general and private scientific (historical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis) methods of legal reality cognition. In this regard, the article substantiates the position that legal regulation in the considered segment of the state's punitive policy should provide for an appropriate organizational and legal mechanism for the initial review of sentences no later than twenty-five years after their imposition and regular reviews thereafter. At the same time, legislative criteria and conditions related to the review of sentences should be sufficiently clear and definite, and those sentenced to life imprisonment themselves should have the right to know from the very beginning of serving their sentence what they need to do for a possible decision on their release and under what conditions such release is possible. *Scientific and practical significance* of the work consists in substantiating the provisions that improving legal regulation of the organization of the execution of life and long-term imprisonment is possible by applying the following approach: convicts serve their sentences in strict conditions for the first ten years of imprisonment and perhaps in single special institutions, and then, depending on their behavior, they can be transferred to less restrictive conditions and to other institutions, or are left in special institutions in case of malicious violations of the established procedure for serving a sentence. Such an approach will require solving related organizational and legal tasks in the field of developing a network of special institutions, personnel training and providing other resource support for their functioning.

Keywords: legal regulation; organization; life imprisonment; long-term imprisonment; penal system.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Zubkova V.I., Nagornikh R.V. Organizational and legal aspects of the execution of life and long-term imprisonment. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 74–81. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.009.

Введение

Пожизненное лишение свободы как вид наказания имеет в России долгую историю. Уголовное уложение 1903 г. предусматривало как бессрочную каторгу, так и срок от четырех до пятнадцати лет. Осужденные на каторгу содержались в специальных тюрьмах и трудились под жесткими условиями как внутри заведений, так и вне их. По окончании срока каторги заключенные переводились на поселение в соответствующие регионы (п. 16 и 17) [1]. Продолжительность каторги обозначалась в годах и полугодиях. Осужденные на

бессрочную каторгу имели возможность быть переведенными в места поселения по прошествии пятнадцати лет при условии доброго поведения. Также после десяти лет проживания на поселении они могли рассчитывать на освобождение, если их поведение оставалось положительным (п. 22 и 23).

В советский период уголовное законодательство не предусматривало наказания в виде пожизненного лишения свободы. Эта форма наказания возникла в 1993 г. как альтернатива смертной казни, назначаемая в результате помилования. В ст. 57 УК РФ было

закреплено положение, согласно которому пожизненное заключение могло назначаться только вместо смертной казни за особо тяжкие преступления, угрожающие жизни. Суд мог применять такую меру, если считал возможным не прибегать к смертному наказанию. Однако ввиду моратория на применение смертной казни данное правило фактически не использовалось, и пожизненное лишение свободы стало рассматриваться как отдельный вид наказания за особо тяжкие преступления против жизни, включая убийство (ст. 105), покушение на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), покушение на жизнь судей и следователей (ст. 295), нападение на сотрудников правоохранительных органов (ст. 317) и геноцид (ст. 357).

Законодательные новеллы исполнения лишения свободы пожизненно и на сверхдлительные сроки

В настоящее время применение пожизненного лишения свободы в качестве самостоятельного вида наказания существенно расширено. Разделяя взгляды ряда современных ученых о том, что «состав преступления... обрисован не в отдельном пункте статьи Особенной части УК РФ, а в ее части» [2, с. 107], возможно заключить, что данный вид наказания может применяться по тридцати одному квалифицированному составу преступлений, предусмотренных ст. 105, 131, 132, 134, 205, 206, 210, 211, 228, 229, 275, 277, 279, 281, 295, 317, 357, 361 УК РФ.

Выделение пожизненного заключения как отдельного вида наказания предопределяет его более широкое использование в реальной практике. В настоящее время в местах лишения свободы содержатся около двух тысяч человек, осужденных к пожизненному лишению свободы, которые размещены в шести учреждениях для пожизненно осужденных и одном участке для осужденных к пожизненному лишению свободы при исправительной колонии [3].

Расширение практики применения пожизненного лишения свободы, обусловленного необходимостью уголовно-правовой защиты интересов личности, общества и государства от наиболее тяжких посягательств, неизбежно приводит к увеличению сети исправительных учреждений особого режима. Следует также учитывать, что такую необходимость, наряду с растущим числом особо тяжких преступлений террористической направленности, военных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества [4], обуславливают и возросшие полномочия судебных органов, которые могут назначать данное наказание не как исключение, а в обычном порядке [5]. Таким образом, изменения в законодательстве создали предпосылки для более активного использования данного вида наказания, что формирует потребность в создании дополнительных мест для содержания осужденных с учетом специфики их преступлений и уровня угрозы, которую они представляют для общества.

В настоящее время уже вполне отчетливо сформировано правовое поле для применения наказания в виде пожизненного лишения свободы, позволяющее более эффективно вести борьбу с наиболее опасными посягательствами на жизнь человека, общественную и государственную безопасность. Ужесточение карательной политики [6] в этом направлении является вполне оправданным ответом государства на нарастающую волну насилия и терроризма со стороны не только внутреннего криминала, но и международных преступных и экстремистских государств и сообществ. В условиях когда гибнут сотни и тысячи ни чем не повинных людей, разговоры о либерализации карательной политики являются неуместными.

Важно понимать, что пожизненное заключение не следует воспринимать как совершенно безусловное. Осужденные на такой срок все же имеют возможность на освобождение. Практически во всех развитых странах существует процедура условно-досрочного освобождения после отбывания определенного времени наказания. Длительность обязательного срока, который необходимо провести в заключении, варьируется в разных странах и может отличаться значительно.

Причем существуют и различные условия освобождения: в одних странах этих лиц сначала переводят в обычные места отбывания наказания, где они находятся совместно с другими категориями осужденных, а затем они выходят на свободу; в других – освобождают сразу и определяют их под контроль полиции и специальных органов по контролю за поведением.

Согласно ч. 5. ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит.

Следует подчеркнуть, что в России практика условно-досрочного освобождения этих лиц фактически не применяется. Кроме того, 8 января 2025 г. вступили в силу изменения в УК РФ, касающиеся ужесточения карательной политики в отношении лиц, совершивших квалифицированные преступления террористической направленности или вооруженного мятежа. В частности, внесенные Федеральным законом от 28.12.2024 № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменения в ч. 5 ст. 79 УК РФ исключили

возможность условно-досрочного освобождения для лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 279 и 361 УК РФ.

В специальных исследованиях обращается внимание на то, что и в отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы по иным составам, положения ч. 5 ст. 79 УК РФ об условно-досрочном освобождении применяются крайне редко. Например, как отмечает В. Ф. Грушин, «в России по не понятным исследователям причинам отказывают в условно-досрочном освобождении лицам, которые уже отбыли этот срок. Данное положение все больше актуализирует вопрос об изменении судебной практики об условно-досрочном освобождении этих лиц» [7, с. 12].

Таким образом, процесс накопления в местах лишения свободы указанной категории осужденных будет продолжаться еще неопределенное время, что вызовет необходимость дальнейшего развития сети специализированных учреждений, предназначенных для содержания лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы.

Прогнозирование роста числа осужденных к пожизненному заключению требует от уголовно-исполнительной системы масштабной организационной подготовки и существенных управленческих изменений. Если прогнозы оправдаются, перед пенитенциарным ведомством встанет задача не только строительства новых колоний особого режима, но и комплексного решения сопутствующих проблем [8], прежде всего финансовых. Это включает в себя строительство самих объектов, а также обеспечение их необходимой инфраструктурой: системами безопасности (включая видеонаблюдение, ограждения, контроль доступа), медицинским обеспечением, питанием, организацией трудовой деятельности осужденных (если таковая планируется), а также устройством помещений для персонала и организацией его работы в условиях соблюдения требований повышенной безопасности. Самым важным организационно-правовым направлением создания новых специализированных учреждений особого режима будет являться и их высокотехнологическое оснащение средствами наблюдения, контроля, охраны, безопасности и др. Цифровые технологии в области искусственного интеллекта, больших данных, дополненной реальности, роботизации (в перспективе даже и в области контроля сознания осужденных, например, через импланты виртуальной реальности) [9; 10] все шире внедряются в пенитенциарную практику.

В свою очередь, строительство значительного числа исправительных учреждений особого режима займет много времени и соответствующих ресурсов. В этих условиях ФСИН России столкнется с необходимостью разработки специальной программы развертывания системы данных исправительных учреждений, детального просчета необходимого фи-

нансового, материально-технического и кадрового обеспечения ее реализации, а также с потребностью внесения значительных изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты и правовые акты управления, например в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. и др.

Кроме того, возникнет необходимость в подготовке квалифицированных кадров: сотрудников охраны, медицинского персонала, психологов, социальных работников, специалистов по работе с осужденными, способных эффективно работать с особо опасными преступниками, отбывающими пожизненное наказание [11]. Предстоит разработка и внедрение новых методик работы с данной категорией заключенных, учитывающих специфику их психологического состояния и потенциальной опасности. Возможно, потребуются пересмотр существующих организационных регламентов и разработка новых правовых норм, регулирующих условия отбывания наказания в колониях особого режима.

Следует учитывать географическое расположение новых колоний. Их строительство должно быть оптимальным с точки зрения транспортной доступности, обеспечения безопасности и минимизации рисков для населения прилегающих территорий. Особое внимание необходимо уделить вопросам ресоциализации осужденных к пожизненному лишению свободы, хотя шансы на их успешную реинтеграцию в общество крайне низки. Это требует разработки специальных программ, ориентированных на минимизацию рисков рецидива и поддержку социальной адаптации, даже в условиях пожизненного заключения. Все эти аспекты требуют эффективной административно-управленческой деятельности со стороны ФСИН России, значительного финансового, кадрового и иного ресурсного обеспечения. Также необходимо провести всесторонний анализ существующей практики работы с осужденными к пожизненному лишению свободы в других странах и использовать лучший международный опыт.

Альтернативные подходы к исполнению пожизненного лишения свободы и сверхдлительных сроков

В настоящее время существуют различные альтернативные подходы к решению данной проблемы, связанные с изменением условий отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы. В этом вопросе есть смысл обратиться к зарубежному опыту, осознавая, что механический перенос его на российскую действительность невозможен, однако сама концепция заслуживает внимания. Речь идет о поэтапном отбывании пожизненного заключения в различных учреждениях, где предполагается постепенное смягчение условий изоляции и ограничений для этой группы осужденных. Осужденные к пожизненному лишению свободы, как правило, проводят определенный срок в специализированных учреждениях (длительность этого срока варьируется), после

чего их переводят в обычные исправительные заведения. Там они содержатся вместе с другими осужденными, с некоторыми правовыми ограничениями, которые могут быть более строгими, чем у основной массы заключенных [12].

В этом случае проблема строительства специальных учреждений для данных категорий осужденных не будет стоять так остро, как она обозначилась у нас сегодня. Но для такого решения нужны не только государственная воля по изменению законодательства, но еще и понимание и поддержка со стороны общества. В условиях неприменения наказания в виде смертной казни суровые условия отбывания наказания лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы, как бы компенсируют неудовлетворенность основной массы населения процессом либерализации карательной политики государства по отношению к наиболее опасным категориям преступников. Накал общественного негодования к террористам, серийным убийцам в настоящее время исключительно велик, поэтому любые спонтанные меры по либерализации условий отбывания ими пожизненного лишения свободы не только не найдут поддержки со стороны общества, но, наоборот, могут быть восприняты негативно, что вряд ли будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью в целом и с наиболее тяжкими видами преступлений в частности.

Поэтому при принятии решения о развитии карательной политики в указанном направлении следует проводить определенную разъяснительную работу: раз человека оставили жить, не применив к нему смертной казни, то государство и общество взяли на себя заботу не только о сохранении жизни преступника, но и о создании необходимых условий для ее продолжения.

Сейчас содержание одного лица, отбывающего пожизненное лишение свободы, обходится государству значительно дороже, чем остальных категорий осужденных (прежде всего за счет мер по изоляции и обеспечению безопасности). В этой связи следует согласиться с В. И. Селиверстовым в том, что в настоящее время «не должны остаться без внимания положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в которых выражается политика России по отношению к осужденным, отбывающим пожизненное лишение свободы. Уголовная политика по отношению к осужденным к пожизненному лишению свободы выражается не только в повышенных уголовно-правовых ограничениях для этих лиц, но и в возможности их условно-досрочного освобождения по истечении 25 лет» [13, с. 195]. При этом, как показывает практика деятельности колоний, где содержится данная категория преступников, не всем из них необходима жесткая изоляция. Есть много лиц, которые вполне могли бы в дальнейшем отбывать наказание в обычных колониях строгого или особого режимов, дожидаясь там истечения 25-летнего срока,

когда их могут освободить условно-досрочно. Такая точка зрения находит поддержку и в научной среде [14]. Так, например, Е. Н. Казакова считает, что «установленный законодательством двадцатипятилетний срок возможного условно-досрочного освобождения должен быть максимальным, минимальный срок необходимо понизить как минимум до семи лет» [15, с. 48].

Полагаем, что в современных условиях необходимо рассматривать данную идею как рабочую гипотезу, а детали ее реализации могут быть предметом конструктивного обсуждения. Одним из возможных решений может быть следующее: осужденный должен провести первые десять лет в специализированной колонии строгого режима. Если за этот период не будет зафиксировано нарушений правил отбывания наказания, он может перейти из обычных условий данной колонии в исправительное учреждение строгого или особого режима для дальнейшего отбывания наказания уже в обычных условиях этих заведений. Это могут быть или исправительные колонии, или учреждения, специально организованные для данной категории лиц, однако предпочтительней использовать обычные территориальные колонии.

При принятии такого решения в учреждениях особого режима будут содержаться три группы осужденных: 1) лица, совершившие новые преступления, находясь под пожизненным сроком; таких случаев немного, однако они действительно являются пожизненными заключенными; 2) категория нарушителей дисциплины; их перевод в обычные колонии откладывается в силу действующего законодательства и включает довольно значительное количество осужденных; 3) новички, которые ожидают завершения 10-летнего срока, чтобы подать заявку на перевод в колонии строгого или особого режима.

С учетом возможности перевода у осужденных к пожизненному лишению свободы возникнет стимул соблюдать закон, что улучшит атмосферу в учреждениях и позволит более эффективно проводить воспитательную работу.

Вопрос о пожизненном лишении свободы следует рассматривать с учетом осужденных с длительными сроками – 25 и 30 лет, что также фактически приближает их к пожизненному заключению, особенно при назначении наказаний по совокупности преступлений. Названные категории осужденных возможно в некотором смысле рассматривать в качестве единой специфической группы, к которой следует подходить с единых позиций в плане организации отбывания и исполнения наказаний [16].

В то же время при организации исполнения сверхдлительных сроков и пожизненного лишения свободы возможно применение различных подходов. Вполне обоснованным следует считать такой из них, при котором все категории осужденных первые десять лет лишения свободы будут отбывать наказание в строгих условиях и, может быть, в единых специаль-

ных учреждениях [7]. Затем, в зависимости от поведения, они могут переводиться в более облегченные условия и в другие учреждения либо продолжать находиться в специальных учреждениях в случае злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Такой подход справедлив и гуманен как для общества (опасные преступники находятся в длительной изоляции), так и для самих осужденных, которые смогут улучшить свои условия после первой декады отбывания. Кроме того, стоит рассматривать и иные варианты контроля, чтобы принимать обоснованные решения. Это позволит создать эффективную систему исполнения наказаний для осужденных к длительным срокам или пожизненному заключению. Оставлять существующее положение вещей (особенно при исполнении пожизненного лишения свободы) нецелесообразно со всех точек зрения: ни с экономической, ни с воспитательной, ни с профилактической.

Результаты

В заключение следует обратить внимание на то обстоятельство, что определенная гуманизация исполнения пожизненного лишения свободы и сверхдлительных сроков является общемировым явлением. В частности, в резюме Департамента по исполнению постановлений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) обращается внимание на то, что хотя Европейская конвенция о правах человека не запрещает назначение пожизненного заключения лицам, осужденным за особо тяжкие преступления, для того чтобы приговор соответствовал ст. 3 Конвенции, он

должен быть сокращаемым де-юре и де-факто. Это означает, что должна быть как перспектива освобождения для заключенного, так и возможность пересмотра. Основа такого пересмотра должна распространяться на оценку того, существуют ли законные пенологические основания для продолжительного заключения заключенного. В этой связи подчеркивается важность оценки прогресса, достигнутого заключенными в направлении реабилитации, поскольку именно здесь сейчас сосредоточен акцент европейской уголовной политики, что отражено в практике договаривающихся государств [17].

Полагаем, что законодательство криминального цикла должно предусматривать действенный организационно-правовой механизм первоначального пересмотра и исполнения приговоров к пожизненному лишению свободы и сверхдлительным срокам не позднее чем через двадцать пять лет после их вынесения, с периодическими пересмотрами после этого. При этом законодательные критерии и условия, относимые к пересмотру приговоров, должны иметь достаточную ясность и определенность, а сами осужденные к пожизненному заключению должны знать с самого начала отбывания наказания, что они должны сделать для возможного принятия решения об их освобождении и то, на каких условиях такое освобождение возможно. Подобный подход потребует решения сопутствующих организационно-правовых задач в области развития сети специальных учреждений, подготовки кадров и иного ресурсного обеспечения их функционирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. СПб., 1903. 253 с.
2. Иванчин А. В. Рамки состава преступления в Особой части УК РФ и вопросы его конструирования // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 103–110.
3. Список приговоренных к пожизненному заключению в России. URL: https://traditio.wiki/Список_приговоренных_к_пожизненному_заключению_в_России (дата обращения: 21.01.2025).
4. О совершении киевским режимом преступлений террористической направленности (доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1969025/ (дата обращения: 06.02.2025).
5. Солдат ВСУ получил пожизненный срок за расстрел трех пленных под Курском. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23185173?ysclid=m7g159vqcx556846553> (дата обращения: 19.02.2025).
6. Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий: В связи с проектом федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы». М., 2000. 83 с.
7. Грушин Ф. В., Зубкова В. И. Применение пожизненного лишения свободы: законодательное регулирование и практическая реализация // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 9–14.
8. Нагорных Р. В. Административная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: понятие, сущность и содержание // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 2 (50). С. 251–258.
9. U.S. Penitentiary Administrative Maximum – ADX Supermax. URL: <https://www.thoughtco.com/adx-supermax-overview-972970> (дата обращения: 09.02.2025).
10. ИИ позволит преступнику прожить эмоции жертв в качестве наказания. РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/667ad0169a79471fce952697?ysclid=m6xgct3m2m399820207> (дата обращения: 09.02.2025).
11. Нагорных Р. В., Васильева Я. В., Мельникова Н. А. Проблемы модернизации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях становления доктрины административного конституционализма в современной России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 4 (56). С. 791–801.
12. Зеленская О. О. Особенности назначения и исполнения пожизненного лишения свободы: опыт зарубежных стран // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 2 (12). С. 76–80.

13. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // *Lex Russica* (Русский закон). 2016. № 9 (118). С. 188–204.
14. Зубкова В. И. Некоторые проблемные вопросы наказания о пожизненном лишении свободы в законодательстве России // *Уголовно-исполнительное право*. 2019. Т. 14, № 1. С. 26–29.
15. Казакова Е. Н. Условно-досрочное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы: проблемы и пути их решения // *Вестник Владимирского юридического института*. 2008. № 3 (8). С. 40–49.
16. Зубков А. И. Социальное назначение и нормативное закрепление длительных сроков наказания в виде лишения свободы (тезисы выступления) // *Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф. (17–18 апреля 2002 г., Вологда)*. Вологда, 2002. С. 38–41.
17. Department for the Execution of Judgments of the European Court of Human Rights Service. Life imprisonment. Thematic factsheet. URL: <https://rm.coe.int/thematic-factsheet-life-imprisonment-eng/1680ab3b93> (дата обращения: 09.02.2025).

REFERENCES

1. *Novoe ugovolnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g.* [New Criminal Code approved on March 22, 1903]. Saint Petersburg, 1903. 253 p.
2. Ivanchin A.V. Frameworks of the composition of crime in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and issues of its constructs. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2014, no. 2, pp. 103–110. (In Russ.).
3. *Spisok prigovorenykh k pozhiznennomu zaklyucheniyu v Rossii* [List of those sentenced to life imprisonment in Russia]. Available at: https://traditio.wiki/Spisok_prigovorenykh_k_pozhiznennomu_zaklyucheniyu_v_Rossii (accessed January 21, 2025).
4. *O sovershenii kievskim rezhimom prestuplenii terroristicheskoi na-pravlenosti (doklad Ministerstva inostrannykh Rossiiskoi Federatsii)* [On the commission of terrorist crimes by the Kiev regime (report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1969025/ (accessed February 6, 2025).
5. *Soldat VSU poluchil pozhiznennyyi srok za rasstrel trekh plennykh pod Kurskom* [An VSU soldier received a life sentence for shooting three prisoners near Kursk]. Available at: <https://tass.ru/proisshestiya/23185173?ysclid=m7g159vcx556846553> (accessed February 19, 2025).
6. Zubkov A.I. *Karatel'naya politika Rossii na rubezhe tysyacheletii: V svyazi s proektom federal'nogo zakona "O vnesenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii izmenenii i dopolnenii po voprosam ugovolno-ispolnitel'noi sistemy"* [The punitive policy of Russia at the turn of the millennium: in connection with the draft federal law "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Issues of the Penal System"]. Moscow, 2000. 83 p.
7. Grushin F.V., Zubkova V.I. Life imprisonment: legislative regulation and practical implementation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2024, no. 4 (57), pp. 9–14. (In Russ.).
8. Nagornykh R.V. Administrative activity of bodies and institutions of the penal system: concept, nature and content. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 2 (50), pp. 251–258. (In Russ.).
9. *U.S. Penitentiary Administrative Maximum – ADX Supermax*. Available at: <https://www.thoughtco.com/adx-supermax-overview-972970> (accessed February 9, 2025).
10. AI will allow the perpetrator to experience victims' emotions as punishment. *RBK Life = RBC Life*. Available at: <https://www.rbc.ru/life/news/667ad0169a79471fce952697?ysclid=m6xgtc3m2m399820207> (In Russ.). (Accessed February 9, 2025).
11. Nagornykh R.V., Vasil'eva Ya.V., Mel'nikova N.A. Modernization issues of staffing the penal enforcement system in the context of formation of an administrative constitutionalism doctrine in modern Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 791–801. (In Russ.).
12. Zelenskaya O.O. Features of the appointment and execution of life imprisonment: experience of foreign countries. *Ius publicum et privatum: setevoy nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publicnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 2 (12), pp. 76–80. (In Russ.).
13. Seliverstov V.I. Criminal and criminal enforcement policy in the sphere of enforcement of imprisonment: novations in 2015. *Lex Russica = Russian Law*, 2016, no. 9 (118), pp. 188–204. (In Russ.).
14. Zubkova V.I. Some problematic issues of life imprisonment in Russian legislation. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2019, vol. 14, no. 1, pp. 26–29. (In Russ.).
15. Kazakova E.N. Parole when serving life imprisonment: problems and ways to solve them. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2008, no. 3 (8), pp. 40–49. (In Russ.).
16. Zubkov A.I. Social purpose and normative consolidation of long sentences of imprisonment (theses of the speech). In: *Lishenie svobody na dlitel'nyi srok i pozhiznenno: normotvorchestvo, pravoprimenenie, pravosoznanie: materialy nauch.-prakt. konf. (17–18 aprelya 2002 g., Vologda)* [Long-term and life imprisonment: rulemaking, law enforcement, legal awareness: materials of scientific and practical conference (April 17–18, 2002, Vologda)]. Vologda, 2002. Pp. 38–41. (In Russ.).
17. Department for the Execution of Judgments of the European Court of Human Rights Service. Life imprisonment. Thematic factsheet. Available at: <https://rm.coe.int/thematic-factsheet-life-imprisonment-eng/1680ab3b93> (accessed February 9, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА ЗУБКОВА – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, zybkovav.i@mail.ru

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

VALENTINA I. ZUBKOVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Law Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, zybkovav.i@mail.ru

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 19.02.2025

Правовые механизмы противодействия дезинформированию в рамках борьбы с пропагандой криминального образа жизни как отдельной субкультуры

ТАРАС ЛИВЕРИЕВИЧ ГОСУДАРЕВ

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, gostaras@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8163-6813>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу правовых механизмов противодействия дезинформированию в рамках борьбы с пропагандой криминального образа жизни как отдельной субкультуры. *Цель:* на основе обобщения теоретических, правовых, организационных и профилактических методов противодействия дезинформированию, направленному на распространение деструктивных субкультур, в том числе пропагандирующих криминальный образ жизни в качестве допустимого социального явления, выявить перспективные направления формирования устойчивого антикриминального мировоззрения. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: межотраслевой, системный, сравнительно-правовой, статистический, системно-структурный, социологический. *Результаты:* рассматриваются понятие криминального образа жизни, его социальная опасность и влияние на молодежь, а также роль правовых норм в предотвращении распространения дезинформации, поддерживающей такие взгляды. Исследуются действующие законодательные инициативы, проблемы правоприменения и предложения по улучшению правового регулирования в контексте борьбы с криминальной пропагандой. Кроме того, проводится анализ некоторых социально-экономических факторов, способствующих распространению деструктивной идеологии, в первую очередь в молодежной среде. *Выводы:* в борьбе с дезинформацией необходимо использование комплексного подхода, учитывающего как законодательные, так и воспитательные и просветительские меры. В целях снижения запроса отдельных социальных слоев на информацию такого рода важным элементом системы мер противодействия распространению деструктивной идеологии криминальной субкультуры становится решение социально-экономических проблем. Меры, направленные на формирование антикриминального мировоззрения, должны реализовываться не только правоохранительными органами, но и органами профилактики с привлечением общественных организаций при общем оздоровлении социально-экономической обстановки в стране.

Ключевые слова: криминальный образ жизни; субкультура; дезинформация; правовые механизмы; пропаганда; молодежь; правотворчество.

5.1.1. Теоретико-правовые исторические науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Государев Т. Л. Правовые механизмы противодействия дезинформированию в рамках борьбы с пропагандой криминального образа жизни как отдельной субкультуры // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 82–90. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.010.

Original article

Legal Mechanisms for Countering Disinformation in the Fight against the Promotion of a Criminal Lifestyle as a Subculture

TARAS L. GOSUDAREV

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, gostaras@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8163-6813>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of legal mechanisms for countering disinformation in the framework of combating propaganda of a criminal lifestyle as a separate subculture. *Purpose:* based on the generalization of theoretical, legal, organizational and preventive methods of countering disinformation aimed at spreading destructive subcultures, including those promoting a criminal lifestyle as an acceptable social phenomenon, to identify promising areas for the formation of a sustainable anti-criminal worldview. *Methods:* historical, comparative legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: interdisciplinary, systemic, comparative legal, statistical, system-structural, sociological. *Results:* the concept of a criminal lifestyle, its public danger and impact on young people and the role of legal norms in preventing the spread of disinformation that supports such views are considered. The article analyses current legislative initiatives, law enforcement issues, and proposals to improve legal regulation in the context of combating criminal propaganda. In addition, some socio-economic factors contributing to the spread of the destructive ideology, primarily among young people, are identified. *Conclusion:* the fight against disinformation should be based on an integrated approach that takes into account both legislative and educational measures. To reduce the demand of certain social strata for information of this kind, solving socio-economic problems is an important element of the system of measures to counter the spread of a destructive ideology of the criminal subculture. Measures aimed at forming an anti-criminal worldview should be implemented not only by law enforcement agencies, but also by prevention agencies with the involvement of public organizations.

Keywords: criminal lifestyle; subculture; disinformation; legal mechanisms; propaganda; the youth; law-making.

5.1.1. Theoretical and legal historical sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Gosudarev T.L. Legal mechanisms for countering disinformation in the fight against the promotion of a criminal lifestyle as a subculture. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 82–90. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.010.

Введение

Субкультуры, поддерживающие криминальный образ жизни, с каждым годом становятся все более заметным элементом в структуре общества. Среди угроз, исходящих от таких субкультур, особое место занимает их способность распространять дезинформацию, которая формирует у молодежи ложное восприятие о привлекательности криминальной жизни. Пропаганда таких идеологий часто осуществляется через интернет-платформы, средства массовой информации и другие каналы коммуникации, что создает угрозу общественной безопасности и стабильности. В связи с этим правовые механизмы противодействия дезинформированию в рамках борьбы с криминальной пропагандой требуют тщательного анализа и совершенствования.

Понятие криминального образа жизни как субкультуры

Криминальный образ жизни представляет собой систему норм, ценностей и установок, которая оправдывает нарушение закона и ведение преступной деятельности. Такая субкультура формирует у своих членов стойкие представления о том, что преступление является не только оправданным, но и выгодным способом достижения личных целей. Это приводит к искажению представлений о праве и справедливости, что в свою очередь способствует росту преступности, особенно в молодежной среде.

Отечественные исследователи Ф. Р. Хисамутдинов и А. Е. Шалагин определяют криминальную субкультуру как искаженную под воздействием преступного мира систему ценностей, обычаев, традиций,

норм и правил поведения, что способствует организации и управляемости преступными группами и сообществами [1, с. 46]. Как отмечают Я. Е. Кноль и В. Ю. Бритик, криминальная субкультура формируется в первую очередь среди маргинализованных групп населения, в которые зачастую попадают молодые люди из неблагополучных семей и лица, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. При этом криминальная субкультура может ассоциироваться с образом «крутого парня», что способствует ее распространению среди молодых людей, которые стремятся к самоутверждению и признанию [2].

Современные криминальные субкультуры, такие как, например, признанное в России экстремистским движение АУЕ, широко распространены в Интернете, где распространение информации о криминальных подвигах и «героях» становится элементом поддержания внутренней идентичности групп. Таким образом, дезинформация, поддерживающая криминальный образ жизни, играет ключевую роль в обеспечении жизнеспособности таких сообществ.

Важно понимать, что молодежь является наиболее подверженным деструктивному влиянию дезинформации, формирующей ложные установки и убеждения, слоем населения. Примечательно, что идеи, романтизирующие криминальный образ жизни, нередко распространяются в среде лиц, не имевших криминального прошлого.

С точки зрения психологии, как это отмечают А. М. Рябков и Ю. А. Токарева со ссылкой на исследования американских ученых Р. Мертона, Р. Клаурда и Л. Оулина, в качестве основных причин развития криминальной субкультуры выделяют существующие противоречия в общественной жизни. Так, например, противоречие между ценностями, навязываемыми обществом, и возможностями для их достижения по установленным этим обществом правилам, наряду с различием ценностей низших слоев и ценностями среднего класса, которые становятся основой законов и кодексов, является предпосылкой для распространения криминальной субкультуры. При этом современные зарубежные психологи указывают на потребность подростков в принадлежности к сильной группе и яркому лидеру, который сам формирует законы и принципы взаимодействия, не подчиняясь общепризнанным нормам [3, с. 11–12]. При этом психологические основы формирования криминальной субкультуры состоят из внешних и внутренних факторов. Первые основываются на воздействии на подрастающее поколение привлекательности асоциального поведения как самостоятельности и свободы, а вторые – возрастных особенностях развития личности и потребности в самовыражении [3, с. 12].

Проблемы распространения дезинформации и ее влияние на общество

Дезинформация, поддерживающая криминальные ценности, может быть представлена в различных формах: от фальшивых рассказов о героизме пре-

ступников до искаженных представлений о жизни в тюрьме и правилах криминального мира. Эта информация распространяется через блоги, социальные сети, видеоконтент и другие современные медиаплатформы, что делает борьбу с ней особенно сложной.

Примечательно, что молодые люди, привлеченные к уголовной ответственности, в первую очередь получают информацию о криминальной субкультуре из Интернета и социальных сетей. При этом школьники, отбывающие наказание условно, в отличие от лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, в большинстве своем указывают на использование в своей речи криминального жаргона и обращений по прозвищам, а также зачастую слушают музыкальные произведения, пропагандирующие тюремную романтику и криминальный образ жизни. Кроме того, среди условно осужденных несовершеннолетних чаще наблюдается следование неофициальным законам, нормам и правилам. Данное явление частично может быть объяснено проводимой в воспитательных колониях работой по пресечению распространения криминальной идеологии [3, с. 14–16].

Молодежь, наиболее уязвимая к подобной пропаганде, часто не имеет достаточных знаний и критического подхода для оценки информации. В результате формируется ложное представление о криминальной жизни как о не только легитимной, но и привлекательной альтернативе традиционным путям достижения успеха.

Отметим, что проблема вовлеченности подрастающего поколения в криминальные субкультуры характерна для многих стран мира. Так, А. А. Реан и И. А. Коновалов приводят в качестве примеров группировки несовершеннолетних в США, Латинской Америке и странах Карибского бассейна, Канаде, Европе, Китае, Гонконге, Африке и Австралии. При этом в США возникновение молодежных преступных группировок связывается с социальными и экономическими причинами: поиском безопасности и желанием заработать [4, с. 194]. Европейские молодежные криминальные группировки меньше по составу в сравнении с американскими и демонстрируют меньшие показатели преступности. Зачастую в их описании речь идет о субкультуре, сетях знакомств и проблемном поведении [4, с. 195]. Китайские подростковые криминальные субкультуры отличаются низкой организованностью, недолговременным пребыванием членов в их составе, территориальной привязкой и совершением преступлений в общественных местах, не представляющих особой опасности, но способных повлечь суровое наказание в соответствии с законодательством. В Гонконге большинство криминальных молодежных субкультур получают финансовую и организационную поддержку от «триад» (исторически сложившихся группировок организованной преступности) [4, с. 196]. Для Австралии характерно наличие этнических конфликтов в молодежной среде крими-

нальных субкультур, защищающих свою территорию и внутригрупповой статус [4, с. 199]. В африканских странах наличие подростковых криминальных субкультур связывается со сложным социально-политическим положением в регионе, что делает их сложно отличимым от гражданских конфликтов политического характера. При этом в ЮАР на фоне роста количества преступных группировок выявлена корреляция между опытом пребывания в местах лишения свободы и вовлеченностью в преступные группировки [4, с. 199].

Таким образом, основой формирования криминальной субкультуры в большей степени являются социальные проблемы общества. Однако формирование ложных убеждений о допустимости криминального образа жизни осуществляется путем распространения деструктивной идеологии. Примечательно, что зачастую распространение идей, романтизирующих криминальный образ жизни, осуществляется не в процессе взаимодействия с лицами, имевшими судимость, а в Интернете.

А. А. Глухова и Д. А. Шпилев выделяют пять основных приемов, используемых модераторами сайтов:

- 1) подмена традиционных ценностей идеологией преступного мира;
- 2) пропаганда социопатических установок;
- 3) принуждение пользователя к регистрации на сайте;
- 4) пропаганда агрессивного поведения;
- 5) формирование стойкого иронично-отрицательного отношения к представителям правоохранительной системы [5, с. 1646].

Модераторы сайтов в этом случае выступают в роли лиц, создающих условия для деятельности криминальной субкультуры, а не непосредственно организаторами самой деятельности [5, с. 1650].

Исследователи выделяют шесть этапов вовлечения подростков в субкультуру:

- 1) первое знакомство с материалами сайта с целью вызвать интерес к контенту;
- 2) регистрация на сайте, где с использованием приема «на слабо» («Это сайт для настоящих пацанов», «Геи здесь не ходят» и т. д.);
- 3) разговор об общечеловеческих ценностях, заключающийся в обсуждении правил поведения настоящих мужчин и женщин;
- 4) подмена традиционных ценностей идеологией преступного мира, что начинается с тезисов, с которыми невозможно не согласиться;
- 5) пропаганда социальных установок, в процессе которой формируется готовность игнорировать и нарушать права других людей;
- 6) разъяснение блатных обычаев и особого статуса вора в законе.

Таким образом, данная система способна формировать управляемых бойцов с четкими социопатическими, антиправоохранительными установками [5, с. 1656]. Как показывает вышеприведенный ана-

лиз, распространение идеологии криминальных субкультур в Интернете представляет собой социально опасное явление, которое способно повлечь общую криминализацию общества, в особенности подрастающего поколения.

Правовые механизмы противодействия дезинформированию

На текущий момент в российском законодательстве существуют различные нормы, направленные на борьбу с пропагандой насилия, преступности и экстремизма, однако они не всегда эффективно противодействуют дезинформации, связанной с криминальными субкультурами.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с по иску Генерального прокурора Российской Федерации международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» признано экстремистским и его деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Данное решение имеет ряд правовых последствий не только для членов экстремистской организации, но и лиц, осуществляющих ее пропаганду.

При этом стоит отметить факт несоответствия определения, указанного в решении Верховного Суда Российской Федерации, дефинициям, приведенным в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и УК РФ. Согласно данному федеральному закону приводится определение экстремистской организации при отсутствии дефиниции понятия движения [6, с. 76].

Ключевыми нормами, регулирующими вопросы борьбы с пропагандой криминальных идеологий, являются статьи УК РФ, направленные на пресечение деятельности, связанной с призывами к насилию, разжиганием ненависти или вражды. Важно, что эти статьи касаются не только прямых призывов к совершению преступлений, но и косвенной пропаганды криминального образа жизни. Однако их применение на практике сталкивается с трудностями, связанными с определением границ между свободой слова и уголовно наказуемыми действиями. Кроме того, как отмечают М. П. Клейменов, М. Г. Козловская, А. И. Савельев, нормы уголовного права предусматривают ответственность за организацию деятельности не только экстремистской организации в соответствии со ст. 282.2, но и экстремистского сообщества в соответствии со ст. 282.1 УК РФ. В связи с чем возникает вопрос квалификации деятельности движения «АУЕ» в качестве сообщества или организации [7, с. 76].

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в прямой форме не разъяснен вопрос квалификации движения «АУЕ» в качестве организации или сообщества, однако раскрыты понятия экстремистской организации и экстремистского сообщества. Под экстремистским

сообществом понимается устойчивая группа лиц, объединившихся в целях подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, в то время как экстремистская организация должна быть включена в специальный перечень экстремистских организаций, подлежащий обязательному опубликованию. В перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», включено и международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (п. 78). Как показывает правоприменительная практика, квалификация преступных деяний за организацию деятельности ячеек экстремистского движения «АУЕ» зачастую осуществляется по ст. 282.1 УК РФ [7–9]. Однако имеется также практика квалификации преступной деятельности, связанной с движением «АУЕ», по ст. 282.2 УК РФ в качестве организации деятельности экстремистской организации [10; 11].

Таким образом, в некоторых случаях возможна конкуренция норм ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, на что справедливо указывает С. А. Юдичева. При этом экстремистское сообщество является более опасным преступным объединением, и если сузить круг преступлений, указав на их категориальную принадлежность к тяжким или особо тяжким преступлениям экстремистской направленности, то можно рассматривать в качестве самостоятельного преступления организацию экстремистского сообщества в соответствии со ст. 282.1 УК РФ, пусть и на основе организации, признанной судом экстремистской [12, с. 112–113].

Таким образом, за организацию деятельности ячеек движения, пропагандирующего криминальный образ жизни, установлена уголовная ответственность. Однако ответственность за распространение данного рода деструктивной идеологии не ограничивается нормами уголовно-правового характера.

Особое место в борьбе с криминальной пропагандой занимают административные меры, такие как блокировка сайтов и удаление контента, содержащего криминальную пропаганду. Однако в условиях быстрого роста цифровых технологий и распространения дезинформации через анонимные платформы эти меры оказываются недостаточно эффективными без должного контроля за контентом и реализации комплексных мониторинговых мероприятий.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные материалы международной организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экс-

тремистской деятельности» понимаются как распространяемые с нарушением закона и подлежат блокировке ограничен. В связи с чем для ограничения доступа к информационным ресурсам, содержащим информационные материалы движения «АУЕ». Ю. Б. Носова отмечает тот факт, что внесудебный порядок ограничения применим к информационным материалам, перечисленным в п. 1 и 3 ч. 5 ст. 15.1 отмеченного выше федерального закона [13, с. 171]. Информационные материалы организации, признанной решением суда запрещенной на территории Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремизму», отсутствуют в данном перечне, в связи с чем внесудебный порядок ограничения доступа к таким информационным материалам не применим.

В настоящее время сложилась судебная практика признания информационных материалов движения «АУЕ» запрещенными к распространению на территории Российской Федерации, о чем свидетельствуют публикации в средствах массовой информации и на официальных сайтах органов местного самоуправления в сети Интернет [14–16].

Стоит также отметить, что помимо мер административного характера, направленных на пресечение распространения информационных материалов движения «АУЕ», в отечественном законодательстве предусмотрена ответственность в соответствии с КоАП РФ. Примеры символики рассматриваемой запрещенной организации приведены в описательной части решения Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с. За демонстрацию атрибутики или символики запрещенной организации предусмотрена ответственность в соответствии со ст. 20.3 КоАП РФ. Примечательно, что ответственность наступает не только за публикацию информационных материалов в сети Интернет, но и за демонстрацию такой символики в ходе межличностного общения или в публичных местах. Так, одним из элементов символики движения «АУЕ» является восьмиконечная звезда, которая может присутствовать на теле некоторых лиц, находившихся в учреждениях уголовно-исправительной системы. В связи с чем демонстрация данной символики третьим лицам, в том числе находящимся в одном исправительном учреждении, является административным правонарушением. О наличии правоприменительной практики в отношении лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, свидетельствует наличие публикаций в средствах массовой информации и официальных сайтах судов [17; 18]. Примечательно, что неоднократная пропаганда либо демонстрация символики лицом, привлеченным к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, подразумевают уголовную ответственность в соответствии со ст. 282.4 УК РФ. В качестве примера можно привести вынесение приговора Р. И. Биттуеву за публикацию своих фотографий, содержащих изображение подо-

зреваемого с открытыми участками тела, на которые нанесены перманентные изображения (татуировки) символики движения «АУЕ» в профиле сервиса мгновенного обмена сообщениями [19].

Привлечение к административной ответственности за пропаганду движения «АУЕ» занимает значительный удельный вес среди общего количества правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП

РФ, в правоприменительной практике правоохранительных органов. Так, в Пермском крае количество зарегистрированных правонарушений по фактам пропаганды движения «АУЕ» от общего количества правонарушений по фактам публичной демонстрации нацистской символики и символики запрещенных организаций в 2022 и 2023 гг. составляет более 40 % (диагр.).

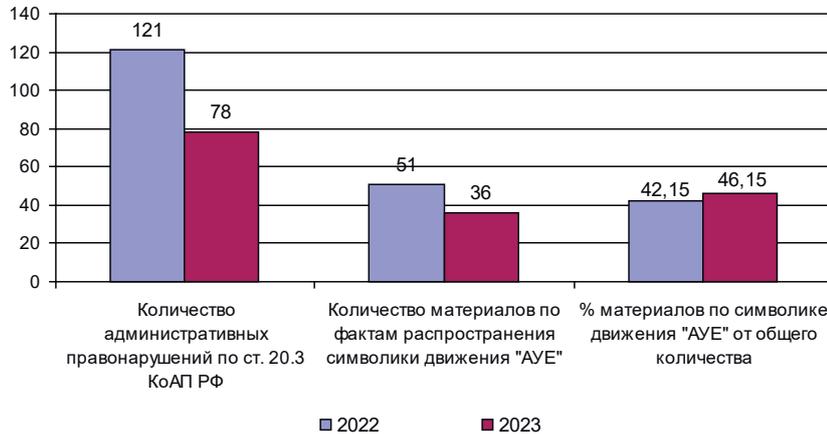

Диаграмма. Статистика административных правонарушений по фактам демонстрации запрещенных символов

Возможные пути совершенствования правовых механизмов противодействия дезинформации, направленной на пропаганду криминального образа жизни.

Для более эффективного противодействия дезинформации и пропаганде криминальных субкультур необходимо следующее:

1. Разработать более четкие критерии для определения и пресечения дезинформации, направленной на пропаганду криминального образа жизни, с учетом современных реалий цифрового общества. Так, например, список символики криминальной субкультуры «АУЕ», описанный в судебном решении о признании движения экстремистским, ограничивается восьмиконечной звездой с черно-белыми лучами и эполетами с головой тигра, восьмиконечной звездой, крыльями и свастикой. Данный факт не позволяет привлекать к ответственности лиц, публикующих информационные материалы, пропагандирующие криминальную идеологию с использованием символики, не включенной в судебное решение, без проведения дополнительного исследования. При этом на практике возникают трудности в назначении исследования графических материалов, так как в системе МВД России отсутствуют эксперты соответствующего направления, способные дать квалифицированное заключение о принадлежности символики к экстремистской организации.

2. Усилить контроль за интернет-платформами, на которых распространяется криминальная информа-

ция, путем внедрения новых технологий для мониторинга и блокировки контента. В целях повышения безопасности информационного пространства считаем целесообразным применение компьютерных систем мониторинга, в том числе основанных на использовании технологий искусственного интеллекта. При этом важным аспектом применения таких технологий будет их правовое регулирование. Как справедливо отмечают отечественные исследователи, правовое регулирование систем искусственного интеллекта находится на этапе разработки [20, с. 25], а вопрос правосубъектности искусственного интеллекта в настоящее время остается дискуссионным [20, с. 32–35]. Наделение компьютерных технологий возможностями принятия решений, например об отнесении информационного материала к категории запрещенного, даже с некоторой долей вероятности может иметь экономические последствия для его автора (например, снижение охвата аудитории в Интернете как следствие снижения привлекательности информационного источника для рекламодателей), что делает вопрос правосубъектности искусственного интеллекта особенно острым.

3. Образовательные программы, направленные на воспитание критического мышления у молодежи и предупреждение вовлечения в криминальные субкультуры, способны сократить число лиц, проявляющих интерес к деструктивной идеологии. В целях повышения эффективности борьбы с распространением криминальной субкультуры путем дезин-

формирования населения считаем перспективным направлением проведение профилактической работы в наиболее подверженных воздействию данной субкультуры молодежных коллективах в рамках государственных, региональных и муниципальных программ, с привлечением не только представителей системы образования, но и органов государственной власти, в том числе правоохранительных органов, местного самоуправления и общественных организаций. В данных целях правовое обеспечение профилактической деятельности будет играть роль связующего звена, регламентирующего обязанности и ответственность каждого участника этого процесса.

4. Борьба с социальными предпосылками распространения криминальной субкультуры в молодежной среде может стать одним из наиболее эффективных методов противодействия этому явлению. Как показывают исследования, наибольшее распространение криминальная субкультура получает в наименее благоприятной экономической и политической среде. Как было уже упомянуто выше, недостижимость законными методами навязываемых обществом материальных благ толкает людей на криминальные действия. Поэтому важной задачей государства становится формирование благоприятной экономической и социальной обстановки в обществе, развитие систем социальных лифтов и их доступности для населения, в том числе из низших социальных слоев, а также информирование населения о таких возможностях. Правовое обеспечение этих процессов и правоприменительная практика должны стать гарантом достижения заявленных целей.

5. Законодательное установление юридической ответственности для создателей и распространителей материалов, пропагандирующих криминальные идеологии, через более жесткое регулирование медиаплатформ может иметь значительный успех в борьбе с дезинформацией о допустимости криминального образа жизни. При этом возложение от-

ветственности на цифровые площадки и средства массовой информации в целях защиты прав и свобод граждан, организаций и общества в целом может осуществляться на принципах деятельности саморегулируемых организаций, когда репутационные и экономические издержки нарушителя будут несопоставимо выше уголовно-правовых и административных мер наказания, установленных законодательством, что будет вынуждать их следовать жестким этическим нормам мониторинга и фильтрации публикуемой информации.

Заключение

В целях формирования устойчивого антикриминального мировоззрения населения, прежде всего в молодежной среде, необходимо дальнейшее общетеоретическое исследование проблемы в рамках не только юридической науки, но и социальных, экономических, культурологических педагогических и политических наук. В рамках настоящего исследования удалось выявить основные направления совершенствования правовых механизмов противодействия дезинформированию, направленному на пропаганду криминального образа жизни. Противодействие распространения деструктивной идеологии, пропагандирующей криминальный образ жизни, является сложной задачей, требующей комплексного подхода, включающего в себя не только совершенствование нормативно-правовой основы деятельности в этом направлении и правоприменительной практики, но и сочетание профилактических мероприятий с решением социально экономических проблем. Правовые механизмы противодействия дезинформированию и пропаганде криминального образа жизни должны быть комплексными и интегрированными, охватывающими как законодательные меры, так и общественные инициативы. Борьба с такими явлениями требует не только принятия новых законов, но и развития эффективных методов правоприменения, а также формирования у граждан устойчивого антикриминального мировоззрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46–52.
2. Кноль Я. Е., Бритик В. Ю. Распространение ценностей и идеалов криминальной субкультуры среди молодых людей с помощью современных музыкальных жанров // Молодой ученый. 2024. № 47 (546). С. 199–201. URL: <https://moluch.ru/archive/546/119459/> (дата обращения: 21.11.2024).
3. Рябков А. М., Токарева Ю. А. Психологические основания распространения криминальной субкультуры среди учащихся, привлеченных к уголовной ответственности // Lurian Journal. 2022. № 3 (3). С. 9–21.
4. Реан А. А., Коновалова И. А. Проблема вовлеченности детей и подростков в криминальные субкультуры в зарубежных исследованиях // Мир психологии. 2019. № 2 (98). С. 193–207.
5. Глухова А. А., Шпилев Д. А. Роль модераторов сайтов, посвященных тематике АУЕ, в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1646–1660.
6. Клейменов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2020. № 4. С. 75–80.
7. В России вынесли первый приговор за создание ячейки АУЕ. РИА Новости : официальный сайт информационного агентства. URL: <https://ria.ru/20200909/prigovor-1576986803.html> (дата обращения: 24.11.2024).

8. В Республике Крым в отношении сторонников криминальной субкультуры АУЕ возбуждено уголовное дело за организацию и участие в деятельности экстремистской организации (ВИДЕО). URL: <https://crim.sledcom.ru/news/item/1781447/> (дата обращения: 24.11.2024).
9. На Урале основателя публика об АУЕ приговорили к семи годам колонии. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/9410635> (дата обращения: 24.11.2024).
10. Приговор № 1-38/2023 от 10.08.2023 по делу № 1-38/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/> (дата обращения: 24.11.2024).
11. Вынесен приговор по уголовному делу в отношении участника экстремистского сообщества «АУЕ» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=91340353> (дата обращения: 24.11.2024).
12. Юдичева С. А. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 219 с.
13. Носова Ю. Б. Основания для признания информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению: некоторые проблемы правоприменительной практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 169–177.
14. Сайт с пропагандой АУЕ заблокировали по решению суда в Югре. URL: <https://tass.ru/ural-news/10257951> (дата обращения: 25.11.2024).
15. Суд в Юсьве заблокировал сайт о тюрьме за пропаганду АУЕ. URL: <https://properm.ru/news/2023-02-14/sud-v-yusve-zablokiroval-sajt-o-tyurme-za-propagandu-ae-2683360> (дата обращения: 25.11.2024).
16. По иску межрайонной прокуратуры интернет-страницы, пропагандирующие субкультуру «АУЕ», признаны запрещенными к распространению на территории Российской Федерации. URL: <https://admpreslav.ru/po-isku-mezhrayonnoy-prokuratury-internet-stranicy-propagandiruuy> (дата обращения: 25.11.2024).
17. Заключенных с татуировками начали массово штрафовать за пропаганду криминала. URL: <https://rg.ru/2021/08/10/zakliuchennyh-s-tatuirovkami-nachali-massovo-shtrafovat-za-propagandu-kriminala.html> (дата обращения: 25.11.2024).
18. За публичную демонстрацию нацистской символики и символики экстремистской организации лицо привлечено к административной ответственности. URL: https://civilsky.chv.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1 (дата обращения: 25.11.2024).
19. Решение от 28.12.2023 по уголовному делу № 1-406/2023. URL: https://baksanskyray--kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=55402766&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 25.11.2024).
20. Трохов М. С., Колоскова О. А., Глазов И. Д. Гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации // Юридические исследования. 2023. № 3. С. 24–39.

REFERENCES

1. Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Criminal subculture and its prevention. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2015, no. 2 (20), pp. 46–52. (In Russ.).
2. Knol' Ya.E., Britik V.Yu. Dissemination of values and ideals of criminal subculture among young people through modern musical genres. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2024, no. 47 (546), pp. 199–201. Available at: <https://moluch.ru/archive/546/119459/> (In Russ.). (Accessed November 21, 2024).
3. Ryabkov A.M., Tokareva Yu.A. Psychological grounds for spreading criminal subculture among schoolchildren brought to criminal responsibility. *Lurian Journal*, 2022, no. 3 (3), pp. 9–21. (In Russ.).
4. Rean A.A., Konovalova I.A. The problem of involvement of children and adolescents in criminal subcultures in foreign studies. *Mir psikhologii = The world of Psychology*, 2019, no. 2 (98), pp. 193–207. (In Russ.).
5. Glukhova A.A., Shpilev D.A. The role of moderators of websites dedicated to the topic of АУЕ in the formation of sociopathic and illegal attitudes among adolescents and the youth. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 1,646–1,660. (In Russ.).
6. Kleimenov M.P., Kozlovskaya M.G., Savel'ev A.I. "АУЕ" extremist criminal community. *Vestnik OmGU. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, no. 4, pp. 75–80. (In Russ.).
7. In Russia, the first sentence was passed for the creation of an АУЕ cell. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait informatsionnogo agentstva* [RIA Novosti: official website]. Available at: <https://ria.ru/20200909/prigovor-1576986803.html> (In Russ.). (Accessed November 24, 2024).
8. *V Respublike Krym v otnoshenii storonnikov kriminal'noi subkul'tury АУЕ vzbuzhdeno ugovnoe delo za organizatsiyu i uchastie v deyatel'nosti ekstremistskoi organizatsii (VIDEO)* [In the Republic of Crimea, a criminal case has been opened against supporters of the АУЕ criminal subculture for organizing and participating in the activities of an extremist organization (VIDEO)]. Available at: <https://crim.sledcom.ru/news/item/1781447/> (accessed November 24, 2024).
9. *Na Urale osnovatelya pabluka ob АУЕ prigovorili k semi godam kolonii* [In the Urals, the founder of a public page about АУЕ was sentenced to seven years in prison]. Available at: <https://tass.ru/proisshestiya/9410635> (accessed November 24, 2024).
10. *Prigovor No. 1-38/2023 ot 10.08.2023 po delu No. 1-38/2023* [Verdict No. 1-38/2023 of August 10, 2023 in case No. 1-38/2023]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/> (accessed November 24, 2024).
11. A verdict was passed in a criminal case against a member of the "АУЕ" extremist community. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=91340353> (In Russ.). (Accessed November 24, 2024).

12. Yudicheva S.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu ekstremistskogo soobshchestva i uchastie v nem: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for organizing an extremist community and participating in it: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 219 p.
13. Nosova Yu.B. Grounds for the recognition of information posted to the internet, forbidden to distribution: some problems of law enforcement practice. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2022, no. 2 (49), pp. 169–177. (In Russ.).
14. *Sait s propagandoi AUE zablokirovali po resheniyu suda v Yugre* [The AUE propaganda website was blocked by the court decision in Ugra]. Available at: <https://tass.ru/ural-news/10257951> (accessed November 25, 2024).
15. *Sud v Yus've zablokiroval sait o tyur'me za propagandu AUE* [The court in Moscow blocked the prison website for propaganda of the AUE]. Available at: <https://properm.ru/news/2023-02-14/sud-v-yusve-zablokiroval-sayt-o-tyurme-za-propagandu-ae-2683360> (accessed November 25, 2024).
16. *Po isku mezhrayonnoi prokuratury internet-stranitsy, propagandiruyushchie subkul'turu «AUE», priznany zapreshchennymi k rasprostraneniyu na territorii Rossiiskoi Federatsii* [According to the claim of the interdistrict prosecutor's office, Internet pages promoting the AUE subculture have been declared prohibited for distribution on the territory of the Russian Federation]. Available at: <https://admpereslavl.ru/po-isku-mezhrayonnoy-prokuratury-internet-stranicy-propagandiruy> (accessed November 25, 2024).
17. *Zaklyuchennykh s tatuirovkami nachali massovo shtrafovat' za propagandu kriminala* [Prisoners with tattoos began to be massively fined for criminal propaganda]. Available at: <https://rg.ru/2021/08/10/zaklyuchennykh-s-tatuirovkami-nachali-massovo-shtrafovat-za-propagandu-kriminala.html> (accessed November 25, 2024).
18. *Za publichnyuyu demonstratsiyu natsistskoi simboliki i simboliki ekstremistskoi organizatsii litso privlecheno k administrativnoi otvetstvennosti* [A person has been brought to administrative liability for publicly displaying Nazi symbols and symbols of an extremist organization]. Available at: https://civilsky.chv.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1 (accessed November 25, 2024).
19. Reshenie ot 28.12.2023 po ugolovnomu delu No. 1-406/2023 [Decision of December 28, 2023 in criminal case No. 1-406/2023]. Available at: https://baksanskyray--kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=55402766&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (accessed November 25, 2024).
20. Trokhov M.S., Koloskova O.A., Glazov I.D. Civil law regulation of artificial intelligence in the Russian Federation. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2023, no. 3, pp. 24–39. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТАРАС ЛИВЕРИЕВИЧ ГОСУДАРЕВ – адъюнкт Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, gostaras@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8163-6813>

TARAS L. GOSUDAREV – Adjunct at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, gostaras@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8163-6813>

Статья поступила 27.11.2024

Научная статья

УДК 343.82:159.9

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.011

Актуальность исследования проблемного вопроса покамерного размещения и содержания осужденных

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
mr.kazberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>

Реферат

Введение: вопрос покамерного размещения и содержания осужденных имеет достаточно давнюю историю, являясь актуальным в связи не только с конфликтным поведением осужденных в условиях длительной социальной депривации, но и необходимостью пресечения (профилактики) идеологии экстремизма в исправительных учреждениях тюремного типа и запираемых помещениях. *Цель:* определение актуальности и значимости вопроса покамерного размещения и содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях. *Материалы и методы:* обзорно-аналитический метод, реализующий теоретико-методический анализ имеющихся научно-литературных источников, а также констатирующий эмпирический метод, регламентирующий анализ организационно-методических и нормативно-правовых источников. *Результаты:* проанализированы теоретико-методические источники по изучаемому вопросу. Сделан вывод об актуальности и значимости вопроса покамерного размещения и содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях. Описан опыт психологической работы (диагностической и коррекционной) в пенитенциарных учреждениях Брянской и Владимирской областей. *Выводы:* авторы статьи считают, что для предотвращения возможных проблем покамерного размещения осужденных необходимо учитывать интенсивность прошлой преступной деятельности осужденных, ее вид; отбывание наказания в прошлом; личностные особенности; вероисповедание; социокультурный уровень развития; наличие психических аномалий; наличие категорий профилактического учета; отношение к мерам воздействия, труду, режиму. Определены механизмы групповой динамики поведения и реализации ротации размещения осужденных. Даны рекомендации по решению проблемы неструктурированного времени осужденных посредством трудовой занятости; диагностирования истинных намерений и замыслов групп осужденных; формирования навыков толерантного и бесконфликтного поведения осужденных и т.д.

Ключевые слова: осужденные; покамерное размещение; идеология экстремизма и терроризма; деструктивное поведение; конфликты; социальная депривация; психологи; тюрьмы; уголовно-исполнительная система.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Казберов П. Н. Актуальность исследования проблемного вопроса покамерного размещения и содержания осужденных // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 91–97. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.011.

Relevance of Studying a Problematic Issue of Placing and Detaining Convicts in Cell-Type Premises

PAVEL N. KAZBEROV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, mr.kazberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>

Abstract

Introduction: the issue of placing and detaining convicts in cell-type premises has a long history, being relevant not only due to the conflict behavior of convicts in conditions of long-term social deprivation, but also due to the need to suppress (prevent) the ideology of extremism in prison-type correctional institutions. *Purpose:* to determine the relevance and significance of the issue of placing and detaining convicts in cell-type premises in penitentiary institutions. *Materials and methods:* a review-analytical method including a theoretical and methodological analysis of available scientific and literary sources, as well as an ascertaining empirical method regulating the analysis of organizational-methodological and normative-legal sources. *Results:* all available theoretical and methodological sources on the studied problematic issue are analyzed. The conclusion about the relevance and significance of the issue of cell placement and detention of convicts in penitentiary institutions is substantiated. The experience of psychological work (diagnostic and correctional) in penitentiary institutions of ерцBryansk and Vladimir oblasts is described. *Conclusion:* to prevent possible problems of cell placement of convicts, it is necessary to take into account the intensity of past criminal activity of convicts and its type; serving a sentence in the past; personal characteristics; religion; socio-cultural development level; presence of mental anomalies; presence of categories of preventive registration; attitude to measures of influence, labor, and regime. The author gives recommendations on solving the problem of unstructured time of convicts through employment; diagnosing true intentions of groups of convicts; developing skills of tolerant and conflict-free behavior of convicts, etc.

Key words: convicts; placement in cell-type premises; ideology of extremism and terrorism; destructive behavior; conflicts; social deprivation; psychologists; prisons; penal system.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Kazberov P.N. Relevance of studying a problematic issue of placing and detaining convicts in cell-type premises. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 91–97. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.011.

Введение

Вопрос покамерного размещения и содержания осужденных в условиях тюремных камер и запираемых помещений (ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ) был значим для уголовно-исполнительной системы всегда. Но сегодня актуальность этого вопроса приобретает особое значение в силу усиления деструктивных личностных характеристик осужденных в целом и в частности тех из них, кто содержится в запираемых помещениях и тюрьмах [1, с. 357; 2, с. 128; 3, с. 48]. Отмечается возрастание количества и доли осужденных, проявляющих психические аномалии в силу наркотической и алкогольной привязанности до водворения в следственный изолятор и осуждения [4, с. 54; 5, с. 23], а также распространяющих идеологию экстремизма и терроризма в пенитенциарных учреждениях [1, с. 358]. Указанные выше деструктивные обстоятельства вносят свою значимую лепту в актуальность вопроса покамерного размещения и содержания осужденных.

Эмпирическая часть

Вопрос психологической совместимости в малых социальных группах достаточно детально рассмотрен исследователями. Так, А. Е. Красовская выделяет следующие составляющие совместимости: мотивационно-целевую (согласованность мотивов и целей), перцептивную (основана на межличностном восприятии), коммуникативную (гибкость коммуникативных паттернов), поведенческую (принятие стиля поведения другого), эмоциональную (эмоциональное предпочтение) [6, с. 27].

С. В. Круткин, изучая аспекты совместимости воинских коллективов, выделяет следующие критерии психологической совместимости: эмоциональная удовлетворенность совместной жизнедеятельностью с членами коллектива, эмоциональная удовлетворенность членов группы совместной жизнедеятельностью с ним. Определяющее значение для взаимной психологической совместимости военнослужащих в коллективе имеют гомогенные сочетания

факторов личностной тревожности-адаптивности и гетерогенные сочетания по факторам лидерства-подчинения [7, с. 118].

В. В. Козловский определяет совместимость как толерантность, являющуюся существенной стороной коммуникации, сопряжения и слаженности в отношениях и действиях разных индивидов и групп, меру совместимости участников взаимодействия [8, с. 188]. Подобное представление переводит понятие толерантности в разряд основных категорий межличностного взаимодействия. Исследователь, анализируя толерантность как явление коммуникации, указывает на конфликтный потенциал низкой степени ее проявления: «Множество социокультурных конфликтов вызвано именно низкой степенью толерантности, то есть несовместимостью, разрывом взаимосвязей, соответственно блокированием коммуникации» [8, с. 189].

Проблема покамерного размещения и содержания осужденных традиционно рассматривается пенитенциарными психологами в рамках методического вопроса формирования временных толерантных малых групп осужденных в условиях социальной депривации [9, с. 31; 10, с. 24; 11]. Различные аспекты социальных механизмов и закономерностей функционирования малых групп осужденных исследовались И. П. Башкатовым, А. Г. Бронниковым, Ю. А. Вакутиным, Б. Ф. Водолазским, В. Г. Деевым, В. Ф. Ключиным, С. И. Кургановым, А. И. Мокрецовым, В. Ф. Пирожковым, А. Н. Суховым, Г. Ф. Хохряковым, И. Г. Шмаровым и др.

В рамках изучения актуальности вопроса покамерного размещения и содержания осужденных в условиях тюремных камер и запираемых помещений были использованы материалы ряда исследований Научно-исследовательского института ФСИН России, а также иных субъектов научно-исследовательской деятельности ведомства, проводивших не только теоретические, но и прикладные исследования. В частности, рассматривались материалы, полученные в течение последних двенадцати лет, по результатам психодиагностической и экспериментальной психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание в запираемых помещениях (камерах).

В исследовании использовался обзорно-аналитический метод, реализующий теоретико-методический анализ имеющихся научных источников, а также констатирующий эмпирический метод, регламентирующий анализ организационно-методических и нормативно-правовых источников.

Необходимо отметить, что в контексте изучаемого вопроса в исследованиях пенитенциарных психологов еще несколько лет назад речь шла о формировании временных толерантных групп осужденных в условиях изоляции от общества, что вносило свою специфику в общепринятое определение толерантности как терпимости к иному мировоззрению, вероисповеданию, национальности, образу жизни, поведению и обычаям [9, с. 33; 10, с. 28].

В научно-методической литературе, посвященной формированию толерантных групп, основной целью выдвигается формирование групповой сплоченности [12, с. 17; 13, с. 14; 15, с. 41], что представляется неуместным в условиях пенитенциарных учреждений. Не представляется целесообразным сначала искусственно формировать группу, отвечающую оперативно-режимным требованиям и закономерностям психологической совместимости, а затем целенаправленно работать на сплачивание данной общности, что впоследствии может создать почву для реализации противозаконных намерений.

В качестве оптимального может рассматриваться формирование толерантного, эмоционально дистанцированного, по возможности бесконфликтного поведения индивидов, которые вопреки своим интересам вынуждены длительное время находиться на одной ограниченной территории, с жесткой регламентацией деятельности и в условиях эмоционального пресыщения формальной группой.

Разумеется, толерантность имеет (и должна иметь) свои пределы. Например, если выстроить пирамиду мнений по какому-либо вопросу, то до какого-то уровня осужденный к нему относится спокойно, но с определенного – уже непримиримо. Расширение границ личностных составляющих толерантности этой пирамиды и является одной из целей оптимального покамерного размещения осужденных. Толерантная группа осужденных, таким образом, это социальная общность, внутри которой терпимо относятся к поведению, обычаям, мировоззрению, вероисповеданию каждого отдельного индивида, чем обеспечиваются его права и безопасность.

При формировании особенной неформальной среды осужденных складываются специфические условия отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях [15]. Эти особенности рекомендуется учитывать при формировании различных групп осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, так как в группе оказываются осужденные, которые изначально не имеют причин и мотивов для объединения, что может стать дополнительным фактором увеличения периода адаптации к группе, коммуникативных сложностей, возникновения конфликтных ситуаций, как краткосрочных, так и долговременных.

Анализ имеющихся научно-методических источников показал, что к числу субъектов научно-исследовательской деятельности ФСИН России, проводивших не только теоретическое, но и прикладное (экспериментальное) изучение рассматриваемого вопроса, относятся Научно-исследовательский институт ФСИН России и несколько межрегиональных отделов психологической работы территориальных органов.

Так, исследование межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Красноярскому краю позволило определить, что при формировании групп осужденных различного характера необходимо учитывать:

- интенсивность прошлой преступной деятельности осужденных, ее вид;
- отбывание наказания в прошлом;
- личностные особенности;
- вероисповедание;
- социокультурный уровень развития;
- наличие психических аномалий;
- наличие категорий профилактического учета;
- отношение к мерам воздействия, труду, режиму и т. д. [16, с. 24].

В исследовании дифференциации осужденных на группы другого межрегионального отдела психологической работы определен ряд закономерностей, знание которых способствует предотвращению нежелательных для работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы явлений [8, с. 17]. Во-первых, в группе достигается единство, когда ее члены привязываются друг к другу больше, чем сознают это. Чем дольше функционирует в стабильных условиях подобная группа, тем более сплоченной она становится.

Во-вторых, при регулировании внутригрупповых отношений для достижения необходимого толерантного взаимодействия могут возникать следующие явления:

- если группа функционирует достаточно долго и ее члены знают способности друг друга, то обычно выдвигаются осужденные, которые хорошо разбираются в окружающей обстановке и могут указать пути решений возникающих проблем, связанных с функционированием группы, но часто они не учитывают способности, умения и желания каждого члена группы при распределении обязанностей. Так, при игнорировании интересов части группы усиливается нездоровая состязательность, возрастает вероятность конфликтов, что приводит к еще большей поляризации отношений, вербальной и физической агрессии, а также к оперативно-режимным проблемам различной степени сложности;

- представители группы относятся гораздо лояльнее к своей группе, не идут на компромисс из страха «продать своих» и отстаивают общепринятую внутригрупповую точку зрения. Анализируя механизмы, действующие внутри группы, можно сделать вывод об их огромном влиянии на все сферы социально-психологического функционирования осужденного. Таким образом, внутригрупповая динамика как закономерное и естественное явление имеет ряд как положительных, так и отрицательных сторон [8, с. 19].

Игнорирование внутригрупповой динамики при покамерном размещении может приводить к социально-психологическим, оперативно-режимным проблемам в рамках как отдельной камеры, так и исправительного учреждения в целом [17, с. 148].

Выделим следующий комплекс мер по предотвращению возможных проблем покамерного размещения осужденных:

- обеспечение информированности сотрудников о психологических механизмах, действующих на разных этапах развития группы;
- обеспечение информированности сотрудников об особенностях уголовной субкультуры, отражающихся на взаимодействии осужденных;
- проведение психологических мероприятий, направленных на профилактику конфликтов;
- постоянное и оперативное взаимодействие сотрудников всех отделов и служб по вопросам покамерного размещения и содержания осужденных;
- постоянный контроль динамики социально-психологической обстановки;
- своевременное вмешательство сотрудников при выявлении ситуаций, не являющихся нормативными;
- систематическая ротация осужденных;
- обеспечение приоритета основных векторов работы в данном направлении – формирование толерантных установок, недопущение сплочения микрогрупп отрицательной направленности.

Исследование проблемного вопроса покамерного размещения и содержания осужденных в условиях тюремных камер и запираемых помещений сотрудниками Научно-исследовательского института ФСИН России способствовало разработке в 2013 г. диагностико-психокоррекционной программы «Формирование временных толерантных групп в условиях изоляции от общества», состоящей из двух модулей: диагностического и психокоррекционного. Апробация прикладной части диагностико-психокоррекционной программы проходила на базе Брянской ВК УФСИН России по Брянской области и ФКУ Т-2 УФСИН России по Владимирской области [10, с. 48].

Сотрудниками института отмечалось, что сама по себе работа по формированию временных толерантных групп предполагает и групповую форму работы (на это и рассчитана программа) [10, с. 37]. Однако для осужденных тюремного режима в силу режимных требований не всегда возможно выполнение групповых упражнений. Но упражнения в программе подобраны таким образом, что они подходят и к работе в индивидуальном порядке, закладывая определенный фундамент для развития толерантных отношений среди осужденных, входящих в одну группу в условиях покамерного размещения.

В результате реализации релаксационного, а также арт-терапевтического и социально-психологического блоков диагностико-психокоррекционной программы были достигнуты определенные позитивные результаты, в частности в эмоционально-волевой, поведенческой и межличностной сферах жизнедеятельности осужденных [10, с. 41; 18, с. 56]. Именно этим для нас сейчас интересен опыт исследовательской деятельности сотрудников института и межрегиональных отделов психологической работы территориальных органов ФСИН России, проводивших не только теоретическое изучение вопроса покамерного

размещения осужденных, но и реализовавших экспериментальную часть исследовательской работы.

Отметим, что в современных условиях покамерного размещения и содержания осужденных, наряду с традиционными проблемами (конфликтное поведение, последствия длительной социальной депривации и т. д.), особое значение приобретают: возрастание деструктивных общих характеристик осужденных (уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, социально-демографических и т. д.), усиление проявлений психических аномалий в силу наркотической и алкогольной зависимости осужденных до водворения в следственный изолятор и осуждения [4, с. 37], а также распространение идеологии экстремизма и терроризма в пенитенциарных учреждениях [19, с. 180].

Выводы

Во-первых, проведенные ранее теоретико-прикладные (экспериментальные) исследования покамерного размещения осужденных представляют определенный интерес и сейчас, так как достигли определенных позитивных результатов и определили ряд практических рекомендаций.

Внутри любой общности людей, на протяжении длительного времени находящихся совместно, начинают работать определенные механизмы групповой динамики. Для предотвращения подобных явлений требуется регулярная ротация, несвоевременность которой вызовет целый комплекс острых эмоциональных протестных реакций, возможно даже попыток совершить акции неповиновения, групповые самоповреждающие действия. Ротация подразумевает не перевод одного осужденного в другую камеру, а обновление группы более чем на 60 % [6, с. 39].

Еще одним положительным аспектом ротации является значительная эмоциональная энергоемкость данного процесса: осужденные адаптируются к микроклимату новой группы, обустроивают свой быт, выстраивают взаимодействие с новыми сокамерниками, что на время снижает общую неконструктивную активность в группе.

При покамерном размещении важным аспектом является невысокий процент занятости осужденных трудом. С одной стороны, это показатель устойчивости их криминальных установок, с другой – сложности борьбы с тюремной субкультурой. Однако ключевой проблемой незанятости является наличие неструктурированного времени, которое создает почву для конфликтов, обусловленных монотонией, различного рода нарушений режима отбывания наказания.

Большинство групп осужденных в местах лишения свободы, независимо от характера направленности, скрывает свои истинные намерения и замыслы, и невозможно с полной уверенностью сказать, что конкретная общность осужденных имеет положительную направленность. В работе сотрудников (каждого заинтересованного отдела в рамках его компетенции)

важно диагностировать намерения группы осужденных и ее членов.

Проблемы покамерного размещения расширяются за пределы полномочий психолога учреждения, так как распределением по камерам в первую очередь занимаются сотрудники оперативного отдела. Рекомендации психолога в отдельных случаях учитываются лишь в рамках, обусловленных имеющейся оперативной информацией, возникновения проблем в уже существующих группах, что смещает акцент с психологической работы на оперативно-режимную.

Проведение тренингов (иных психотехник), направленных на сплоченность, командообразование, нецелесообразно в условиях покамерного размещения осужденных, так как в результате повышается их внутригрупповая активность и сплоченность, которая переносится автоматически в другие сферы деятельности. В этой связи представляется предпочтительной индивидуальная работа, направленная на стабилизацию эмоционального фона отдельных осужденных, формирование навыков толерантного и бесконфликтного поведения в условиях лишения свободы, что требует усиления роли сотрудника во внутригрупповых процессах – масштабной объемной работы психологов исправительных учреждений.

Сами условия покамерного размещения подразумевают разобщение, а не сплочение осужденных. Данная модель, ориентированная на международные стандарты, а не на российский менталитет, является непривычной для восприятия как сотрудников, так и осужденных, что может вызвать пассивное неприятие и стремление сохранить старое (отрядное) содержание в новой форме. Так, при внешнем благополучии отдельной группы осужденных может возникнуть искушение не подвергать ее ротации, что приведет к формированию влиятельной общности, которая впоследствии начнет диктовать свои условия [20, с. 48; 21, с. 115].

Во-вторых, необходимо отметить, что исследования покамерного размещения осужденных относятся к 2013–2018 гг. Такое положение вещей автоматически определяет актуальность и значимость проблемного вопроса покамерного размещения и содержания осужденных в условиях тюремных камер и запираемых помещений, учитывая современные условия функционирования уголовно-исполнительной системы.

В современных условиях возрастания деструктивных общих характеристик осужденных, усиления проявлений психических аномалий в силу их наркотической и алкогольной привязанности до осуждения, а также распространения идеологии экстремизма и терроризма в пенитенциарных учреждениях крайне актуальной определяется также и необходимость теоретико-прикладных исследований с обязательной экспериментальной проработкой проблемного вопроса покамерного размещения и содержания осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оганесян С. С. Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России // *Пенитенциарная наука*. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 357–364.
2. Казберов П. Н. Содержательные аспекты подготовки сотрудников ФСИН России к работе с осужденными за терроризм в условиях покамерного распределения // *Перспективы науки*. 2023. № 2 (161). С. 127–129.
3. Щерба С. П. Социально-негативные явления и борьба с ними. М., 2005. 215 с.
4. Ганишина И. С. Профилактика наркотической зависимости: курс лекций. Рязань, 2013. 125 с.
5. Основы психологического прогнозирования и коррекции деструктивно-агрессивного поведения осужденных лиц за экстремистскую и террористическую деятельность : учеб. / П. Н. Казберов, С. В. Кулакова, А. В. Новиков [и др.]. М., 2018. 96 с.
6. Красовская А. Е. Психологическая совместимость младших командиров курсантских подразделений как взаимная удовлетворенность межличностными отношениями : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 225 с.
7. Круткин С. В. Психологическая совместимость как фактор оптимизации комплектования первичных воинских подразделений : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 221 с.
8. Козловский В. В. Ландшафт социальной и межкультурной коммуникации: между конфликтом и толерантностью // *Социальные коммуникации: новое в науке, образовании, технологиях : материалы междунар. науч.-практ. конф.* СПб., 2004. С. 188–189.
9. Автоматизированная оценка совместимости в группах с помощью методики FIRO-B : метод. рекомендации. Владивосток, 2013. 57 с.
10. Казберов П. Н., Новиков В. В., Зыкова К. Ф. Психокоррекционная программа работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность. М., 2013. 52 с.
11. Социально-психологические аспекты формирования групп осужденных с учетом покамерного содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы : метод. рекомендации. М., 2013. 107 с.
12. Анисимков В. М. Криминальная субкультура. Уфа, 1998. 168 с.
13. Анисимков В. М. Тюремная община: вехи истории. Историко-публицистическое повествование. Уфа, 1998. 168 с.
14. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. 211 с.
15. Фопель К. Сплоченность и толерантность в группе. М., 2022. 283 с.
16. Психологические условия развития этнической толерантности у осужденных в местах лишения свободы : практические рекомендации. Красноярск, 2018. 86 с.
17. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. 223 с.
18. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология (психология тюремной среды). Рязань, 1998. 260 с.
19. Оганесян С. С. Основные направления профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма в уголовно-исполнительной системе России // *Преступление, наказание, исправление: материалы VI Международ. пенитенциар. форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»*, Рязань, 15–17 ноября 2023 г. Рязань, 2023. Т. 1. С. 178–182.
20. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001. 704 с.
21. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Подросток в условиях социальной изоляции. М., 1998. 317 с.

REFERENCES

1. Oganessian S.S. S. Nationalism: essence, issues of prevention and counteraction in bodies and institutions of the Russian penal system. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 357–364. (In Russ.).
2. Kazberov P.N. Substantive aspects of training employees of the federal penitentiary service of Russia to work with convicts for terrorism in conditions of cell distribution. *Perspektivy nauki = Science Prospects*, 2023, no. 2 (161), pp. 127–129. (In Russ.).
3. Shcherba S.P. *Sotsial'no-negativnye yavleniya i bor'ba s nimi* [Socio-negative phenomena and the fight against them]. Moscow, 2005. 215 p.
4. Ganishina I.S. *Profilaktika narkoticheskoi zavisimosti: kurs lektsii* [Drug addiction prevention: course of lectures]. Ryazan, 2013. 125 p.
5. Kazberov P.N., Kulakova S.V., Novikov A.V. et al. *Osnovy psikhologicheskogo prognozirovaniya i korrektsii destruktivno-agressivnogo povedeniya osuzhdennykh lits za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatelnost': uchebnik* [Fundamentals of psychological forecasting and correction of destructive and aggressive behavior of convicted persons for extremist and terrorist activities: textbook]. Moscow, 2018. 96 p.
6. Krasovskaya A.E. *Psikhologicheskaya sovmestimost' mladshikh komandirov kursantskikh podrazdelenii kak vzaimnaya udovletvorennost' mezhlichnostnymi otnosheniyami: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological compatibility of junior commanders of cadet units as mutual satisfaction with interpersonal relations: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2009. 225 p.
7. Krutkin S.V. *Psikhologicheskaya sovmestimost' kak faktor optimizatsii komplektovaniya pervichnykh voinskikh podrazdelenii: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological compatibility as a factor in optimizing the recruitment of primary military units: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2009. 221 p.
8. Kozlovskii V.V. The landscape of social and intercultural communication: between conflict and tolerance. In: *Sotsial'nye kommunikatsii: noye v nauke, obrazovanii, tekhnologiyakh: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social communication: new in science, education, technology: proceedings of the international scientific and practical conference]. Saint Petersburg, 2004. Pp. 188–189. (In Russ.).

9. *Avtomatizirovannaya otsenka sovmestimosti v gruppakh s pomoshch'yu metodiki FIRO-V: metodicheskie rekomendatsii* [Automated assessment of compatibility in groups using the FIRO-V methodology: methodological recommendation]. Vladivostok, 2013. 57 p.
10. Kazberov P.N., Novikov V.V., Zykova K.F. *Psikhokorreksionnaya programma raboty s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie za terroristicheskuyu i ekstremistskuyu deyatel'nost'* [Psychological corrective program of work with convicts serving sentences for terrorist and extremist activities]. Moscow, 2013. 52 p.
11. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty formirovaniya grupp osuzhdennykh s uchetom pokamernogo soderzhaniya v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: metodicheskie rekomendatsii* [Socio-psychological aspects of the formation of groups of convicts, taking into account temporary detention in institutions of the penal system: methodological recommendations]. Moscow, 2013. 107 p.
12. Anisimkov V.M. *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal subculture]. Ufa, 1998. 168 p. ISBN 5-7247-0169-3.
13. Anisimkov V.M. *Tyuremnaya obshchina: vekhi istorii. Istoriko-publitsisticheskoe povestvovanie* [Prison community: milestones of history. Historical and journalistic narrative]. Ufa, 1998. 168 p.
14. Pirozhkov V.F. *Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminal'naya subkul'tura)* [Laws of the criminal world of youth (criminal subculture)]. Tver, 1994. 211 p.
15. Fopel' K. *Splochnost' i tolerantnost' v grappe* [Cohesion and tolerance in a group]. Moscow, 2022. 283 p.
16. *Psikhologicheskie usloviya razvitiya etnicheskoj tolerantnosti u osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody: prakticheskie rekomendatsii* [Psychological conditions for the development of ethnic tolerance among prisoners in places of deprivation of liberty: practical recommendations]. Krasnoyarsk, 2018. 86 p.
17. Khokhryakov G.F. *Paradoksy tyur'my* [Paradoxes of prison]. Moscow, 1991. 223 p.
18. Ushatkov A.I., Kazak B.B. *Penitentsiarnaya psikhologiya (psikhologiya tyuremnoi sredy)* [Penitentiary psychology (psychology of the prison environment)]. Ryazan, 1998. 260 p.
19. Oganessian S.S. The main directions of prevention and counteraction to the ideology of extremism and terrorism in the Russian penal system. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: materialy VI Mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma, priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. No. 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii". Tom 1. Ryazan, 15–17 noyabrya 2023 goda* [Crime, punishment, correction: proceedings of the VI International Penitentiary Forum dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I "On institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation", Ryazan, November 15–17, 2023. Volume 1]. Ryazan, 2023. Pp. 178–182. (In Russ.).
20. Pirozhkov V.F. *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal psychology]. Moscow, 2001. 704 p.
21. Pirozhkov V.F. *Kriminal'naya psikhologiya. Podrostok v usloviyakh sotsial'noi izolyatsii* [Criminal psychology. A teenager in conditions of social isolation]. Moscow, 1998. 317 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела 3 НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, mr.kazberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>

PAVEL N. KAZBEROV – Candidate of Sciences (Psychology), Leading Researcher at Department 3 of the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, mr.kazberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>

Статья поступила 12.09.2024

Научная статья

УДК 343.85

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.012

Содействие общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУЗНЕЦОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА КОЧАНОВА

Архангельская воспитательная колония УФСИН России по Архангельской области, Архангельск, Россия, vvs0812@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1756-2497>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу практики взаимодействия воспитательных колоний и общественных объединений в области воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы. *Цель:* на основе исследования нормативных актов, научной литературы, эмпирических материалов выявить основные направления и проблемы содействия общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы. *Методы:* при подготовке исследования использовались догматический, формальноюридический, сравнительноправовой, статистические методы, контентанализ. *Результат:* анализ практики взаимодействия воспитательных колоний и общественных объединений как институтов гражданского общества показал, что общественное воздействие как средство исправления осужденных к лишению свободы имеет высокое значение для воспитательной работы с несовершеннолетними, позволяя углубленно реализовывать отдельные направления воспитания, разнообразить средства и методы такой работы, сформировать интерес, положительную мотивацию у подростков, развить материальную базу для воспитательной работы. *Выводы:* необходимо дальнейшее изучение отдельных направлений содействия общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы с целью выявления и распространения положительных практик, подготовки методических рекомендаций о взаимодействии как для учреждений уголовно-исполнительной системы, так и для социально ориентированных общественных объединений, планирующих такое взаимодействие, а также совершенствование квалификации сотрудников ФСИН России в данной области. Требуется совершенствования и правовая база в части актуализации основных направлений воспитательной работы, организации взаимодействия учреждений с общественными объединениями, деятельности родительских комитетов и т. п.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; воспитательная работа с осужденными; воспитательные колонии; общественные объединения; попечительские советы; родительские комитеты; патриотическое воспитание; физическое воспитание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Кузнецова Е. В., Кочанова В. С. Содействие общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 98–107. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.012.

Original article

Assistance of Public Associations in Educational Work with Minors Sentenced to Imprisonment

ELENA V. KUZNETSOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

VALERIYA S. KOCHANOVA

Arkhangelsk Juvenile Correctional Facility of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Arkhangelsk Oblast, Arkhangelsk, Russia, vvs0812@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1756-2497>

Abstract

Introduction: the article analyzes the practice of interaction between juvenile correctional facilities and public associations in the field of educational work with minors sentenced to imprisonment. *Purpose:* based on the study of regulatory acts, scientific literature, and empirical materials, to identify problems, public associations face when providing assistance in educational work with minors sentenced to imprisonment. *Methods:* dogmatic, formallegal, comparativelegal research methods, statistical methods, content analysis, statistical methods (surveys, questionnaires, observation). *Results:* the analysis of the practice of interaction between juvenile correctional facilities and public associations as institutions of civil society shows that public influence as a means of correction of those sentenced to imprisonment is of great importance for educational work with minors, allowing for in-depth implementation of individual areas of education, diversification of the means and methods of such work, formation of interest, positive motivation among adolescents, and development of the material base for educational work. *Conclusion:* it is necessary to further study individual areas of assistance of public associations in educational work with minors sentenced to imprisonment in order to identify and disseminate positive practices, prepare methodological recommendations on interaction both for penal institutions and for socially oriented public associations planning such interaction, as well as enhance skills of penal institution employees in this area. The legal framework also requires improvement in terms of updating key areas of educational work, organizing interaction between institutions and public associations, activities of parent committees, etc.

Keywords: juvenile convicts; educational work with convicts; juvenile correctional facilities; public associations; boards of trustees; parent committees; patriotic education; physical education.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kuznetsova E.V., Kochanova V.S. Assistance of public associations in educational work with minors sentenced to imprisonment. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 98–107. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.012.

Введение

В современных условиях развития Российской Федерации все большую актуальность приобретают вопросы участия институтов гражданского общества в различных сферах жизни государства. Возрастающая активность общественных объединений, появление и рост числа разнообразных форм негосударственных организаций, назревшая необходимость привлечения социальных институтов к разрешению проблем, стоящих перед пенитенциарной системой,

обусловили необходимость эффективной организации сотрудничества исправительных учреждений и общественных объединений. В ч. 2 ст. 9 УИК РФ к основным средствам исправления осужденных отнесено оказание общественного воздействия. Значимость содействия общественных объединений воспитательной работе с осужденными к лишению свободы не вызывает сомнений.

Особенно актуально такое взаимодействие с учреждениями, в которых отбывают наказание в виде

лишения свободы несовершеннолетние, что содействует защите их прав и законных интересов, более гармоничному и всестороннему развитию, ресоциализации. Активное взаимодействие воспитательных колоний с институтами гражданского общества в области воспитательной работы соответствуют конституционным целям и ценностям, актуализированным в рамках конституционной реформы 2020 года [1, с. 72–74]. В соответствии с Конституцией Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, государство создает условия, способствующие их всестороннему развитию (ч. 4 ст. 67.1).

Концепция развития уголовноисполнительной системы до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138р также ставит целью совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение уровня открытости и формирование положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы, и определяет в качестве одного из направлений дальнейшего развития повышение уровня взаимодействия с институтами гражданского общества.

Проблемам общественного воздействия на осужденных к лишению свободы уделялось достаточное внимание в исследованиях советского периода. Считается, что пенитенциарная педагогика, развивавшаяся в структуре исправительно-трудового права, в самостоятельную науку выделилась в 1960х гг. Предметом изучения являлись как общие вопросы общественного воздействия на осужденных к лишению свободы [2], так и самостоятельные исследования, связанные с воздействием общественности на исправление несовершеннолетних [3]. В настоящее время имеются научные работы, посвященные общественному воздействию как средству исправления осужденных [4–6], а также вопросам деятельности родительских комитетов, попечительских советов, общественных наблюдательных комиссий, содействия религиозных организаций и т. п. В то же время глубокого комплексного актуального исследования, основанного на современном состоянии уголовноисполнительной политики в Российской Федерации по вопросам участия общественности в воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, не проводилось.

Целью исследования является выявление содержания, основных направлений и значения взаимодействия уголовноисполнительной системы с общественными объединениями в области воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными.

При подготовке исследования использовались догматический, формально-юридический,

сравнительно-правовой, статистические методы (опросы, анкетирование, наблюдение), контент-анализ. Эмпирической основой послужили нормативные акты и официальные документы, данные, полученные на основании планирующей и отчетной документации, результаты опросов, интервьюирования и анкетирования. Основное исследование проводилось в Архангельской воспитательной колонии УФСИН России по Архангельской области в октябре–ноябре 2023 г. путем интервьюирования сотрудников и анкетирования воспитанников учреждения. Результаты ранее не публиковались. Кроме того, изучались материалы по практике взаимодействия с институтами гражданского общества иных воспитательных колоний, размещенные на официальных сайтах учреждений (новостные сообщения, страницы, посвященные деятельности попечительских советов, родительских комитетов, отчеты о деятельности попечительских советов и т. п.).

Результаты

Понятие и значение содействия общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными.

Специфической категорией лиц, осужденных к лишению свободы, являются несовершеннолетние. В соответствии с Минимальными стандартными правилами Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, 1985 г. (Пекинские правила) несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому. В соответствии с законодательством Российской Федерации несовершеннолетние отбывают наказание в воспитательных колониях, где в качестве первоочередной цели является их воспитание (исправление), коррекция поведения, формирование убеждения в недопустимости дальнейшего нарушения закона. Личность несовершеннолетнего преступника еще не сформирована, находится в развитии, именно поэтому на эту категорию осужденных более эффективно воздействуют воспитательные и психологопедагогические меры, у них легче корректируются девиации [7, с. 81]. Исходя из смысла ст. 9 УИК РФ целями воспитательно-исправительного воздействия на осужденных, в том числе несовершеннолетних, являются формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Закрепленное в УИК РФ понятие «исправление осужденных» не имеет четких критериев для оценки исправления, а содержит описание процесса. Исследователи предлагают сформулировать понятие следующим образом: исправление осужденного – формирование у него устойчивого волевого отказа

от противоправной деятельности, при этом устойчивый отказ подразумевает отсутствие правонарушений, взысканий, соблюдение правил внутреннего распорядка, трудовой дисциплины, участие в мероприятиях воспитательной работы и т. п. [6, с. 18–19]. При этом законодатель в качестве одного из средств называет общественное воздействие, которое может выступать и как самостоятельное, и в сочетании с трудовым, физическим, патриотическим воспитанием.

Определение общественного воздействия как основного средства исправления осужденных законодательно не закреплено, что в свою очередь снижает понимание его содержания и затрудняет применение в практической деятельности. Анализируя научные работы по данному вопросу, мы пришли к выводу, что одним из самых полных и доступных для понимания определений общественного воздействия является следующее: общественное воздействие – это основанная на законодательстве Российской Федерации социально полезная деятельность институтов гражданского общества и граждан, осуществляемая субъектами общественного воздействия совместно с учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания и иные меры уголовноправового характера, и направленная на обеспечение достижения цели исправления осужденных [8]. Таким образом, общественное воздействие осуществляется в тесном сотрудничестве с учреждениями уголовно-исполнительной системы, в частности воспитательными колониями, выступающими в качестве основного субъекта воспитательной работы, и проявляется в форме содействия, помощи, позволяя решить ряд внешних задач: установление контактов с учреждениями культуры и дополнительного образования, привлечение необходимых средств сверх бюджетного финансирования (грантовая поддержка, спонсорская помощь), расширение круга общения и взаимодействия и т. п.

Правовую основу содействия институтов гражданского общества воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными составляют Конституция Российской Федерации, международные стандарты обращения с осужденными, уголовно-исполнительное законодательство. Анализируя нормативно-правовые акты по теме исследования, согласимся с позицией О. О. Корольчук, что существуют некоторые трудности в определении перечня форм взаимодействия гражданского общества с исправительными учреждениями [9, с. 28], так как ряд положений, регулирующих деятельность общественных объединений, содержится в разных частях и разделах УИК РФ, например, ст. 4, 23, 24, 142, 182, 183. В частности, различные формы взаимодействия с институтами гражданского общества урегулированы в неравной степени: так, законодательно регламентирована в основном деятельность общественных наблюдательных комиссий, общественных и попе-

чительских советов. Законодательство Российской Федерации о пробации также указывает на роль общественных объединений: в качестве субъектов пробации могут привлекаться коммерческие и некоммерческие организации, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, негосударственные организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги и другие, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации.

Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, утвержденная Приказом Минюста России от 20.04.2000, определяет воспитательную работу как систему педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, интеллектуальному, духовному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения, и указывает на общественность как субъект содействия в воспитательной работе.

Существует несколько уровней взаимодействия общественных объединений с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. С наиболее универсальными общественными организациями, деятельность которых затрагивает сферы жизни большинства осужденных независимо от их пола, возраста, срока осуждения, заключаются соглашения о взаимодействии на уровне территориального органа.

Помимо территориальных органов право на заключение соглашений о сотрудничестве сохраняется и за учреждениями уголовно-исполнительной системы. Такие соглашения, как правило, заключаются с общественными организациями, деятельность которых закрывают потребности узкого круга осужденных. Например, Архангельская воспитательная колония УФСИН России по Архангельской области заключила соглашения о взаимодействии в интересах несовершеннолетних с Автономной некоммерческой организацией «Центр Защиты Семьи, Материнства и Детства «Мамина Пристань» по вопросам консультационной помощи несовершеннолетним осужденным, с региональной общественной организацией «Федерация регби Архангельской области» по вопросам физического воспитания несовершеннолетних осужденных. Состав и количество объединений, с которыми заключены соглашения у учреждения, меняются. Так, Архангельская воспитательная колония в 2020–2023 гг. взаимодействовала с пятнадцатью общественными организациями.

Субъекты содействия воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными.

Субъектами содействия могут быть различного рода некоммерческие организации спортивной, военнопатриотической, благотворительной, религиозной направленности. Отметим, что в современных условиях их цели и средства не должны противоречить интересам Российской Федерации,

следовательно, организации, содействующие воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными, не должны входить в перечни нежелательных организаций, организаций, имеющих статус иностранного агента, тем более признанных террористическими и экстремистскими. Для предотвращения дезорганизации деятельности исправительного учреждения видится необходимым законодательное закрепление в ч. 4 ст. 15 Приказа Минюста России от 01.04.2015 № 77 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний» абзаца, регламентирующего обязанность территориальных органов ФСИН России производить проверки общественных организаций и их представителей перед сотрудничеством с целью недопущения распространения деструктивной идеологии и предупреждения экстремистских проявлений среди осужденных, на предмет соответствия целей, указанных в уставе общественного объединения, реальной деятельности общественных организаций.

Специфическими субъектами общественного содействия воспитательной работе с осужденными являются попечительские советы, а для воспитательных колоний – также родительские советы. Попечительские советы действуют на постоянной основе, исходя из принципов гласности, добровольности и равноправия его членов, не имеют статуса юридического лица, осуществляют свою деятельность безвозмездно, взаимодействуют с администрацией учреждения, их решения носят рекомендательный и консультативный характер.

В качестве задач деятельности попечительских советов, как правило, указываются помощь в организации учебновоспитательного процесса, культурных и спортивных мероприятий, содействие формированию добросовестного отношения к труду и учебе, получению общего и профессионального образования, участию в нравственном и патриотическом воспитании, повышению правовой грамотности, посещению представителями независимых общественных организаций для проведения воспитательных мероприятий, организации выездов несовершеннолетних в спортивные и культурные учреждения, помощь в сопровождении несовершеннолетних после освобождения.

Анализ материалов официальных сайтов воспитательных колоний позволяет сделать выводы, что в попечительские советы, как правило, входят представители органов государственной власти субъекта, местного самоуправления, уполномоченный по правам человека и (или) ребенка, представители региональных отделений детского фонда, правозащитных, спортивных, образовательных организаций, учреждений культуры.

В отчетах и информации о попечительских советах, размещенной на официальных сайтах учреждений (Пермской, Можайской, Кировградской, Каннской, Ижевской, Камышинской, Биробиджанской

воспитательных колоний) указываются такие направления детальности, как оказание помощи в кружковой работе, создании выставок, музеев, театрализованных представлений, организация выездов в культурные и спортивные учреждения, в том числе для тренировок и дружеских матчей, участия в городских и областных мероприятиях творческой, экологической, спортивной направленности, содействие проведению образовательных и культурных мероприятий на территории колонии и т. д.

Следующим специфическим субъектом содействия воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы выступают родительские комитеты, создание которых предусмотрено уголовноисполнительным законодательством. В научной литературе является дискуссионным вопрос, относить ли родительские комитеты к общественным объединениям, поскольку они не обладают признаками самостоятельности и самоуправляемости [10, с. 123]. Однако законодатель не предусматривает их обязательного создания, следовательно, полагаем их общественное начало.

Как показывают материалы исследования по Архангельской воспитательной колонии, 45 % опрошенных воспитывались в неполных семьях, 15 % – в детских домах и интернатах, то есть более чем у половины осужденных не было полной и заботливой семьи как образца для подражания. Между тем семейное воспитание является одним из приоритетов российского государственной политики на современном этапе и конституционной ценностью. Несовершеннолетние вправе общаться с родственниками и воспитываться если не в семье, то с ее участием. Активная деятельность родительских комитетов способствует оперативному исправлению осужденных, проведению эффективной воспитательной работы с несовершеннолетними, налаживанию социально полезных связей с семьей, мотивированию подростков на правопослушное поведение, оказанию помощи сиротам и лицам, лишенным родительского попечения, а также несовершеннолетним из неблагополучных семей и др. Для результативного выполнения указанных мероприятий, где полученная осужденными польза не будет ставиться под сомнение, необходимы качественный родительский состав комитета и их желание участвовать в исправлении несовершеннолетних. В целях формирования такого состава проводятся беседы сотрудников колонии с потенциальными членами родительского комитета, приоритет уделяется лицам с активной и правопослушной жизненной позицией, имеющим возможность принимать активное участие в работе комитета.

Как правило, содействие родительских комитетов в воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными выражается в следующих формах: проведение бесед с осужденными по проблемам семьи и семейных ценностей; приглашение родителей или родственников, обладающих социально значи-

мой профессией, для организации профориентационных бесед, реализация игровых воспитательных мероприятий, помощь в подготовке школьных праздников, кружковой деятельности (закупка реквизита, материалов, пособий).

В Архангельской воспитательной колонии сложился положительный опыт воспитательной работы родительского комитета не только с несовершеннолетними, но и с неактивными родственниками осужденных с целью повышения взаимодействия в области воспитательной работы со специалистами учреждения. Опыт успешной коммуникации был обусловлен наличием общих целей и проблем. По результатам проведенного эксперимента увеличилось число контактов, в ряде случаев возобновилось общение между родственниками и осужденными подростками. Опросы несовершеннолетних также подтверждают, что, несмотря на сложные внутрисемейные отношения, общения с близкими, нахождения в семье большинству подростков не хватает [11, с. 246–247].

Как отмечают Ю. М. Антонян, Е. Н. Колышинцына, учреждение родительских комитетов также способствует решению задач по поддержанию и сохранению социально полезных связей несовершеннолетних осужденных в период отбывания наказания в виде лишения свободы, что обеспечивает существенное влияние на мотивацию поведения подростков [12, с. 38].

На практике тем не менее возникают сложности в организации деятельности родительского комитета, обусловленные отдаленностью места исполнения наказания от фактического региона проживания родственников осужденных. Частично проблема может быть решена за счет цифровой трансформации уголовноисполнительной системы: так, в воспитательных колониях уже есть опыт проведения родительских собраний онлайн, например в Канской воспитательной колонии, который может быть успешно масштабирован для различных направлений деятельности родительских комитетов. Кроме того, ч. 2 ст. 142 УИК РФ устанавливает, что деятельность родительских комитетов регулируется положением, которое утверждается начальником воспитательной колонии. Полагаем, что в целях унификации правового регулирования и повышения значимости родительских комитетов в воспитательной работе целесообразно разработать типовое Положение о родительском комитете в воспитательной колонии.

Помимо отмеченных субъектов содействия воспитательной работе, специфичных для уголовноисполнительной системы, ее реализации помогают и иные общественные организации, для которых взаимодействие с ФСИН России является лишь одним из направлений работы (нравственное, патриотическое, физическое, правовое, экологическое воспитание, содействие повышению общекультурного уровня и т. д.). В рамках исследования внимание было сосредоточено на двух направлениях – патриотическом

воспитании и формировании здоровьесберегающих компетенций.

Содействие общественных объединений физическому воспитанию несовершеннолетних осужденных.

Значительное внимание в современном российском обществе, в том числе в исправительных учреждениях, уделяется состоянию здоровья граждан, повышению привлекательности физической культуры и спорта. Особенно эта проблема актуальна для подростков: от уровня состояния здоровья зависит реализация жизненных планов, в том числе профессиональная подготовка, стремление к социальному развитию, создание семьи и рождение детей и др. Так, по данным статистики, число детей в возрасте от 0 до 17 лет с первой группой здоровья в 2021 г. сократилось на 4,6 % по сравнению с 2016 г., число подростков с ожирением с 2010 по 2022 гг. выросло почти вдвое, с заболеваниями органов дыхания – на 15 % [13, с. 59; 14, с. 77]. В ходе нашего исследования установлено, что основными причинами ухудшения здоровья воспитанников стали вредные привычки: более 80 % до осуждения пробовали и активно употребляли алкоголь, табак, около 25 % – наркотические вещества. Во многих случаях подростки видят негативный пример (алкоголизм и наркоманию) в своем окружении, семье. Вышеизложенное приводит к выводу о важности формирования здоровьесберегающих компетенций, в том числе уверенности в необходимости активного образа жизни, физической культуры и спорта, отказа от вредных привычек.

В воспитательных колониях особое внимание уделяется физическому воспитанию и развитию подростков. Оно может осуществляться в форме: ежедневных утренних физических зарядок, включенных в распорядок дня; составной части учебного процесса (уроки физкультуры); кружковой работы; проведения спортивных мероприятий. Также стоит отметить, что организация качественного физического воспитания осужденных невозможна без достаточной материальнотехнической базы, к которой относится оснащение спортивных площадок, стадионов и других спортивных объектов на территории колонии необходимым инвентарем и оборудованием. И в этом направлении воспитательным колониям активно содействуют различные общественные организации спортивной направленности, чаще всего региональные спортивные федерации. Анализ опыта Архангельской воспитательной колонии, материалов официальных сайтов других воспитательных колоний позволил выявить несколько направлений содействия общественных объединений спортивной направленности физическому воспитанию несовершеннолетних:

- участие в организуемых в воспитательных колониях спортивных мероприятиях в качестве соорганизаторов;

- содействие организации постоянно действующих в колонии спортивных секций;

– содействие в приобретении спортивного инвентаря, обустройстве спортивных площадок.

Общественные организации привлекаются для проведения спартакиад, внутренних соревнований, сдачи норм ГТО. При содействии институтов гражданского общества воспитательные колонии посещают известные спортсмены. Они становятся членами жюри спортивных мероприятий, участвуют в награждении, проводят мотивационные беседы. По инициативе общественных организаций спортивные мероприятия проходят не только в воспитательной колонии, но и на площадках населенных пунктов, в которых размещены воспитательные колонии. Данные направления реализуются как за счет грантовой поддержки, так и из резервов добровольных взносов организаций, что позволяет привлечь дополнительное финансирование на закупку оборудования, оплату работы тренерского состава. Наиболее активными, взаимодействующими на постоянной основе с воспитательными колониями являются региональные отделения Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо», спортивные федерации (федерация футбола, регби, тенниса), региональные молодежные общественные организации. Большинство из них взаимодействуют с воспитательными колониями на основе соглашений постоянно.

Помимо спортивных мероприятий не последнюю роль в воспитании физической культуры и здорового образа жизни имеют профилактические мероприятия, регулярно проводящиеся в воспитательных колониях в целях борьбы с наркотической зависимостью. В них также принимают участие представители молодежных, правозащитных, благотворительных объединений и организаций помощи осужденным, а также гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Содействие патриотическому воспитанию несовершеннолетних осужденных.

Важным направлением в исправлении несовершеннолетних осужденных является и патриотическое воспитание. В соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р, приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. В научной и методической литературе выделяются несколько основных направлений патриотического воспитания: духовно-нравственное, историко-культурное, гражданско-патриотическое, военно-патриотическое, спортивно-патриотическое [15, с. 5]. Разумеется, отдельные направления патриотического воспитания реализуются в рамках обра-

зовательного процесса в воспитательных колониях, однако немалое значение имеют и внеучебные мероприятия патриотической направленности, где также прослеживается активное содействие институтов гражданского общества. Анализ материалов официальных сайтов и практики деятельности воспитательных колоний приводит к выводу, что взаимодействие между учреждениями уголовно-исполнительной системы и общественными объединениями в данном направлении реализуется весьма активно. Сотрудничество осуществляется по двум основным направлениям: развитие материально-технической базы для патриотического воспитания и непосредственно организация воспитательных мероприятий патриотической направленности.

В рамках реализации первого направления проводится работа по организации на территории колонии музеев, уголков и аллей славы, комплексов тренажеров и полосы препятствий для допризывной подготовки воспитанников. Так, в Архангельской воспитательной колонии совместными усилиями сотрудников и общественных организаций военно-патриотической направленности удалось создать музей «Архангельск – город воинской славы», возвести обелиск, посвященный архангелогородцам, отдавшим жизнь для защиты Родины, Аллею памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, войны в Афганистане и в вооруженных конфликтах на Северном Кавказе, при создании последней воспитанники были привлечены к исследовательской работе по подбору материалов, что также имело воспитательное значение.

В рамках второго направления организуются лекции, концерты, театральные представления, торжественные мероприятия к памятным датам, экскурсии в краеведческие музеи. Осужденные участвуют в реализации общественных проектов («Волна памяти», «Связь поколений»), в подготовке и сдаче норм ГТО и т. д. В колониях проводятся просмотры кинофильмов патриотической направленности, организуются при поддержке общественных организаций конкурсы короткометражных фильмов. Так, воспитанницы Томской ВК-2 приняли участие в создании короткометражных фильмов о героях Великой Отечественной войны. В рамках данного направления функционируют кружки стендового и авиамоделлерования. Анализ материалов новостных лент официальных сайтов воспитательных колоний указывает на активную роль воспитанников в мероприятиях общественного движения «Бессмертный полк», Российского общества «Знание», межрегиональных и региональных общественных организаций отцов, матерей, военно-патриотических организаций, патриотических клубов, волонтерских отрядов образовательных организаций.

Исследование, проведенное в Архангельской воспитательной колонии в 2023 г., включавшее в том числе анкетирование воспитанников, позволило выявить

интерес подростков к мероприятиям патриотической направленности, прежде всего спортивно-патриотическим (40 %) и нравственно-патриотическим (36 %). По результатам опроса, 34 % осужденных выразили желание и готовность после освобождения и снятия судимости служить в Вооруженных силах нашей страны в мирное и военное время.

Отметим, что патриотическое воспитание является важным компонентом формирования гражданина Российской Федерации, отвечающим целям развития нашего государства, без него невозможен и полноценный процесс ресоциализации несовершеннолетних осужденных [16, с. 168]. Общественные объединения являются значимыми субъектами патриотического воспитания, содействуют разнообразию его форм и методов, изысканию средств для формирования материальной базы. Значимость патриотического воспитания должна быть закреплена в нормативных актах. Необходимо ч. 1 ст. 110 УИК РФ изложить в следующей редакции: «В исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое, патриотическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению».

Реализация указанных выше направлений невозможна без финансового сопровождения и грантовой поддержки. Общественные организации как получатели грантов для реализации социально значимых проектов, в том числе для организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными, активно участвуют в конкурсах Фонда президентских грантов, Росмолодежи, региональных грантовых конкурсах для социально ориентированных НКО. Нередко организации, тесно сотрудничающие с воспитательными колониями, привлекают сотрудников учреждения для разработки социальных проектов, претендующих на грант. Полагаем, что развитие соответствующих компетенций будущих и действующих сотрудников уголовно-исполнительной системы в области проектной деятельности позволит содействовать разработке и получению финансовой поддержки значимых для воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы направлений деятельности.

Помимо названных выше направлений взаимодействия общественных организаций и воспитательных колоний, которые были основным предметом исследования, материалы официальных сайтов учреждений для несовершеннолетних осужденных позволяют выявить также такие векторы взаимодействия, как экологическое, религиозное воспитание, содействие

в ресоциализации и подготовке к освобождению. Так, в рамках экологического направления воспитательные колонии взаимодействуют с региональными и общероссийскими экологическими организациями и движениями, в том числе участвуют в региональных общероссийских акциях и марафонах по посадке деревьев, сбору пластика, благоустройству территории и т. д. Исследование и развитие данного направления в воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными будет содействовать формированию социально значимых компетенций воспитанников. Перспективным было бы исследование взаимодействия воспитательных колоний с религиозными организациями, общественными объединениями, ориентированными на помощь лицам, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации.

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, отметим высокую значимость содействия общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы, актуальность дальнейшего совершенствования данного направления. Взаимодействие учреждений уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества позволяет разнообразить формы и методы основных направлений воспитательной работы, сформировать положительную мотивацию и интерес у воспитанников, реализовывать такую цель уголовного наказания, как исправление осужденных. Необходимы изучение и распространение положительных практик воспитательных колоний в области взаимодействия с общественными организациями, подготовка методических рекомендаций о взаимодействии сотрудников воспитательных колоний с общественными объединениями, в том числе в сфере реализации социально значимых проектов. Аналогичные рекомендации могут быть подготовлены и для общественных объединений социальной направленности, рассматривающих работу с воспитательными колониями как одно из направлений своей деятельности.

Также целесообразно информирование сотрудников об организации взаимодействия с социально ориентированными общественными объединениями в рамках служебной подготовки, повышение квалификации сотрудников в области взаимодействия с институтами гражданского общества, в том числе в сфере проектной деятельности, а также изучение обозначенных вопросов в рамках учебных дисциплин при реализации образовательных программ высшего образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова Н. Е. Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник МГПУ. Сер. : Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 71–77.
2. Елеонский В. А. Общественное воздействие в системе средств перевоспитания лиц, осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1966. 471 с.

3. Шашило Д. Ф. Общественное воздействие в системе воспитания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1970. 18 с.
4. Матвеев В. Е. Общественное воздействие как средство исправления несовершеннолетних осужденных : дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2000. 242 с.
5. Андреева Г. Н. Правовые основы участия негосударственных организаций в воспитательной работе с несовершеннолетними, отбывающими уголовное наказание в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 154 с.
6. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных : теория, законодательство, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2022. 57 с.
7. Лосева С. Н., Дроздова Е. А. О воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными в воспитательной колонии // Закон и право. 2019. № 7. С. 80–82.
8. Румянцева А. С. Применение основных средств исправления осужденных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 374–376.
9. Корольчук О. О. Функции общественных организаций в исправлении несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2. С. 26–32.
10. Храброва Е. В., Чернышенко Е. В. Особенности правового статуса родительских комитетов в воспитательных колониях ФСИН России // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 122–123.
11. Кочанова В. С. Роль родительских комитетов в исправлении несовершеннолетних осужденных // Актуальные вопросы развития, социализации и реабилитации личности в современных условиях : сб. научн. ст. (Пятое межвузовские научные студенческие чтения). М., 2023. С. 245–250.
12. Антонян Ю. М., Колышницyna Е. Н. Мотивация поведения осужденных : моногр. М., 2009. 143 с.
13. Семья и дети в России. 2021 / под ред. С. С. Галкина, Л. Ю. Михеевой. М., 2022. 120 с.
14. Здоровоохранение в России. 2023 : стат. сб. М., 2023. 179 с.
15. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации : метод. рек. М., 2022. 73 с.
16. Колесов В. И. Значимость патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных в современном социуме // Проблемы современного образования. 2023. № 1. С. 164–170.

REFERENCES

1. Borisova N.E. Children as a priority of public policy in the light of the 2020 constitutional reform. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = The Academic Journal of Moscow City University. Series "Legal Sciences"*, 2021, no. 1 (41), pp. 71–77. (In Russ.).
2. Eleonskii V.A. *Obshchestvennoe vozdeistvie v sisteme sredstv perevospitaniya lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody: dis. ... kand. jurid. nauk* [Social impact in the system of means of reeducation of persons sentenced to imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Tomsk, 1966. 471 p. (In Russ.).
3. Shashilo D.F. *Obshchestvennoe vozdeistvie v sisteme vospitaniya nesovershennoletnikh, osuzhdennykh k lisheniyu svobody: avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk* [Social impact in the system of education of minors sentenced to imprisonment: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 1970. 18 p.
4. Matveenko V.E. *Obshchestvennoe vozdeistvie kak sredstvo ispravleniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh: dis. ... kand. ped. nauk* [Social impact as a means of correcting juvenile convicts: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Ryazan, 2000. 242 p.
5. Andreeva G.N. *Pravovye osnovy uchastiya negosudarstvennykh organizatsii v vospitatel'noi rabote s nesovershennoletnimi, otbyvayushchimi ugovnoe nakazanie v vide lisheniya svobody: dis. ... kand. jurid. nauk* [The legal basis for the participation of nongovernmental organizations in educational work with minors serving a criminal sentence in the form of imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1998. 154 p.
6. Popova E.E. *Obshchestvennoe vozdeistvie kak osnovnoe sredstvo ispravleniya osuzhdennykh: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika: avtoreferat dis. ... dra jurid. nauk* [Social impact as the main means of correcting convicts: theory, legislation, practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Vladivostok, 2022. 57 p.
7. Loseva S.N., Drozdova E.A. On educational work with juvenile convicts in a correctional colony. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2019, no 7. pp. 80–82. (In Russ.).
8. Rumyantseva A.S. Application of the main means of correction of convicts in the penal system of the Russian Federation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2022, no. 20 (415), pp. 374–376. (In Russ.).
9. Korol'chuk O.O. Functions of public organizations in the correction of juvenile convicts. *Vedomosti ugovnoispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 2, pp. 26–32. (In Russ.).
10. Khrabrova E.V., Chernyshenko E.V. Peculiarities of the legal status of parent committees in educational colonies of the Federal Penitentiary Service. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil Service and Personnel*, 2021, no. 2, pp. 122–123. (In Russ.).
11. Kochanova V. S. The role of parental committees in the rehabilitation of juvenile convicts. In: *Aktual'nye voprosy razvitiya, sotsializatsii i reabilitatsii lichnosti v sovremennykh usloviyakh: sb. nauch. st. (Pyatye mezhvuzovskie nauchnye studencheskie chteniya)* [Current issues of development, socialization and rehabilitation of personality in modern conditions: collection of scientific articles (Fifth interuniversity scientific student readings)]. Moscow, 2023, pp. 245–250. (In Russ.).
12. Antonyan Yu.M., Kolyshnitsyna E.N. *Motivatsiya povedeniya osuzhdennykh: monog.* [Motivation of the behavior of convicts: monograph]. Moscow, 2009. 143 p.

13. *Sem'ya i deti v Rossii. 2021* [Family and children in Russia. 2021]. Ed. by Galkin S.S., Mikheeva L.Yu. Moscow, 2022. 120 p.
14. Healthcare in Russia. 2023: statistical digest. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2023. 179 p.
15. *Osnovy patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossiiskoi Federatsii: metod. rek.* [Fundamentals of Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation: methodological recommendations]. Moscow, 2022. 73 p.
16. Kolesov V.I. The importance of patriotic education of juvenile convicts in modern society. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*, 2023, no. 1, pp. 164–170. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУЗНЕЦОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственноправовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА КОЧАНОВА – инспектор группы социальной защиты и учета трудового стажа осужденных Архангельской воспитательной колонии УФСИН России по Архангельской области, Архангельск, Россия, vvs0812@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1756-2497>

ELENA V. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, kuznecova_ev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2593-2002>

VALERIYA S. KOCHANOVA – Inspector at the Group of Social Protection and Accounting of Work Experience of Convicts of the Arkhangelsk Juvenile Correctional Facility of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Arkhangelsk Oblast, Arkhangelsk, Russia, vvs0812@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1756-2497>

Статья поступила 13.07.2024

Цифровая трансформация ведомственного профессионального образования: проблемы и перспективы

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
kovtunenkolv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

АНТОН БОРИСОВИЧ КОВТУНЕНКО

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
kovtunenkoab123@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6594-1258>

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме цифровой трансформации ведомственного профессионального образования. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением цифровых технологий в образование, созданием в вузах цифровой среды, применением в процессе обучения и воспитания цифровых инструментов, что не только способствует повышению эффективности образовательного процесса, но и рождает проблемы, ставит новые вызовы перед наукой и педагогическим сообществом. *Цель:* провести теоретический анализ цифровой трансформации ведомственного образования, выявить положительные и негативные аспекты данного процесса, рассмотреть проблемы и перспективы образовательного процесса с использованием цифровых инструментов, рассмотреть педагогическую целесообразность интеграции цифровых ресурсов в систему ведомственного образования. *Методы:* анализ научной литературы, систематизация и интерпретация результатов исследования. *Результаты:* выявлено, что цифровая трансформация открывает перед образованием беспрецедентные преимущества в организации современного образовательного пространства, насыщении его возможностями, предоставляемыми цифровыми технологиями, для индивидуализации обучения, введения интерактивных методов обучения, в расширении возможностей в самореализации и самоактуализации, использовании сетевой формы обучения, позволяющей привлекать к обучению лучших специалистов, ученых и экспертов в области пенитенциарной науки. Однако цифровая трансформация формирует и новые вызовы, требующие нестандартных решений и инновационных стратегий для преодоления проблем, с которыми сталкиваются ведомственные вузы и педагоги, в частности подготовки педагогического состава к использованию технологий, кибербезопасности. *Выводы:* учитывая определенные вызовы, с которыми сопряжена цифровая трансформация, остановить развитие технологического процесса невозможно. Будущее образования связано с активным внедрением технологий виртуальной реальности, искусственного интеллекта, фиджитал-технологий. Педагоги должны быть готовы к тому, что цифровая трансформация образования – процесс непрерывный, но его эффективность и качество во многом определяются гармоничным взаимодействием технических инноваций с педагогической целесообразностью.

Ключевые слова: цифровая трансформация; ведомственная образовательная организация; курсант; цифровая образовательная среда; цифровая культура; педагогическая целесообразность.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Ковтуненко Л. В., Ковтуненко А. Б. Цифровая трансформация ведомственного профессионального образования: проблемы и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 108–114. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.013.

Original article

Digital Transformation of Departmental Vocational Education: Problems and Prospects

LYUBOV' V. KOVTUNENKO Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>**ANTON B. KOVTUNENKO**Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkoab123@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6594-1258>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of digital transformation of departmental vocational education. The research is relevant due to the active introduction of digital technologies into education, the creation of a digital environment in universities, and the use of digital tools in the process of teaching and upbringing, which not only contributes to improving the effectiveness of the educational process, but also creates problems and poses new challenges to the pedagogical community. *Purpose:* to conduct a theoretical analysis of the digital transformation of departmental education, to identify positive and negative aspects of this process, to discuss problems and prospects of the educational process using digital tools, and to consider the pedagogical feasibility of integrating digital resources into the system of departmental education. *Methods:* analysis of scientific literature, systematization and interpretation of the results of the conducted research. *Results:* it is revealed that digital transformation opens up undeniable advantages for education in organizing a modern educational space, saturating it with the possibilities provided by digital technologies for individualizing learning, introducing interactive teaching methods, expanding opportunities for self-realization and self-actualization, using a network form of education that allows attracting the best specialists, scientists and experts in the field of penitentiary science. However, digital transformation also creates new challenges that require non-standard solutions and innovative strategies to overcome the problems departmental universities and teachers face, in particular in ensuring the training of teaching staff for the use of technology and cybersecurity. The future of education is associated with the active introduction of virtual reality technologies, artificial intelligence, and digital technologies, teachers should be prepared for the fact that digital transformation of education is a continuous process, but its effectiveness and quality are largely determined by the harmonious interaction of technical innovations and pedagogical expediency.

Keywords: digital transformation; digital technologies; departmental educational organization; cadet; digital educational environment; digital culture; pedagogical expediency.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kovtunen L.V., Kovtunen A.B. Digital transformation of departmental vocational education: problems and prospects. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 108–114. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.013.

Введение

С каждым годом все активнее в нашу жизнь входят цифровые технологии, которые используются в экономике, социальной сфере, быту, системе государственного управления и других сферах общества, делая жизнь людей более комфортной. Современная система образования также осваивает цифровые технологии, в вузах создается цифровая среда, цифровые ресурсы и инструменты применяются в процессе обучения и воспитания. Современный этап развития системы образования характеризуется переходом от цифровизации в фазу цифровой трансформации. Если на первых этапах осуществлялся переход к цифровой форме представления информации (оцифров-

ка информации и ее организация), затем цифровые технологии применялись для повышения качества и эффективности образовательного процесса, оптимизации институциональных операций, например при администрировании учебного процесса, приеме поступающих и т. п., то сегодня реализуется новая стадия – цифровая трансформация.

Освещение изучаемой проблемы в научной литературе

На государственном уровне процессы цифровизации, в том числе системы образования, регламентированы законами и другими нормативно-правовыми актами. Так, Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных

целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одного из показателей национальной цели «цифровая трансформация» указано достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования» определено, что цифровая зрелость образовательной организации – это достижение образовательной организацией показателей, установленных в методике оценки цифровой зрелости образовательных организаций, ведомственных Минобрнауки России. В методических рекомендациях «Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий», утвержденных распоряжением Минпросвещения России от 18.05.2020 № Р-44, подробно представлены индикаторы цифровой трансформации: цифровая инфраструктура образовательной организации, условия для решения административных задач, использование цифровых технологий преподавателями на разных этапах реализации педагогического процесса, использование обучающимися цифровых средств, формирование цифровой компетентности обучающихся, профессиональное развитие педагогов в области цифровой трансформации, управление образовательной организацией в условиях цифровой трансформации.

О высокой дискусионности проблемы цифровизации, возможностях и рисках в связи с активным внедрением цифровых ресурсов свидетельствуют работы А. А. Андреева [1], А. А. Вербицкого [2] и др.

В исследованиях Е. В. Петровой представлена позиция относительно цифровой трансформации дидактики, в основе которой, как считает ученый, видится «сдвиг парадигмы от традиционного обучения к проектированию процесса обучения: обучение становится рефлексивной формой мульти-кросс-действия» [3, с. 26].

Проблемы цифровой трансформации ведомственного образования также актуальны, в частности вопросы автоматизации образовательных процессов в вузах, подготовки квалифицированных специалистов к современным вызовам, таким как информационные войны и информационное противоборство в целях достижения информационного превосходства [4].

Под цифровой трансформацией нами понимаются более глубокие системные изменения в культуре, технологиях, позициях субъектов образовательного процесса, требующие создания новых образовательных моделей, переосмысления педагогических стратегий, инновационных направлений и ценностных предложений, смены форм, методов организации образования альтернативными, внедрения цифровых технологий.

Результаты и обсуждение

Среди существенных проблем в подготовке специалистов для уголовно-исполнительной системы в условиях новой технологической реальности выделяются следующие:

- технологическое оснащение профессиональной деятельности в связи с возможностями, открывающимися при использовании цифровых технологий;
- необходимость системного научного подхода к модернизации подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы и формирование существующей образовательной практики ведомственных вузов, новых целей и функций обучения.

Для разрешения обозначенных проблем недостаточно адаптировать новые технологии к учебному процессу – это прошлое системы образования, необходимо переосмысление педагогических стратегий, методов обучения, форм взаимодействия преподавателя и обучающихся. Это связано с целями, поставленными перед человеком XXI в., обусловленными динамичным развитием науки и техническим переоснащением всех сфер жизни общества. В современном мире востребован мобильный специалист, способный к постоянному саморазвитию, обладающий аналитическими способностями, готовый быстро собирать и обрабатывать большие потоки информации, коммуникабельный, креативный и готовый к инновациям. Подготовка такого специалиста требует кардинальных изменений, что рождает новые проблемы, среди которых переход к инновационной культуре, процессам администрирования, построенным на горизонтальных связях, новым способам предоставления образовательных материалов и оценки знаний [5–7].

Непрерывное образование или образование через всю жизнь ставит задачу – научиться самостоятельно учиться, совершенствовать знания, получать новые компетенции, строить новые маршруты и траектории развития для самореализации и самоактуализации.

Образовательные платформы, мультимедиа, технологии виртуальной реальности составляют цифровой ресурс, с помощью которого курсанты не только более эффективно усваивают знания, формируют цифровые компетенции, но и отрабатывают умения и закрепляют выработанные навыки на тренажерах, обогащают свой первоначальный практический опыт. Но не только возможности предоставляют цифровые технологии для преподавателей и обучающихся, их внедрение ставит определенные проблемы перед субъектами образования и порождает новые вызовы.

Среди основных факторов, оказывающих существенное влияние на цифровую трансформацию образовательного процесса, выделяют ресурсы и возможности организации; навыки субъектов образовательного процесса; использование цифровых технологий; цифровую культуру сотрудников обра-

звательной организации. Рассмотрим эти факторы подробнее и проанализируем их значение для эффективности образовательного процесса.

Несомненно, без современной учебно-материальной базы вуза (онлайн-платформы, программное обеспечение, компьютеры, планшеты, интерактивные доски, специально разработанные для образовательных целей, и т. п.) невозможна интеграция разнообразных технологий в учебный процесс. Сегодня это условие существования самого вуза. Разговор о плюсах использования цифровых ресурсов уже не актуален. Общеизвестно педагогами и обучающимися, что обеспечение доступа к информации с использованием цифровых инструментов делает процесс обучения более широким и удобным, так как открываются возможности и для преподавателей, и для курсантов получать актуальные знания, в режиме онлайн в удобное время просматривать учебные материалы, что формирует более глубокие и разносторонние компетенции. Отметим возможность визуального восприятия информации, что важно для лиц мужского пола (основной контингент вузов правоохранительной системы) для более эффективного и глубокого ее усвоения. Цифровизация обогащает обучение новыми формами интерактивности и мультимедийностью, что открывает новые способы взаимодействия между преподавателями и курсантами, стимулирует более глубокое учебное воздействие.

Вузы ФСИН России, учитывая свою ведомственную принадлежность, могут использовать в образовательном процессе не все программные продукты, а только прошедшие определенную экспертизу или сертификацию.

В контексте цифровой трансформации со значительными проблемами сталкиваются и гражданские вузы, в частности с ограничением в использовании современных технических устройств. Для вузов правоохранительной системы, Министерства обороны и других силовых ведомств требуются высокие стандарты кибербезопасности. Осознавая, что внедрение цифровых технологий должно учитывать в первую очередь интересы ведомства, необходимо рассмотреть возможности и для удовлетворения потребностей участников образовательного процесса. Исключение курсантов из цифровизированного образовательного процесса в связи с имеющимся цифровым разрывом, нуждается в разрешении, которое нам видится в создании доступных и инклюзивных условий для участников системы образования.

Очевидно, что педагогический эффект цифровых технологий, их влияние на эффективность образовательного процесса и качество подготовки во многом определяются преподавателем. Профессорско-преподавательский состав, особенно возрастная категория педагогов, нуждается в приобретении компетенций, выражающихся в способности интегрировать цифровые технологии в учебный процесс.

Оценить интегральный показатель цифровой компетентности и его четыре компонента по субшкалам: знания, умения, мотивация и ответственность позволяет методика «Индекс цифровой компетентности» (Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик) [8].

Системного подхода требуют и пересмотр педагогических подходов, и педагогическая экспертиза потенциальных вызовов и предоставляемых возможностей, сопровождающих цифровую трансформацию образования.

Цифровизация ставит перед педагогами задачи по разработке интерактивных учебных материалов и заданий, тестов, индивидуализированных планов обучения, что требует дополнительного времени. Не считаем предосудительным, если педагог совместно с обучающимся создает такие программы, в любом случае содержание и методический аспект – за преподавателем! При этом такое взаимодействие усиливает коммуникацию между участниками образовательного процесса, облегчают взаимопонимание.

Внедрение в систему образования цифровых технологий существенным образом изменяет миссию педагога и выполняемые им функции. Вместо транслятора знаний он переходит к роли наставника, сопровождающего обучающегося по образовательному маршруту. Организационно-педагогические и психолого-педагогические условия обучения меняются, что обязывает педагога к изменению, переосмыслению, развитию, в том числе в области информационно-цифровых технологий [9].

Признавая значимость цифровых образовательных технологий, важно не забывать, что актуальной задачей является сохранение гуманистической миссии образования.

Глобальной целью образования является приобщение индивида к достижениям человеческой цивилизации, ретрансляция и сохранение ее культурного достояния. В связи с этим целью образовательного процесса является формирование личностных ценностно-смысловых систем, основу которых составляют общечеловеческие гуманистические ценности. Никакие цифровые технологии не смогут повлиять на механизмы интериоризации ценностей и личностного развития без личности другого индивида, так как «возможности сопереживать, вырабатывать ценностное отношение к фактам окружающего мира, учиться взаимодействию с другими субъектами открываются в процессе диалога как способа существования культуры и человека» [10]. Согласимся с И. Ю. Каменевой, что именно на этом уровне происходит включение в содержание образовательного процесса личностного опыта обучающегося и дальнейшее его (опыта) развитие, связанное с развитием личностных функций – тех проявлений человека, которые и реализуют феномен «быть личностью» [11]. Если, конечно, мы хотим сохранить человека как личность, а не роботизировать его.

Обратимся к цифровой культуре как фактору цифровизации. В нашем словарном запасе появилась такая дефиниция в связи с активным распространением цифровых технологий и формируемым цифровым обществом.

Культура неразрывно связана с образованием. Несложно предположить, что цифровизация влияет на культуру, образуя при этом новые смыслы. Перед человечеством новая проблема – развитие эмоционального интеллекта [12]. Сегодня проблема исследования и развития эмоционального интеллекта на повестке дня ученых разных областей науки, на эту тему написаны диссертации, проведены многочисленные исследования, однако новые форматы общения, обострение межвозрастных взаимодействий, сложности взаимопонимания, открытость цифровых ресурсов требуют дополнительных исследований, изучения проблемы и выработки нормативных и этических правил, положений, нормативов [13].

Система образования нуждается в новом виде-нии способов регуляции межличностных отношений педагога и обучающегося в цифровом мире. Студенты как носители других ценностей легко переходят границы во взаимоотношениях и между педагогом и студентом, что требует введения соответствующих регламентов.

Выводы

Основными возможностями, которые открывает цифровая трансформация перед образованием, являются индивидуализация обучения и адаптация к потребностям субъектов образовательного процесса для обеспечения эффективности процесса и расширения возможностей в самореализации и самоактуализации, в том числе путем приобщения к онлайн-курсам, виртуальным технологиям с использованием сетевой формы обучения, позволяющей привлекать к обучению лучших специалистов, ученых и экспертов в области пенитенциарной науки. Такая форма также позволит взаимодействовать курсантам разных вузов, обмениваться опытом, создавать совместные проекты. Цифровизация образования демонстрирует бесспорные преимущества в организации современного образовательного пространства, насыщении его возможностями, предоставляемыми цифровыми технологиями для обучения, введения

интерактивных методов обучения, субъект-субъектного взаимодействия участников, оптимизации образовательного процесса в целом за счет внедрения цифровых программ.

Цифровые технологии позволяют педагогу проводить любое занятие на более высоком техническом уровне, насыщая его актуальной информацией, изучать сложный учебный материал наглядно и необычно, помогая обучающимся воспринимать информацию более глубоко и осознанно. Постепенный отказ от бумажных носителей информации будет способствовать оптимизации тайм-менеджмента в профессиональной деятельности педагога.

Создание цифровых учебников, учебных материалов с интерактивными элементами позволяет сделать обучение наглядным, увлекательным, геймифицировать образование в целом, что будет способствовать глубокому погружению в изучаемые дисциплины и их пониманию, формированию способностей курсантов, востребованных в XXI в., таких как креативность, критическое мышление, интерактивность, сотрудничество и коммуникация.

Цифровая трансформация обучения требует подготовки педагогического состава к использованию технологий, которая может быть реализована в различных формах самообучения, переподготовки на курсах, участия в вебинарах, специализированных тренингах, в сотрудничестве с преподавателями, успешно интегрировавшими цифровые технологии.

Несмотря на преимущества, цифровизация образования формирует и новые вызовы, требует нестандартных решений и инновационных стратегий для преодоления проблем, с которыми сталкиваются ведомственные вузы и педагоги.

Сегодня активно внедряются технологии виртуальной реальности, искусственного интеллекта, фиджитал-технологии, что обогащает учебный опыт курсантов, способствует более эффективному усвоению знаний, развитию навыков, необходимых для успешной адаптации к профессиональной деятельности в цифровую эпоху.

Мы должны быть готовы к тому, что цифровая трансформация образования – процесс непрерывный, но его эффективность и качество во многом определяются гармоничным взаимодействием технических инноваций с педагогической целесообразностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев А. А. Педагогика в информационном обществе, или Электронная педагогика // Высшее образование в России. 2011. № 11. С. 113–116.
2. Вербицкий А. А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // HomoCyberus. 2019. № 1 (6). URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019?ysclid=m78y5r4qkj123549906 (дата обращения: 02.09.2024).
3. Чикова О. А. Цифровая трансформация содержания педагогического образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 2, № 3 (73). С. 22–39.
4. Ковтуненко Л. В. Инновации как фактор развития цифровой образовательной среды вуза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2024. № 1. С. 47–50.

5. Ковалев О. Г., Вилкова А. В., Швырев Б. А. Методология формирования знаний об информационной и компьютерной безопасности учреждений УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 4. С. 25–27.
6. Бобунова А. С., Сергеева М. Г. Классификация и внедрение технологий на базе искусственного интеллекта в обучение иностранному языку в вузе // Концепт. 2024. № 5. С. 25–37.
7. On the issue of the level of estimation for professional mobility of the future expert in the field of operating security / E. N. Brukhov, L. V. Kovtunenکو, E. V. Kalach, O. E. Melnik // Journal of Physics: Conference Series : II INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE ON APPLIED PHYSICS, INFORMATION TECHNOLOGIES AND ENGINEERING. Krasnoyarsk, 2020. Volume 1691. P. 12010.
8. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. 2-е изд., стер. М., 2018. 375 с.
9. Ковтуненко Л. В. О роли педагога в современной системе образования: информация к размышлению // Траектория развития субъектов образовательного процесса : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2024. С. 39–44.
10. Каменева И. Ю. Педагогические проблемы цифрового образования в контексте личностного подхода // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/55PDMN621.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Ковтуненко Л. В. Инновационные подходы к проблеме формирования культуры студенческой молодежи в классическом университете // Язык и культура. 2023. № 62. С. 254–262.
12. Зауторова Э. В. Проявление эмоционального интеллекта у сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 3. С. 14–17.
13. Ковтуненко Л. В., Ковтуненко А. Б. Образ образовательной среды ведомственной организации и профессиональная идентичность будущего сотрудника // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 102–107.

REFERENCES

1. Andreev A.A. Pedagogy in the information society. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2011, no. 11, pp. 113–116. (In Russ.).
2. Verbitskii A.A. Digital learning: problems, risks and prospects. *HomoCyberus*, 2019, no. 1 (6). (In Russ.). Available at: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (accessed September 2, 2024).
3. Chikova O.A. Digital transformation of teacher education content. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy*, 2020, vol. 2, no. 3 (73), pp. 22–39. (In Russ.).
4. Kovtunenکو L.V. Innovation as a factor in the development of digital educational environment of the university. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya = Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2024, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.).
5. Kovalev O.G., Vilkova A.V., Shvyrev B.A. Methodology of knowledge formation about information and computer security of penal institutions. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2022, no. 4, pp. 25–27. (In Russ.).
6. Bobunova A.S., Sergeeva M.G. Classification and implementation of artificial intelligence-based technologies in teaching a foreign language at a university. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyi zhurnal "Koncept" = Scientific-methodological electronic journal "Concept"*, 2024, no. 5, pp. 25–37. (In Russ.).
7. Brukhov E.N., Kovtunenکو L.V., Kalach E.V., Melnik O.E. On the issue of the level of estimation for professional mobility of the future expert in the field of operating security. In: *Journal of Physics: Conference Series: II International scientific conference on applied physics, information technologies and engineering*. Krasnoyarsk, 2020. P. 12,010.
8. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow, 2018. 375 p.
9. Kovtunenکو L.V. On the role of a teacher in the modern education system: information for reflection. In: *Traektoriya razvitiya sub"ektov obrazovatel'nogo protsesssa: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Trajectory of the development of subjects of the educational process: materials of the II International scientific and practical conference]. Voronezh, 2024. Pp. 39–44. (In Russ.).
10. Kameneva I.Yu. Pedagogical problems of digital education in the context of a personal approach. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2021, vol. 9, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/55PDMN621.pdf> (In Russ.). (Accessed September 9, 2024).
11. Kovtunenکو L.V. Innovative approaches to the problem of forming the culture of student youth at a classical university. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, 2023, no. 62, pp. 254–262. (In Russ.).
12. Zautorova E.V. Manifestation of emotional intelligence among employees of the penal system. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2024, no. 3, pp. 14–17. (In Russ.).
13. Kovtunenکو L.V., Kovtunenکو A.B. Image of the educational environment of a departmental organization and professional identity of a future employee. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 102–107. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

АНТОН БОРИСОВИЧ КОВТУНЕНКО – аспирант кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, kovtunenkoab123@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6594-1258>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

ANTON B. KOVTUNENKO – Postgraduate Student at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkoab123@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6594-1258>

Статья поступила 19.10.2024

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да (отнесен к категории К2)

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>